

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

И. Е. Федорова

ЭВОЛЮЦИЯ
АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ
В ИРАНЕ В НАЧАЛЕ XX в.
(1900–1919 гг.)

Москва
2022

ББК 66.4(08)(4Вл)(5Ирн)
Ф33

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор
Н. М. Мамедова, канд. экон. наук, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты
З. А. Арабаджян, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН
А. М. Мустафабейли, канд. ист. наук, ИАМП ДА МИД России

Федорова, И. Е.
Ф33 Эволюция английской политики в Иране в начале XX в. (1900–1919 гг.) : монография / И. Е. Федорова ; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук, Центр изуч. стран Ближ. и Сред. Востока ; [отв. ред. Н. М. Мамедова]. — Москва : ИВ РАН, 2022. — 218 с.

ISBN 978-5-907543-65-2

Монография посвящена исследованию политики Великобритании в Иране в начале XX в. в контексте Первой мировой войны, а также событий внутренней жизни Ирана, в первую очередь Конституционного движения 1905–1911 гг.

На основе архивных материалов показывается как ослабление Российской империи привело к заключению кабального англо-иранского соглашения в 1919 г., вызвавшего протестные выступления в Иране.

Книга предназначена научным сотрудникам, преподавателям, студентам и аспирантам, а также всем интересующимся историей международных отношений на Среднем Востоке.

ББК 66.4(08)(4ВЛ)(5Ирн)

ISBN 978-5-907543-65-2

© Федорова И. Е., 2022
© ФГБУН ИВ РАН, 2022

Оглавление

Предисловие	5
Введение. Социально-экономическое и внутривосточное положение Ирана в конце XIX — начале XX в..	10
Глава 1. Усиление британского проникновения в Иран накануне революционных потрясений (1900–1905 гг.) . . .	31
Глава 2. Политика Англии в Иране в период Конституционного движения в Иране 1905–1911 гг. в контексте международной обстановки.	57
Глава 3. Политика Англии в 1912–1914 гг. в Иране накануне Первой мировой войны.	117
Глава 4. Первая мировая война дает новые возможности Великобритании для закабаления Ирана	145
Заключение	167
Список источников и литературы	173
Приложения.	178
Об авторе	216
About the author	216

Предисловие

Политика ведущих мировых держав на Ближнем и Среднем Востоке, который и в наши дни является одним из самых «горячих» районов мира, традиционно привлекает внимание историков и политологов. Особенно резко интерес к изучению этих проблем в исторической ретроспективе возрос в конце XX в., после революции 1978–1979 гг. в Иране, ставшей толчком переформатирования всей международной системы балансов и противовесов, сложившейся в этой части Азиатского континента.

Несмотря на то, что более ста лет отделяет нас от процессов, которые определяли политику Великобритании в Иране в первой четверти XX в., анализ исторических аспектов формирования и развития ее основных тенденций, форм и методов позволяет не только более полно воссоздать картину исторических событий, но и увидеть характерные черты, которые прослеживались в развитии отношений западных стран с Ираном на протяжении большей части XX в.

Исторические рамки работы, которые определяются 1900–1919 гг., охватывают политику Великобритании во время наиболее значимых событий того времени — конституционного движения в Иране в 1905–1911 гг. и Первой мировой войны — и завершаются переворотом 3 бхута, приведшего к власти Реза хана, основателя новой династии — династии Пехлеви в Иране.

Рассматриваемый период определяется стремительным усилением экспансии Великобритании в Иран, что было вызвано резким ослаблением и окончательным уходом в октябре 1917 г. с исторической сцены Российской империи, многие годы противостоявшей Соединенному королевству. Именно после этого стало возможно заключение кабального англо-иранского соглашения от 9 августа 1919 г., согласно которому Иран фактически превращался в британский протекторат.

Основными источниками, на базе которых нами рассматриваются исторические события, послужили неопубликованные материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ)

и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Переписка дипломатических представителей, отчеты Министерства иностранных дел и «всеподданнейшие доклады» императору Николаю II, сосредоточенные в АВПРИ, а также документы из фондов Государственной Думы, Петербургского телеграфного агентства, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, расширяют наши представления о политике ведущих мировых держав в Иране. Важное место среди них занимают материалы Особого совещания по персидским делам, которое было специально учреждено «в виду того, что положение дел в Персии весьма существенно затрагивало самые разнообразные интересы России»¹. Поэтому, как отмечалось в предисловии к опубликованным документам, «все основные вопросы, относящиеся к нашей политике в Персии, подвергались периодическому обсуждению в ... Особом совещании по персидским делам, в состав которого входили: Председатель Совета Министров, министры: иностранных дел, финансов, военный и морской, начальники штабов Генерального и Морского генерального и др.»²

В данной связи серьезное значение имеют и другие издания официальных документов из архивов России и Великобритании на русском и английском языках и протоколы дебатов английского парламента. Наибольший интерес из них представляют многотомные издания: «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств» (М., 1931–1940), «British Documents on the Origins of War» (Л., 1924–1938), «Great Britain Parliament. Further Correspondence Respecting the Affairs of Persia» (Л., 1908–1914). Значительную помощь при анализе британской политики в Иране оказали автору материалы, содержащиеся в сборниках Ю. В. Ключникова и А. Сабанина «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях» (М., 1925) и J. C. Hurewitz. *Diplomacy in the Near and Middle East* (N.-Y., 1972).

¹ Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. СПб., 1911. Вып. 1, с. 7.

² Там же.

При освещении международного и внутреннего положения Ирана, а также отдельных аспектов английской политики, автор опирался, прежде всего, на труды русских и советских востоковедов. Весьма обширный фактический материал, касающийся социально-экономического положения Ирана и его внутривосточного развития, содержится в работах русских военных и дипломатических представителей, а также представителей деловых кругов. Среди них ведущее место занимают труды дипломатов-востоковедов Л. Ф. Богданова и И. А. Зиновьева, военных дипломатов-востоковедов генерал — лейтенанта П. А. Риттиха и генерал — майора Л. Ф. Тигранова, полковника Генерального штаба А. И. Медведева, и полковника Генерального штаба Л. Н. Соболева (нередко писавшего под псевдонимом «Скиф»)¹.

Отдельные вопросы английской политики и англо-русских отношений получили отражение в работах А. Ф. Остальцевой и Б. В. Ананьича. Это касается, в первую очередь, исследования предпосылок и заключения Конвенции от 18/31 августа 1907 г. между Великобританией и Россией.

Значительную помощь автору при освещении основных проблем социально-экономического и внутривосточного развития Ирана в конце XIX — начале XX в. и революционного движения в стране оказали труды русских востоковедов: М. С. Иванова, З. З. Абдуллаева, С. Л. Агаева, С. М. Алиева, А. З. Арабаджяна, В. С. Глуходода, А. И. Демина, Л. Г. Исягина, Т. С. Коротковой, Л. М. Кулагиной, Л. И. Мирошниковой, А. И. Полищука Р. А. Сеидова, И. П. Сенченко, В. В. Трубецкого.

Серьезным подспорьем в изучении британской политики, особенно при выявлении ее зависимости от изменений в международной обстановке, явились труды по истории внешней полити-

¹ Богданов Л. Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торговом, промышленном и административном отношении: Пособие для слушателей Курсов востоковедения. Сост. Л. Ф. Богданов, преп. Курсов востоковедения. Состоящее под августейшим покровительством е. и. выс. в. кн. Михаила Николаевича О-во востоковедения. СПб., 1909; Зиновьев И. А. Россия, Англия и Персия. С прил. карты Персии. СПб. 1912; Риттих П. А. Политико-статистический очерк Персии СПб., 1896; Тигранов Л. Ф. Из общественно-экономических отношений в Персии. СПб., 1909; Медведев А. И. Персия: Военно-статистическое обозрение. СПб., 1909. Скиф. Персидский вопрос. М., 1912.

ки Англии и по истории международных отношений. Среди них следует назвать работы И. В. Бестужева, И. С. Галкина, Р. М. Емченко, А. И. Звавича, А. В. Игнатьева, Н. А. Халфина, В. М. Хвостова.

В самые последние годы известный советский и российский иранист З. А. Арабаджян обратился к изучению истории Ирана в начале XX в. Его монографии «Неизвестные страницы Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране» (М., 20121), «Иран в годы Первой мировой войны» (М., 2021) и «История иранского масонства в XX веке (от зенита до заката)» (М., 2020), базирующиеся на многочисленных архивных источниках, имели особое значение. Во многом в своей работе автор настоящего исследования опирался на оценки наиболее значимых событий истории Ирана в освещаемый период: различных аспектов Конституционного движения в Иране в 1905–1911 гг. и политики Ирана в период Первой мировой войны, — лежащие в основе его книг.

Обширные и весьма ценные материалы, а также немало важных наблюдений содержатся и в трудах западных авторов. Среди них выделяются две монографии проф. Дж. Лоу и сборник статей под редакцией Ф. Хинсли, посвященный деятельности Э. Грея (1905–1916 гг.) на посту министра иностранных дел Англии¹. Помимо этого, стоит упомянуть и работы западных востоковедов иранского происхождения Р. Рамазани и Ф. Каземзаде и работы И. Ахмада, Х. Назема. Они основываются на богатых материалах, хранящихся в фондах государственных архивов Англии и США. Однако их научная значимость в значительной мере снижается тем, что в большинстве работ прослеживается определенная тенденциозность с целью представить Великобританию носителем демократии и прогресса, защитницей угнетенных народов. При этом названные авторы стремятся возложить на Россию вину за то, что Иран после Первой мировой войны фактически потерял политическую независимость, и только отчасти признают ответственность Англии за политическое закабаление страны. Эти авторы, также как и их предшественники, английские авторы конца XIX — начала XX в., основывают свои утверждения на

¹ Lowe C. J. and Dockwill M. L. *The Mirage of Power. British Foreign Policy 1902–1914*. Vol. I, L., 1972; *British Foreign Policy under Sir E. Grey*. Ed. By Hinsley F. H. Cambridge, 1977.

пресловутом тезисе, заимствованном из арсенала английской дипломатии, о «русской угрозе» странам, граничащим с Британской Индией. Эти утверждения прослеживаются и в трудах английских авторов начала XX в.: П. Сайкса, Э. Броуна и т. д. Речь идет, прежде всего, о заимствованном из арсенала западной дипломатии, пресловутом тезисе об «угрозе с севера» странам Персидского залива и Индийского океана, на роль защитника которых претендовала Англия.

Несмотря на значительное количество работ, касающихся британской политики в Иране в конце XIX — начале XX в., до сих пор отсутствует специальное исследование политики Англии в Иране в первой четверти XX в. В данной монографии автор рассмотрел политику Великобритании в Иране в первой четверти XX в. комплексно, с одной стороны, в тесной связи с изменениями международной обстановкой и Первой мировой войной, а с другой стороны, с событиями внутренней жизни Ирана, в первую очередь, с иранской революцией 1905–1911 гг.

Автор благодарит сотрудников Сектора Ирана за рекомендации, данные при работе над монографией. Особую признательность хочется выразить А. З. Арабаджяну и Н. М. Мамедовой за их внимание и помощь, оказанные автору.

Введение. Социально-экономическое и внутриполитическое положение Ирана в конце XIX — начале XX в.¹

Основные вопросы социально-экономического и внутриполитического развития Ирана в рассматриваемый период получили достаточно обстоятельное освещение в трудах российских ученых². Это определяет во многом обзорный характер настоящей главы. Тем не менее, в ней акцентируется внимание на основных проблемах социально-экономического и внутриполитического развития Ирана, важных для воссоздания тех исторических условий, в которых развивалась британская политика в этой стране.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В конце XIX — начале XX в. по мере усиления политической и экономической экспансии ведущих мировых держав страны Азии, Африки и Латинской Америки все более интенсивно втягивались в систему международных экономических и политических отношений, быстро превращаясь в рынок сбыта и источник сырья для промышленности более развитых государств. Рост их

¹ В 1935 г. Реза-шах принял решение изменить название страны с Персии на Иран, подчеркивая арийское происхождение народа его страны, и обратил-ся с этой просьбой в Лигу Наций. Во избежание терминологической путаницы мы придерживаемся названия Иран и в отношении названия государства до 1935 г. В документальных материалах, которые цитируются нами, сохраняется название «Персия».

² *Абдуллаев З. З.* Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце 19 — начале 20 вв. Баку, 1963; *Арабаджян А. З.* Социально-экономические корни монархии Реза-шаха и реакционная сущность ее экономической политики. (Автореферат диссертации). М., 1952; *Арабаджян З. А.* «Неизвестные страницы Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране» (М., 2012), *Арабаджян З. А.* «Иран в годы Первой мировой войны» (М., 2021); *Глухoded В. С.* Проблемы экономического развития Ирана (20-е — 30-е гг.). М., 1968; *Демин А. И.* Современная иранская деревня. М., 1977; *Иванов М. С.* Иранская революция 1905–1911 гг. М., 1957; *Сеидов Р. А.* Иранская буржуазия в конце 19 — начале 20 вв. М., 1974. и др.

значения в хозяйственной жизни капиталистического мира привел к тому, что в рассматриваемый период усилилась борьба между ключевыми капиталистическими государствами за раздел и передел мира, объектом которой стали, в первую очередь, полуколониальные страны.

Одной из таких стран, сохранявших лишь формальную независимость, а на деле же находившихся в финансовой и политической зависимости, был Иран. Специфика, механизм колониальной экспансии в Иране, как и в других подобных ей странах, зависел, разумеется, от конкретных условий, сложившихся внутри страны — объекта экспансии, уровня и особенностей развития производительных сил, специфики политической и социальной структуры, расстановки политических сил, характера политической борьбы. При том необходимо отметить, что международно-политический фактор сыграл очень важную роль в развитии событий в Иране в начале XX в., так как избежать участи превращения в колонию этой стране удалось в значительной мере благодаря тому, что она являлась объектом острого соперничества ведущих мировых держав, в первую очередь Великобритании и России. Вместе с тем зависимость Ирана от этих стран была настолько велика, что его практически можно было рассматривать как колонию.

Резкое усиление экспансии иностранных монополий усугубляло кризис иранской экономики, включенной в качестве подчиненного звена в систему мирового капиталистического хозяйства. Увеличивалось несоответствие между возможностями иранского хозяйства, базировавшегося на использовании докапиталистических форм и методов производства, и потребностями страны и населения.

В сельском хозяйстве — важнейшей отрасли экономики Ирана, на которое приходилось 80–90% национального валового продукта, господствовали феодальные и полуфеодальные формы производства. Они в условиях общей отсталости экономики и сильной зависимости ее от мирового капиталистического рынка не обеспечивали рост продукции растениеводства и животноводства. Такое положение во многом предопределялось монополией богатых полуфеодальных собственников — помещиков, ханов племен,

мусульманского духовенства и государства на основные средства производства в иранской деревне. В их руках находилось свыше 80% обрабатываемых площадей. При этом в конце XIX — начале XX в. прослеживалось прогрессирувавшее сокращение части урожая, которая оставалась в руках крестьян. Эксплуатация крестьян путем издольной аренды дополнялась обложением их разнообразными натуральными повинностями, а также гнетом торгово-ростовщического капитала, который намного возрос с усилением развития в иранской деревне товарно-денежных отношений. Ухудшение и без того тяжелого материального положения крестьян, естественно, не создавало стимула для роста интенсивности труда и увеличения выхода продукции¹.

На низком уровне находилось и животноводство, занимавшее довольно высокий удельный вес в национальной экономике. Методы ведения скотоводства почти не изменились по сравнению с древними временами. Таким образом, производство в иранской деревне отличалось крайне слабым развитием и в целом не преодолело еще стадии феодального способа производства.

Стоит отметить, что зависимость иранского сельского хозяйства от иностранных монополий к началу 20 в. укрепилась, что отражало превращение Ирана в аграрно-сырьевой придаток ведущих мировых держав.

В то же время промышленность Ирана переживала упадок, что обуславливалось прежде всего возросшей конкуренцией мощной промышленности западных держав и России, которые усиливали экспансию на иранские рынки. Широкому проникновению иностранных компаний в Иран способствовало сохранение капитуляционного режима, который опутывая страну сетью неравноправных договоров, ограничивал политическую самостоятельность иранского государства и фактически превращал его в полуколонию. Навязанный Тегерану конвенционный таможенный тариф предусматривал очень низкие ставки обложения импортных товаров, льготы и привилегии для иностранных фирм и отдельных коммерсантов. Так, тариф 1903 г. предусматривал значительное понижение таможенных пошлин. Серьезное значение имело от-

¹ Подробнее см.: Демин А. И. Иранская деревня. М., 1977. С. 6–20.

существование покровительства иранской промышленности со стороны государства, что в значительной степени обусловило ее упадок. Непосредственным следствием возросшей экспансии развитых держав на иранском рынке было банкротство почти всех национальных и иностранных предприятий капиталистического типа¹.

По мнению большинства авторов, освещавших в своих работах вопросы развития иранской промышленности, в стране в рассматриваемый период почти не было предприятий фабрично-заводского типа. Иранская промышленность в этот период, по словам Л. Собоцинского, стояла на очень низком уровне и в целом не преодолела стадии кустарного производства².

Отсталость иранского сельского хозяйства и промышленности в известной мере объяснялась очень слабым развитием путей сообщения, линий связи и почти полным отсутствием современных средств транспорта.

В Иране имелось около 2 тыс. км грунтовых и шоссейных (вернее колесных) дорог. Мало пригодных для автомобильного транспорта. Они, как отмечал Л. Собоцинский, представляли собой «просто открытые пространства, кое-где плохо вымощенные камнем, без всякой наезженной колеи» которые на каждом шагу пересекали «оросительные каналы, рытвины, выбоины». Основными путями сообщения оставались проселочные дороги и выючные тропы, а ведущими средствами транспорта — верблюды, мулы и ослы³.

В финансовой жизни Ирана иностранные монополии также овладели прочными позициями и довольно успешно использовали их для экономического и политического влияния в стране. Могущество иностранных монополий в этой области базировалось на обременении Ирана огромной задолженностью путем предоставления ему займов, а непосредственно в стране на деятельности Шахиншахского банка Англии и Учетно-ссудного банка России. Внешняя задолженность Ирана, которая в основном приходи-

¹ Подробнее см.: *Бобынин Н. Н.* Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля (1901–1923). Тифлис. 1923.

² *Собоцинский Л. А.* Персия. СПб. 1913. С. 56.

³ *Завриев Д. С.* Персия наших дней. Тифлис, 1931. С. 82. *Собоцинский Л. А.* Персия... С. 87, 192.

лась на эти две страны, составляла в 1914–1915 гг. 6,6 млн ф. ст.¹. Она служила основной причиной дефицита бюджета и заставляла иранское государство для его покрытия прибегать к новым займам, что еще более усиливало финансовую зависимость страны от иностранных монополий. На погашение внешней задолженности и выплату процентов по займам (это осуществлялось главным образом за счет доходов от таможенного обложения) ежегодно расходовалось до 1/3 налоговых поступлений. Финансовая зависимость Ирана от иностранных держав подкреплялась и усугублялась захватом банками Англии и России ведущего положения на денежном рынке страны, что особенно относится к Шахиншахскому банку, который получил право эмиссии банкнот, ввоза серебра для чеканки монеты, хранения доходов государства. Значительное место в деятельности банка занимали и сделки в области внешней торговли. Все эти операции позволяли банку в известной мере осуществлять контроль над денежным обращением страны, приносили ему огромные прибыли и содействовали упрочению влияния Англии в Иране. Учетно-ссудный банк Персии, встав перед фактом захвата британскими монополиями основных позиций в финансовой жизни Ирана, стремился подорвать экономическое и политическое влияние Шахиншахского банка исподволь — путем привлечения на сторону России представителей иранской элиты. Вследствие этого Учетно-ссудный банк серьезное внимание уделял выдаче льготных кредитов помещикам и купцам, которые вели торговлю с Россией.

Важную роль в экономическом влиянии на Иран играло предоставление ему Англией и Россией займов, в форме которых в основном и происходил вывоз капитала. Эти займы носили колониальный характер, так как их выделение обуславливалось получением от Ирана различных уступок. Они выдавались под обеспечение определенными видами государственных доходов, главным образом доходами от таможенного обложения. Наглядным примерами этого был заем, предоставленный Ирану Англией в 1892 г. под обеспечение доходами от южных таможен, и заем, предоставленный Россией в 1900 г. под обеспечение доходами от

¹ Подробнее см.: Глухoded В. С. Проблемы экономического развития Ирана (20–30-е гг.). М., 1968. С. 11.

всех таможен страны за исключением доходов от таможен Фарса и портов Персидского залива, где было сильно влияние Англии¹.

Таким образом, сбор таможенных доходов — один из наиболее важных источников доходов государства, зачастую отдавался на откуп иностранным монополиям в качестве обеспечения выделявшихся Ирану займов, что, естественно уменьшало доходы государства.

Вместе с тем, следует отметить, что доходы государства шли главным образом на удовлетворение нужд двора, громоздкого административного аппарата, содержание армии и полиции, а зачастую просто расхищались. А процветающая в стране коррупция приводила к тому, что полученные займы лишь в самой незначительной мере шли на укрепление экономического и политического положения страны. «Внешние займы, к которым прибегало персидское правительство для того, чтобы укрепить свое финансовое положение, — писал, например, российский поверенный в делах в справке, представленной в Совет министров, — не привели к благоприятным результатам: полученные деньги растрачивались шахом и его приближенными, не принося никакой пользы стране, и лишь обременяя ее уплатою процентов по займам, обеспеченных таможенными доходами»².

Наиболее ярко влияние иностранного капитала на экономическую жизнь Ирана сказывалось в области внешней торговли, которая в условиях экономической отсталости и полуколонияльного положения страны еще второй половине XIX в. стала скорее ответвлением мирового рынка, чем отраслью иранского хозяйства³. Такое положение внешней торговли было следствием особенностей исторического развития Ирана, длительное время, в значительной степени определявшееся борьбой Англии и России за подчинение страны и неустойчивой политической обстановкой.

Сохранение внешней торговли в качестве основного канала экономической экспансии ведущих мировых держав обуслови-

¹ Подробнее см.: *Ананьич Б. В.* Российское самодержавие и вывоз капитала. Л., 1975. С. 25.

² ЦГИА СПб, Ф. 1276. О. 3. Д. 697. С. 353 об.

³ Подробнее см.: *Очерки новейшей истории Ирана.* М., 1976. С. 15–40.

ло то обстоятельство, что деятельность иностранных финансовых организаций была нацелена на укрепление позиций своих государств в этой отрасли. Шахиншахский банк особенно активно вмешивался в торговлю Ирана с Англией и использовал ее для распространения английского политического влияния среди правящих кругов страны. Ведь здесь концентрировались интересы полуфеодалных помещиков и купцов, которые оказывали заметное воздействие на политическую жизнь страны¹.

Во внешней торговле наиболее наглядно проявилась двусторонняя зависимость Ирана от России и Англии, на которые накануне Первой мировой войны приходилось 82% иранского импорта и около 79% экспорта, причем на долю России падало соответственно 55% и 66,2%². При этом Иран в торговле с Россией, как правило имел активный баланс. Огромный дефицит, который неблагоприятно сказывался на состоянии платежного баланса страны, приходился главным образом на торговлю Ирана с Англией. Погашение дефицита внешней торговли шло в значительной степени за счет ввоза в Иран иностранного капитала.

В импорте Ирана преобладали изделия фабрично-заводской промышленности. А в экспорте — продукция сельского хозяйства и изделия специфических отраслей кустарного производства и мануфактуры. Преобладали в импорте товары широкого потребления, что отражало слабое развитие экономики страны. Такая структура внешней торговли Ирана ярко свидетельствовала, что страна превратилась в рынок сбыта и источник сырья для промышленности развитых государств.

Вместе с тем, всевозрастающее экономическое и политическое проникновение иностранных держав в Иран оказывало серьезное воздействие на социально-экономическое развитие страны и ее внутриполитическое положение.

¹ Абдуллаев З. З. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана... С. 34–35.

² Глуходед В. С. Проблемы экономического развития Ирана... С. 19.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ИРАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Полуколонизальный характер развития внешней торговли, как и иранского хозяйства в целом, обусловил зависимость и тесные связи наиболее влиятельных в экономическом отношении слоев иранского общества — полуфеодалных помещиков и компрадоров — с ведущими мировыми державами. Однако интересы помещиков и компрадорской буржуазии, выступавшей за сотрудничество с иностранными монополиями, во многом вступали в противоречия с интересами национальной буржуазии, выдвигавшей требование самостоятельного экономического и политического развития страны. Названные группы были носителями двух главных тенденций в развитии иранского общества, борьба между которыми постепенно становилась движущей и определяющей силой этого развития, протекающего в сложной внутриполитической и международной обстановке¹.

Обе группы, невзирая на серьезные расхождения во взглядах на пути дальнейшего развития Ирана, объединило отрицательное отношение к династии Каджаров, которая довела страну до такого состояния, когда только остро соперничество между Англией и Россией спасало Иран от превращения в колонию. В «Кратком оборе событий в Персии», направленном на рассмотрение Особого совещания по Персидским делам при Совете министров, российский поверенный в делах в Тегеране писал: «Слишком сильно пострадал в широких народных массах авторитет шахского правительства, режим которого вел за собой продажность суда и администрации, полный развал армии, необеспеченность частной собственности, упадок экономической жизни страны и как следствие всего этого — крайнюю непосильную для скудного бюджета задолженность казны и небывалое падение международного престижа»². Он отмечал, что «уже и ранее в этой стране существовало глубокое недовольство, которое питалось полным административным произволом, постоянными финансовыми не-

¹ Подробнее см.: Очерки новейшей истории Ирана... С. 15–40.

² ЦГИА СПб. Ф. 276. О. 3. Д. 697. Л. 365 об.

урядицами, безденежьем. Административные должности почти до самых высших служили предметом открытой торговли. Купив себе место, должностное лицо направляло все свои усилия к тому, чтобы поборами и вымогательствами возместить затраты на покупку должности. Та же дезорганизация существовала и в армии, дошедшей до полного распада и потерявшей всякое боевое значение...»¹.

Произвол и насилие администрации Каджаров, процветавшая при ее попустительстве феодальная анархия, тесная зависимость Каджаров от Англии и России, открывшая благодатное поле деятельности для иностранного капитала на территории Ирана, в значительной степени вызывали экономическую разруху и во многом способствовали ухудшению и без того тяжелого положения населения.

Компрадоры и полуфеодалы помещики, поддерживая в принципе монархический строй в Иране и стремясь к укреплению сотрудничества в иностранным капиталом, осуждали правление, растерявшей авторитет власти и не сумевшей приспособиться к новым условиям династии Каджаров, которая показала себя неспособной ограничить экспансию западных держав, обеспечить компрадорам и полуфеодалным помещикам безопасность и безубыточность торговли, равные с иностранными коммерсантами возможности на территории страны, предоставить им соответствующие их экономическому положению политические права, контролировать народные массы.

Недовольство династией Каджаров проявляло и духовенство, обеспокоенное быстрым распространением с ростом проникновения в Иран ведущих мировых держав, буржуазных идей и попыткам (пусть и робкими) государства ослабить общественные позиции мусульманского духовенства в стране. Государство, в частности, открыло несколько светских школ для детей знати и сделало попытки ограничить судебные права духовенства. Эти мероприятия, несмотря на свою незначительность, вызывали серьезное противодействие религиозных лидеров, которые (как впоследствии показали события 20–30-х гг.) не без причи-

¹ Там же. Л. 353 об.

ны увидели в названных мероприятиях угрозу своей монополии в области образования и судебной системы — двух важных столпов мусульманского духовенства.

Таким образом, в конце XIX — начале XX вв. в Иране возникла довольно мощная оппозиция существовавшему в стране режиму и олицетворявшей его деспотической и антинациональной династии Каджаров. Оппозиция включала самые различные слои населения, которое в борьбе против династии Каджаров преследовало свои нередко противоположные цели¹, что отчетливо проявилось в ходе развернувшегося в Иране в рассматриваемый период антифеодального и антизападного движения.

Наивысшего развития это движение достигло в период иранской революции 1905–1911 гг., разгоревшейся под непосредственным влиянием русской революции 1905–1907 гг.

При этом благодаря географической близости Ирана и России, тесным экономическим, общественным и культурным связям обоих государств воздействие русской революции сказывалось в Иране по сравнению с большинством других стран Азии намного мощнее. Это находило выражение как в довольно быстром распространении в Иране демократических и освободительных идей, так и в предоставлении материальной и иной помощи антифеодальному и националистическому движению в стране со стороны революционных организаций России, в прямом участии представителей этих организаций в революции².

Особенную роль здесь сыграли большевики Закавказья. Они через руководимую ими социал-демократическую организацию «Гуммет», созданную в Баку в 1904 г. среди мусульманских рабочих нефтяных промыслов, оказывали сильное влияние на деятельность основанного в 1905 г. Общества моджахедов — самой массовой левой иранской организации, которая выступала за независимость Ирана и осуществление буржуазно-демократических

¹ Подробнее см.: Очерки новейшей истории Ирана... С. 15–40.

² События иранской революции 1905–1911 гг. изложены нами главным образом на основе трудов *Арабаджяна З. А.* «Неизвестные страницы Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране» (М., 2021); *Иванова М. С.* «Иранская революция 1905–1911 гг.» М., 1957 и *Иванов М. С.* Из истории экспансии американского империализма в Иране (Миссия Моргана Шустера 1911 г.). Советское востоковедение 1955. № 2. С. 96–106.

реформ. Общество формировало добровольческие отряды федаев¹, которые постепенно превратились в вооруженную опору революции. Большевики Закавказья снабжали федаев оружием и боеприпасами, посланные ими люди занимались их военной подготовкой, сражались с врагами революции. Среди большевиков, прибывших в Иран на борьбу с контрреволюцией, был, например, Г. К. Орджоникидзе.

Постоянные и тесные контакты, которые организация большевиков Закавказья и другие революционные организации России поддерживали с северными районами Ирана и прежде всего с Азербайджаном и Гиляном, обусловили во многом то, что антифеодальное и националистическое движение в этих районах приобрело наиболее широкий размах и протекало в наиболее острых формах. Такое развитие революционной борьбы в северных областях, в частности, тем, что иранские отходники, которые в значительной части обогатились опытом классовых битв в России и принимали активное участие в революционном движении в своей стране, были главным образом выходцами из этих областей. Размах и характер антифеодального и националистического движения в северных районах Ирана в свою очередь в известной мере предопределили ход революционной борьбы в Иране в целом и расстановку сил на разных этапах этой борьбы.

Иранская буржуазная революция 1905–1911 гг., известная также под названием конституционного движения, охватила самые широкие слои населения страны, что предопределило во многом свержение движения и придало ему во многом боевой, наступательный характер. Однако вследствие слабости национальной буржуазии и полуколониального положения страны в системе мировых экономических и общественных связей, это движение отражало, прежде всего, интересы торговых слоев, представленных, в первую очередь, полуфеодальными помещиками и торговой буржуазией. Эти слои фактически и возглавили движение.

Иранская революция началась в декабре 1905 г. народными выступлениями в Тегеране против произвола и злоупотребления властей. Затем движение, во главе которого встали духовен-

¹ Федаи — члены добровольческих вооруженных отрядов.

ство, полуфеодалные помещики и торговая буржуазия, охватило и другие города, в частности Тебриз, Исфаган, Шираз. Во время забастовок и массовых демонстраций, волна которых прокатилась по Ирану в середине 1905 г., были выдвинуты требования введения конституции, созыва меджлиса, осуществления демократических преобразований.

Под давлением народного движения 5 августа 1906 г. Мозаффар эд-Дин шах опубликовал указ о введении конституции, а 9 сентября положение о выборах в меджлис. Это положение, которое предусматривало двухстепенные выборы (за исключением Тегерана) и высокий имущественный ценз, лишало избирательных прав женщин, крестьян, рабочих, городскую бедноту, большинство ремесленников и мелких торговцев.

Заседание меджлиса открылись 7 октября 1906 г. меджлис одобрил первую часть иранской конституции, определявшую права и полномочия меджлиса. Власть шаха ограничивалась меджлисом, который должен был утверждать все законы и бюджет страны, предоставление концессий, заключение иностранных займов, договоров, соглашений с иностранными государствами. 30 декабря 1906 г. первая часть конституции была утверждена Мозаффар эд-Дин шахом.

Среди различных слоев населения, которые принимали участие в антиимпериалистическом и антифеодалном движении, только на первом этапе революции (в 1905–1907 гг.) наблюдалось относительное единство действий в борьбе против династии Каджаров. Однако уже в 1907 г. наметилось размежевание между демократическими (крестьяне, ремесленники, рабочие, мелкая и средняя национальная буржуазия) и либеральными (полуфеодалные помещики, компрадорская буржуазия, высшее и среднее духовенство) течениями в революции.

Это размежевание было прежде всего следствием роста демократических тенденций в революции, что находило выражение в расширении деятельности демократических организаций. В отличие от 1905–1906 гг., когда революционная борьба охватила главным образом города, в южных районах развернулось движение крестьян. В городах состоялись забастовки рабочих и служащих, нередко возглавлявшиеся первыми в истории Ирана профсо-

юзами. Укреплялись позиции Общества моджахедов, которое со своими отрядами федаев оказывало все более серьезное воздействие на политическую жизнь Ирана. Упрочилось влияние демократических элементов в энджуменах (советах), которые создавались в большинстве городов и представляли собой своеобразные (нередко выборные) органы самоуправления. В ряде городов, особенно в северном Иране, энджумены успешно противостояли официальной власти. Это касалось, прежде всего, Тебриза, где энджумен пользовался высоким авторитетом среди населения и фактически осуществляли власть в городе и прилегающих к нему районах.

Тем не менее до последней четверти 1907 г. размежевание между либеральными и демократическими течениями не носило обычно открытого характера, так как либеральное крыло и особенно полуфеодалы помещики, и компрадоры еще нуждались в поддержке демократических сил для введения основной части конституции.

7 октября 1907 г. Мохаммед Али шах под давлением демократического движения подписал основную часть конституции, утвержденную меджлисом 3 октября 1907 г. В этой конституции декларировалось: разделение законодательной, исполнительной и судебной власти, равенство граждан перед законом, неприкосновенность личности и собственности, свобода слова, печати, обществ. В то же время за шахом были сохранены широкие права — заключение мира и объявление войны, верховное командование вооруженными силами, назначение и отставка министров и пр. Ислам шиитского толка провозглашался государственной религией Ирана. Предусматривалось создание комиссии из пяти высших духовных лиц, которая должна была решать вопросы о соответствии духу ислама законов, принимаемых меджлисом. Без санкции этой комиссии шах не имел права утвердить закон.

Еще до принятия основной части конституции значительное число представителей высшего и среднего духовенства, обеспокоенное требованиями дальнейших буржуазных преобразований, фактически перешла в лагерь контрреволюционных сил. После введения конституции начался открытый отход от революции полуфеодалов помещиков и компрадоров, которые уже в кон-

це 1907 г. провели через меджлис ряд постановлений, направленных на свертывание демократического движения.

Таким образом, налицо был раскол в лагере революции, меджлис у которого страх перед развитием демократического движения превалировал над угрозой со стороны реакционных сил, с каждым днем все более проявлял склонность к соглашению с двором. Это дало возможность реакционным кругам в июне 1908 г. сосредоточить в районе Тегеране значительные силы и разогнать столичные энджумены и меджлис, отменить конституцию. Вслед за Тегераном контрреволюция одержала победу и в других крупных городах Ирана за исключением Тебриза. Началась волна репрессий¹.

В событиях середины 1908 г., как и ранее, немаловажную роль играли ханы кочевых и полукочевых племен со своими вооруженными отрядами. Ханы племен, соблазняясь заманчивыми обещаниями шахского двора и в известной мере опасаясь установления с победой революции твердой власти, что представляло серьезную опасность для их вольностей, как правило, выступали на стороне реакционных кругов. Рядовые члены племен, из которых главным образом комплектовались отряды ханов, в силу своих обязанностей перед родовыми вождями и стремлением поживиться за счет грабежа населения, обычно следовали за своими ханами и тем самым против революции. Такая позиция большинства племен, располагавших значительными военными силами, оказывала заметное влияние на ход революции и обусловила в какой-то степени ее поражение².

Отряды карадагцев, курдов и шахсевен, бахтиар и иных племен составляли основную массу сил контрреволюции, направленных на подавление народного движения в Тебризе, где его возглавили представители демократических слоев населения — Саттар, Багир, Али Мосью и др. Федаи, в рядах которых сражалось немало прибывших из Закавказья моджахедов и жителей города, в ходе упорных боев, продолжавшихся с июня по октябрь 1908 г. изгнали из Тебриза войска шаха и его приверженцев. К декабрю 1908 г.

¹ Подробнее см.: *Иванов М. С. Иранская революция 1905–1911 гг.* М., 1957. С. 67–197, 228–247.

² *Трубецкой В. В. Бахтиары (оседло-кочевые племена Ирана).* М., 1966. С. 48–49.

посланные из Тебриза отряды федаев с помощью населения очистили от монархических сил значительную часть территории северных провинций Ирана.

Народное движение, проходившее под флагом восстановления конституции и созыва нового меджлиса, в конце 1908 — начале 1909 гг. охватило все северные провинции Ирана, а отчасти центральные и южные области страны. Сторонники конституции захватили власть в Реште, Энзели, Исфагане, Бендер-Аббасе, Бушире и других городах. Накалялась обстановка и в Тегеране.

С подъемом народного движения часть полуфеодалных помещиков, компрадоров и духовенства, которое склонялось к компромиссу с династией Каджаров, заняли в общем примирительные позиции и выступили против центральной власти. В этом находило отражение недовольство либеральных кругов деятельностью Мохаммед Али шаха, которая привела к резкому обострению внутривластной обстановки в стране, а главное их стремление взять в руки руководство народным движением и не допустить углубления революции.

Представители Англии и России рекомендовали шаху в сложившейся напряженной обстановке удовлетворить требования масс о восстановлении конституции и созыве меджлиса и тем самым подорвать революционное движение. Однако шах не внял советам Лондона и Санкт-Петербурга и двинул войска и отряды племен на Тебриз с целью погасить основной очаг демократического движения. Потерпев неудачу в попытках овладеть Тебризом путем прямого наступления, реакционные силы в феврале 1909 г. блокировали город. Этот наносил серьезный удар по обороне Тебриза, так как в городе почти совсем иссякли запасы продовольствия. В марте-апреле 1909 г. войска шаха и отряды племен предприняли еще ряд попыток захватить Тебриз, которые также закончились неудачей.

Обеспокоенная ростом демократического движения в Иране и, по-видимому, не надеясь, что Мохаммед Али шах наведет порядок в стране, Россия с одобрения Англии в конце 1909 г. под предлогом обеспечения охраны иностранных подданных и доставки продовольствия ввела войска в Тебриз. С приближением российских войск шах снял осаду города и были открыты пути для под-

воза в Тебриз продовольствия. Однако, как только русские войска утвердились в городе, российское командование потребовало выдачи революционеров, подданных России — участников революции и разоружения федаев. Большинство прибывших из Закавказья революционеров тайно сбежало из Тебриза или скрылось в подполье.

Еще до ввода российских войск Англия высадила десанты на южном побережье Ирана. Британские войска оккупировали Бушир, Линге и другие города. Представители революционного демократического движения в этих городах были арестованы, а энджумен в Бушире был разогнан.

Концентрация шахских войск в районе Тебриза дала возможность восставшим активизировать свою деятельность в других районах Ирана. В связи с отказом шахского двора восстановить конституцию и созвать меджлис поставили вопрос о низложении Мохаммед Али шаха. Центр борьбы переместился в Гилян, где стали формироваться отряды для похода на Тегеран. Как и в Тебризе революционеры получали помощь из Закавказья оружием, боеприпасами и людьми. При этом в руководстве восстаниями в районе Гиляна прочные позиции занимали представителями либеральных кругов. Готовых пойти на соглашение с шахским правительством. Благодаря их усилиям командующим войсками Гиляна был назначен крупный помещик Сепакдар, ранее занимавший такой же пост в войсках шаха, направленных на подавление восстания в Тебризе. При этом влияние демократических элементов в Гиляне было настолько сильным, что его деятельность была поставлена под их контроль и развернулась широкая подготовка к походу на Тегеран. В конце 1909 г. федаи двинулись на Тегеран, а 5 мая их передовой отряд овладел Казвином. К походу примкнули дашнаки¹ во главе с Е. Давидянцем (дашнак Ефрем).

Вместе с тем над Мохаммед Али шахом нависла серьезная угроза и из района Исфaghана, где у власти фактически находились вожди бахтияр, изгнавшие из города войска шаха. Выдавая себя за сторонников конституции, Самсам ос-Салтане, лишенный Мохаммедом Али шахом титула ильхана, и другие вожди бахти-

¹ Дашнаки — члены армянской массовой вооруженной организации «Дашнакцутюн».

ар охотно откликнулись на призыв о походе на Тегеран, рассчитывая использовать выгодный момент для получения доступа к центральной власти, упрочения и расширения своих позиций в зоне южных племен и близлежащих районах. Особенную заинтересованность в походе бахтиар проявляли либеральные круги, высказывавшие опасения, что в случае победы гилянских феодалов над войсками шаха, перевес в столице окажется на стороне демократических сил.

В апреле 1909 г. бахтиары во главе с Сардар Асадом двинулись на Тегеран. В начале июля они соединились под Тегераном с гилянскими феодалами. 13 июля после двухдневных боев с войсками шаха бахтиары и феодалы вошли в столицу.

16 июля в Тегеране объявили о низложении Мохаммед Али шаха и возведении на престол его 14-летнего сына Ахмеда. В сформированном правительстве Сепадар стал премьером и военным министром, Сардар Асад — министром внутренних дел. Дашнак Ефрем был назначен начальником полиции Тегерана.

Кабинет Сепадара, в котором ряд постов заняли представители феодальной аристократии, по тем или иным причинам перешедшие в оппозицию к Мохаммед Али шаху, почти сразу после прихода к власти начал проводить авторитарную политику. В борьбе с «контрреволюционными» силами правительство ограничилось казнью трех из наиболее ярких противников конституции и заключением в тюрьму, наложением штрафов и изгнанием около 200 своих противников. Мохаммед Али шах не был привлечён ни к какой ответственности и правительство взяло на себя (не без нажима русской и британской миссий) уплату его иностранных долгов. Также ему была предоставлена ежегодная пенсия в 100 тыс. туманов, и он был вынужден покинуть страну. При этом уже в августе–сентябре 1909 г. власти предприняли попытки распустить отряды феодалов и тем самым подорвать вооруженный оплот демократических сил. Но в тот момент правительство не смогло реализовать свои цели.

Проводя политику, направленную на свертывание конституционного движения. Кабинет Сепадара не предпринимал никаких мер по облегчению положения основной массы населения Ирана, по борьбе с голодом, охватившим многие районы страны, а с це-

люю пополнить пустующую казну обложил население новыми налогами. В области внешней политики правительство, несмотря на ряд демонстраций протеста против зависимости Ирана от Англии и России и фактической оккупации северных и южных районов страны этими государствами де факто ограничилось робкими заявлениями, в которых высказывалась надежда на эвакуацию русских и британских войск. Правительство придерживалось традиционной политики лавирования между Англией и Россией и, пользуясь тем, что в борьбу за Иран включилась Германия, рассчитывало поправить свои финансовые дела за счет внешних займов и путем реорганизации финансовой системы с помощью иностранных советников.

Политика кабинета Сепакдара, как и последующих правительств, придерживающихся консервативных принципов, получила в целом одобрение меджлиса второго созыва, который приступил к работе в ноябре 1909 г. Такая позиция меджлиса в отличие от меджлиса первого созыва объяснялась главным образом сдвигами в политическом положении и расстановке основных политических сил в Иране и прежде всего ликвидацией, исходившей от Мохаммед Али шаха и его окружения непосредственной угрозы для власти полуфеодалных помещиков и компрадоров, ростом раскола между либеральными и демократическими течениями в революции, установлением более тесных связей либеральных кругов с представителями феодальной знати и ханами племен. В этих условиях, порожденный революцией меджлис, представленный исключительно состоятельными слоями населения и духовенством, превратился в одну из основных сил, противостоящих демократическому движению и углублению революционных преобразований. Меджлис в августе 1910 г. санкционировал разоружение федаев отрядами бахтиар и дашнаками Ефрема.

Тем не менее, в меджлисе была весьма значительная фракция «крайних» или «демократических депутатов», которые составили ядро так называемой Демократической партии, включавшей главным образом радикально настроенных представителей интеллигенции, купцов и помещиков. Программа партии провозглашала равенство всех перед законом, отделение церкви от государства, введение всеобщего обучения, раздел земель халесе,

осуществление мероприятий по облегчению положения трудящихся и т. п.

Таким образом, программа Демократической партии содержала ряд достаточно прогрессивных проектов, отчасти навеянных, по-видимому, ее авторам реформами, которые имели место в развитых капиталистических странах, и требованиями, которые выдвигались прогрессивными организациями за рубежом. Эти проекты, например, введение всеобщего обучения, в условиях экономической, социальной и культурной отсталости Ирана не имели под собой реальной почвы. И в этом смысле программа Демократической партии во многом выглядела, несмотря на благие намерения ее авторов, демагогической. Не получил осуществления и ни один из других пунктов программы. Это в определенной степени вызывалось тем, что тон в меджлисе задавали «умеренные». Правая фракция иранского парламента, защищавшая интересы феодальной знати, помещиков и компрадоров, которые стояли за проведение отдельных верхушечных реформ и ориентировались во внешней политике на Англию и Россию. В противовес «умеренным» представители Демократической партии, которые в своем стремлении подорвать зависимость Ирана от Англии и особенно России (среди лидеров партии были сторонники Англии) во внешней политике делали ставку на Германию и в известной мере США.

В июне 1911 г. меджлис утвердил закон о реорганизации финансового ведомства. Согласно этому закону, прибывший в Иран американский советник М. Шустер, назначенный на пост главного казначея, получил полномочия на составление бюджета и осуществления надзора за его исполнением, право контроля над всеми финансовыми операциями государства, над чеканкой монеты, над заключением договоров о займах и концессиях и т. д.¹

Осуществляя свою программу, преследующую цель подготовить почву для проникновения в Иран американских монополий, Шустер стремился использовать противоречия между Англией

¹ Подробнее см.: *Иванов М. С.* «Из истории экспансии американского империализма в Иране (Миссия Моргана Шустера 1911)». «Советское востоковедение». 1955. № 2. С. 96–106. *Абдуллаев З. З.* Начало экспансии США в Иране. М., 1963.

и Россией, причем старался заручиться поддержкой британской миссии в ущерб русским интересам. Шустер даже приступил к созданию финансовой жандармерии, которую он надеялся противопоставить казачьей бригаде, находившейся под командованием русских офицеров. Деятельность М. Шустера не привела к решению насущных задач Ирана, но вызвала резкое недовольство России и способствовала углублению кризиса, который охватил правительство.

Этот кризис был отражением сложившейся в Иране обстановки, которая в свою очередь в известной мере определялась антидемократической политикой правительства. Иран был охвачен волнениями на почве острой нехватки продовольствия и повышения налогового гнета, происходили антифеодальные выступления крестьян, в северных районах Ирана порой перераставшие в восстания, антиимпериалистические выступления. Принимавшие обычно форму протеста против оккупации отдельных районов страны британскими и русскими войсками и бойкота иностранных товаров. В то же время активизировались реакционные отряды феодальной аристократии и ханов племен, которые наряду с погромами населения нередко вступали в вооруженные столкновения с войсками правительства и не раз устанавливали свою власть в различных районах страны.

В такой сложной и беспокойной обстановке Мохаммед Али посчитал момент удобным для реставрации. Используя подкуп и спекулируя на стремлении племен к наживе, Мохаммед Али и его приверженцы завербовали среди племен (главным образом туркмен, курдов, шахсевен) довольно крупные силы. В соединении с отрядами представителей феодальной аристократии эти силы составили внушительную армию реставрации общей численностью до 30 тыс. человек. Реакционные отряды в июле–августе 1911 г. захватили власть в Туркменской степи, Астрабаде, Курдистане, Керманшахе, Луристане и Араке.

Правительство проявляло нерешительность и колебания перед лицом надвигавшейся опасности. Однако в конце концов активизировалось и направило войска против реакционных сил. Эти войска, совместно с примкнувшими отрядами федаев смогли подавить мятеж.

Новая волна демократического движения, сопровождавшаяся антиимпериалистическими выступлениями, вызвала серьезное беспокойство Англии и России. Непосредственным поводом для усиления их вмешательства во внутренние дела Ирана в конце 1911 г. послужила опись чиновниками Шустера на основании принятого меджлисом закона, заложенного в Учетно-ссудном банке имущества активного участника мятежа, брата Мохаммеда Али шаха Шоа ос-Салтане. В ноябре последовала нота России и Англии, в которой в ультимативной форме от Ирана потребовали отставки Шустера, обещания впредь не приглашать иностранных советников без одобрения названных держав, возместить затраты на пребывание русских войск в стране. Эти требования были отвергнуты меджлисом.

Тогда в Азербайджан, Гилян, Хорасан были введены дополнительные контингенты русских войск, которые заняли основные города северного Ирана, а британские войска заняли значительную часть южного Ирана.

Подавление основных очагов демократического и освободительного движения позволило консервативным силам в Тегеране с помощью отрядов дашнака Ефрема и бахтиар совершить переворот, распустить меджлис и восстановить на престоле династию Каджаров. Однако со времени революции 1905–1911 гг. ее власть носила фактически формальный характер.

Глава 1. Усиление британского проникновения в Иран накануне революционных потрясений (1900–1905 гг.)

Несколько столетий основными целями внешней политики Великобритании было сохранение и расширение ее колониальных владений. Особое место в системе британских заокеанских территорий занимала Индия, значение которой последовательно повышалось в связи с выходом Североамериканских штатов из-под власти английской короны. В 1876 г. Великобритания приняла название Британская империя, именно после того, как королева Виктория стала королевой Британской Индии. Защита Индии от мнимых и реальных угроз долгое время лежала в фокусе политики Лондона.

С этой целью в 1875 г. британское правительство обеспечило себе контроль над кратчайшим морским путем в Индию из Атлантического океана и Средиземного моря в Индийский океан, купив принадлежавшие правительству Египта акции Суэцкого канала. При этом Уайтхолл сосредоточил свое внимание на укреплении позиций во всех странах, граничащих с Индией, обеспечивая защиту морских и сухопутных торговых путей, ведущих к границам «жемчужины Британской империи». Ведь, потеряв Индию, Великобритания станет «...третьестепенной державой, — подчеркивал вице-король Индии лорд Керзон, — ... поэтому безопасность Индии должна быть главной целью нашей политики»¹.

Иран, который в силу своего географического положения был важным звеном в создании единого пояса английских владений в Азии и Африке, занимал важное место в стратегии английских и англо-индийских военных и политических кругов. С политической точки зрения он рассматривался как буферное государ-

¹ Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary History Record. Ed. by Hurewitz J. C. N. Y. 1972. P. 220–222.

ство, обеспечивающее безопасность индийских границ, и как плацдарм для осуществления экспансии на Ближнем и Среднем Востоке и в Центральной Азии. Выдвинутый в этой связи тезис о необходимости «обороны Индии» получил необычайно широкое отражение в английской исторической литературе как начала XX века, так и современной. Зачастую он служил британскому правительству для оправдания его колониальных устремлений в странах Ближнего и Среднего Востока¹. В этой связи Лорд Гамильтон, министр по делам Индии в британском кабинете, писал: «Персия должна стать для Индии барьером, предохраняющим ее границы от опасности нападения, которая может исходить из Южной Персии или от границ с Белуджистаном, или из Персидского залива»². Крупный американский историк Р. Мак Даниель, автор книги «Миссия Шустера и персидское конституционное движение», подводя итоги своему многолетнему исследованию британской политики в Иране в XIX–XX вв. отмечал, например, что причины заинтересованности Англии в Иране в самом начале XX в. заключались не столько в экономических или политических интересах Англии в этой стране, сколько в ее роли для обороны Индии³. Разумеется, такой подход, характерный для западных историков международных отношений многом складывается под влиянием «геополитической» концепции в западной политологии. Вместе с тем он в определенной степени отражал важное стратегическое положение Ирана, находившегося как бы в самом центре общего направления британской колониальной экспансии, и в силу этого, привлекавшего особое внимание верхишки английского капитала.

Стремясь включить Иран в сферу своего монопольного влияния, ведущие британские политические и военные деятели следующим образом определяли цели персидской политики Лондона. Приведем мнение сэра Г. Лоуренса, генерал-майора англо-индийской армии, выдающегося востоковеда, хорошо из-

¹ См., например: *Бушев П. П.* Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М., 1959.

² *British Documents on the Origins of the War. L., 1929. Vol. IV. P. 363.*

³ *Mc Daniel R.* The Shuster Mission and the Persian Constitutional Revolution. Minneapolis, 1974. P. 9.

вестного тем, что он первым скопировал персидскую и эламитскую части Бехестунской надписи и впоследствии расшифровал ее. Так, в меморандуме «О противодействии проникновению России в Центральную Азию» британскому парламенту в 1868 г. он настаивал на том, что необходимо было активизировать английскую политику в Иране, достичь максимум английского влияния в Тегеране и установить контроль над политикой шахского двора. С его точки зрения, английские офицеры должны были занимать ведущие посты в иранской армии, английские промышленники и предприниматели вкладывать капиталы в банки, железные дороги и другие коммерческие предприятия. Генерал-майор Г. Лоуренс добивался того, чтобы в Персидском заливе находился британский флот и имелись военно-морские базы для демонстрации морского могущества Британии. Не обошел вниманием автор меморандума, хорошо знавший нравы, царившие в Персии, необходимость предлагать денежные выплаты персидским чиновникам за предоставление различных уступок и привилегий Англии¹.

Значительное влияние на формирование британского курса в отношении Ирана оказал и крупнейший английский политик Джордж Натаниэль Керзон (1859–1925). Начав свою карьеру в 1885 г. в качестве сотрудника канцелярии маркиза Солсбери, премьер-министра Англии, уже в 1886 г. он был избран депутатом парламента от партии консерваторов, в 1899–1906 гг. стал вице-королем Индии, в 1919–1924 гг. государственным секретарем по иностранным делам, а в 1916–1925 гг. лидером Палаты лордов. Лорд Керзон был лидером «средневосточной группировки» в английском парламенте и жестко отстаивал необходимость дальнейшей экспансии Великобритании в Азии и Африке. В результате его путешествий в Центральную Азию и Иран были написаны книги «Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question» (L., 1889) и «Persia and the Persian Question» (L., 1892), которые и по сей день является ценным источником информации по политической и экономической ситуации в Персии, политике Англии и англо-персидским отношениям. А в 1889 г. лорд Керзон составил свой меморандум «Curzon's Analysis of British Policy

¹ Rowlinson H. England and Russia in the East. L., 1875. P. 296–297.

and Interests in Persia and the Persian Gulf» о британской политике в Персии. Он относил Иран к нациям, «над которыми может господствовать или которых вообще может поглотить Британская империя». Настаивая на установлении английского военного и военно-политического контроля над Ираном, он отмечал, что «Персия, расположенная по соседству с Афганистаном и Белуджистаном, играет весьма важную роль в азиатской политике Великобритании, цель которой обеспечить неприкосновенность Индии»¹.

Стремление британского правительства поставить под свой контроль новые территории, получить новые рынки и, безусловно, новые источники сырья также сыграло важную роль при формировании основ британского внешнеполитического курса Дж. Керзона. Будучи сторонником развития торговли с Персией и капиталовложений в эту страну, как средствах укрепления политического влияния Великобритании, он подчеркивал, что «Персия — это страна, которая может стать обширным и доходным рынком для английской и англо-индийской промышленности»². Очень большое внимание вице-король Индии уделял развитию под эгидой Англии телеграфных линий на территории Ирана, облегчая таким образом связь британской короны с Индией и получение информации о ситуации в различных районах Ирана.

Значение Персии, по мнению Керзона, не ограничивалось защитой границ Британской Индии, получением новых рынков и обеспечением контроля за важнейшими морскими и сухопутными путями в самую важную британскую колонию. Предполагалось, что территория этой страны может служить плацдармом для осуществления амбициозных планов Лондона в отношении Центральной Азии и Персидского залива в целом.

Существенным препятствием для претворения планов британских политиков в жизнь служило влияние Российской империи в Иране. Поэтому Г. Лоуренс и Дж. Керзон считали необходимым самое жесткое противодействие политике Санкт-Петербурга.

¹ Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary History Record. Ed by Hurewitz J. C. N. Y., 1972. P. 220–222.

² Curzon G. Persia and the Persian Question. L., 1902. Vol. 2. P. 234.

Позиции Великобритании в Иране к началу XX в.

Процесс политического подчинения Ирана протекал на протяжении всего XIX в. Еще в первой его половине Иран был вынужден подписать ряд неравноправных договоров с Англией, Россией и другими странами, заложивших основу для установления в стране капитуляционного режима¹. В 1809 г. между Ираном и Англией было заключено так называемое предварительное соглашение о военно-политическом сотрудничестве. На базе этого соглашения в 1814 г. страны подписали «*Treaty of Defensive: Alliance Britain and Persia*», который обязывал Иран не поддерживать отношений с враждебными Англии государствами, не пропускать через свою территорию в Индию войска иностранных держав, приглашать для обучения личного состава армии только британских военных инструкторов и т. д.². Подписание этого договора отражало стремление Англии поставить под свой контроль внешнюю политику Ирана, свести на нет преимущества, полученные Россией по Гулистанскому договору 1813 г., толкнуть Иран на войну с Россией.

Гулистанский договор закреплял присоединение к России ряда территорий Закавказья, предоставлял ей исключительное право иметь флот на Каспийском море, устанавливал пошлины на ввозимые купцами обеих стран товары в размере 5% стоимости и т. д. После поражения Ирана в новой войне с Россией эти условия были подтверждены Туркманчайским договором в 1828 г., который оформил включение в состав Российской империи еще ряда территорий Закавказья. Туркманчайский договор предоставлял русским подданным права экстерриториальности, неподсудности иранским судам и пр.³

Заключенные в 1841 г. англо-иранский договор и англо-иранский торговый договор предоставляли британским под-

¹ Режим капитуляций — режим, в силу которого иностранцы в колониальных и полуколониальных странах были изъяты из действия местной юрисдикции и подчинялись непосредственно юрисдикции своих консулов.

² *Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary History Record*. Ed. by Hurewitz J. C. N. Y., 1972. P. 86.

³ Ключников Ю. В. и Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть 1. М., 1925. С. 140–141.

данным в Иране такие же права, какие подданные России получили по Туркманчайскому договору. В 1885 г. аналогичные права получила Франция по договору о дружбе и торговле, а в 1857 г. и ряд других европейских государств. Когда в последней четверти XIX в. Иран стал объектом широкой экспансии развитых государств, то, основываясь на этих договорах и используя предоставленные ими экономические и политические привилегии, буржуазия этих государств, прежде всего Англии и России, добилась от иранского правительства крупных уступок и заключения целой серии выгодных для себя концессионных соглашений¹.

В соответствии с рекомендациями Д. Керзона и при поддержке английского правительства Великобритания получила концессии в Иране на строительство на территории Персии телеграфных линий, которые были необходимы для связи метрополии с Британской Индией. В 1860, 1865, и 1872 гг. XIX в. были заключены концессионные соглашения, по которым английский департамент индоевропейского телеграфа получал право на строительство и эксплуатацию за счет иранского правительства линии Ханекин–Тегеран–Бушир, где она присоединялась к английскому кабелю Фао–Джаск–Маскат–Карачи, а также на строительство наземной линии от Джаска до границы с Британской Индией в Белуджистане. В 1901 г. иранское правительство обязалось построить еще одну телеграфную линию из Тегерана до границы с Британской Индией через Кашан, Йезд и Керман. В результате, из девяти основных телеграфных линий, которые имелись в Иране в начале XX в., пять наиболее крупных, соединенных с индийской телеграфной сетью, принадлежали британцам. При этом необходимо отметить, что Иран владел лишь самыми несовершенными и запущенными линиями. В итоге британские фирмы в отношении получения информации о движении грузов, сведений о рынке и т. п. находились в го-

¹ Подробнее см. *Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952, Иванов М. С. Иранская революция 1905–1911 гг. М., 1957; Кулагина Л. М. Английская концессия на судоходство по реке Карун (конец 19 века). «Иран» М., 1971; Кулагина Л. М. Экспансия иностранного империализма в Иран и превращение его в полуколонию (70-е годы 19 — начало 20 вв.). Очерки новой истории Ирана М., 1978.*

раздо более благоприятном положении по сравнению с иранскими купцами, что, по словам В. Гурко-Кряжина, позволило английским компаниям захватить ряд господствующих позиций в иранской торговле¹. Разбросанные по Ирану телеграфные станции, которые пользовались правом экстерриториальности, имели для английского правительства немаловажное значение и для продвижения своих политических интересов. При этом, установив контроль над телеграфной сетью, Лондон сумел создать разветвлённую сеть и по сбору разведанных и контактах со своими агентами в Персии.

Несмотря на то, что телеграфная сеть в Иране служила, в первую очередь интересам британской короны, было бы неверно отрицать и положительную сторону деятельности Великобритании на этом направлении. Телеграфная связь распространяла на отсталую феодальную страну достижения западной цивилизации. Центральному правительству в Тегеране облегчалась связь с Европой, предоставлялась треть доходов от эксплуатации линий и льготный тариф для передачи телеграмм. Развитие телеграфной сети, естественно, способствовало развитию торговли.

Неоспоримую роль в продвижении английских интересов сыграл Imperial Bank of Persia (Шахиншахский банк). Лицензию на его деятельность барон Рейтер получил в 1889 г. в качестве компенсации за аннулирование соглашения о предоставлении ему концессии в 1872 г. Объем этого последнего соглашения был чрезвычайным. Компании Рейтера предоставлялось право на строительство железных и шоссейных дорог в Персии, на добычу полезных ископаемых: угля, меди, железа, на владение, на распоряжение дорогами почтой. «Предоставленная мне концессия — писал Ю. Рейтер премьер-министру Великобритании У. Гладстоуну — является величайшим богатством для Великобритании, так как открывает большие естественные ресурсы Персии для английского капитала... Целью концессии служит приобретение страны

¹ *Бобынин Н. Н.* Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля (1901–1923), Тифлис. 1923. С. 60–61; *Собоцинский Л. А.* Персия. СПб. 1913. С. 94; *Гурко-Кряжин В. В.* Краткая история Персии. М., 1925. С. 15.

с помощью моих предприятий под английское покровительство»¹. А Лорд Керзон так характеризовал ее как небывалый и самый экстраординарный факт продажи всех богатств страны иностранцам². В результате крайнего недовольства внутри Ирана и со стороны российского правительства, предъявившего ультиматум Тегерану об отмене концессионного соглашения, в 1873 г. оно было ликвидировано.

Шахиншахский банк, основанный Ю. Рейтером, выполнявший роль государственного банка Ирана, был английским банком с частным английским капиталом и английскими управляющими. Доля Ирана составляла лишь 20% от всего акционерного капитала. Государственные доходы поступали на счет Шахиншахского банка, ему предоставлялось монопольное право на выпуск банкнот, которые были обязаны приниматься на всей территории страны. Руководство банка, правление которого находилось в Лондоне, устанавливало курс иностранных валют и контролировало иранский монетный двор. Таким образом названный банк ставил под контроль финансовую деятельность шахского правительства. За все привилегии он должен был отчислять правительству Ирана 6% от своей чистой прибыли. Особое значение имело то, что Шахиншахский банк получил хартию королевы Виктории 2 декабря 1889 г. Этот акт означал, что Уайтхолл считал, что он имеет государственное значение для правительства Великобритании, которое обязывалось нести за него ответственность и ставило под свою юридическую защиту. Представляется важным привести здесь мнение известного российского востоковеда Л. М. Кулагиной, которая, анализируя деятельность Шахиншахского банка, отмечала, что «...основание банка было положительным явлением: он упорядочил финансовую систему Ирана и способствовал концентрации местного торгово-денежного капитала. Но, — подчеркивала она, — его отрицательные последствия для экономики Ирана в целом были значительно большими, и его де-

¹ АВПРИ. Ф. Персидский стол. Д. 2993. Л. 107.

² Kurzon G. Persia and Persian Question. L. 1891. Vol 2. P. 480.

тельность способствовала закабалению страны английским капитализмом»¹.

В 1888 г. английской фирме «Братья Линч» была предоставлена концессия на осуществление судоходства по реке Карун, нижнее течение которой было единственной судоходной рекой в Иране, что давало доступ в юго-западные и отчасти центральные районы страны и способствовало расширению торговой и экономической деятельности Великобритании на юго-западе Персии. После этого компания «Братья Линч» совместно с бахтиарскими ханами построили через зону племен дорогу Ахваз-Исфаган, т. н. «бахтиарскую дорогу», что облегчало доставку английских товаров на рынки центрального Ирана, где преобладало российское влияние. Как отмечает В. В. Трубецкой, в последние годы XIX в. английские военно-политические агенты, дипломаты, дорожные инженеры и топографы стали активно посещать южные районы Ирана. С помощью англичан происходило и снабжение оружием кочевых племен, которое продавалось им по цене даже ниже тех пошлин, которые англичане платили за его ввоз². При этом, российский историк особо выделяет тот факт, что из среды бахтиарской знати стала постепенно формироваться прослойка, имеющая коммерческие связи с торговым домом «Братья Линч» и, таким образом, политические связи стали подкрепляться экономическими³.

Правительство Великобритании неоднократно выделяло Тегерану займы, которые во многом определяли зависимость иранских политических и финансово-экономических кругов от Лондона. Одним из первых займов стали 500 000 фунтов стерлингов, предоставленных в 1892 г. для выплаты неустойки компании Тальбот за отмену табачной концессии, дающей ей монопольное право на скупку, продажу и переработку табака на всей территории Ирана⁴.

¹ Кулагина Л. М. Экспансия английского капитализма в Иране в конце XIX — начале XX в., М., 1981. С. 59.

² ЦГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Л. 3. Цит. по: Трубецкой В. В. Бахтиары (оседло-кочевые племена) М., 1966. С. 37.

³ Там же.

⁴ Подробнее см: Винокур А. В. От конфронтации к согласованному курсу. Политика Великобритании и России в Иране: 1900–1914. Дис. канд. ист. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, СПб., 2004.

(В результате широких протестов концессия, так же, как и концессия Рейтера была аннулирована).

Торговый баланс Персии в торговле с Англией традиционно носил пассивный характер. Объем импорта английских товаров в 4–5 раз превышал объем экспорта персидских товаров в Англию. Этому способствовали очень низкие таможенные пошлины на английские товары, которые зачастую отменялись вовсе. В 1903 г. Англия заключила с Персией соглашение, по которому таможенные пошлины на ввозимые товары резко снижались или отменялись совсем.

Особое внимание Великобритании уделяла ситуации в районе афгано-иранской и ирано-индийской границ в юго-восточной провинции Систан и Белуджистан. С целью обезопасить «жемчужину» своей империи английские агенты не только принимали активное участие в работе определении границ в этих районах, но и зачастую возглавляли ее. Так, итогом деятельности разграничительных пограничных комиссий Сеистанской и Мекранской в конце XIX — начале XX вв., деятельность которых сопровождалось посылкой английских войск на иранскую территорию стало присоединение к Британской Индии и Афганистану, находившимся под фактическим протекторатом Англии, небольших по размерам, но имеющих стратегическое значение территорий¹.

К началу XX в. Англия установила господство в Персидском заливе и на его побережье, что было крайне важно для обеспечения морского и сухопутного пути в Британскую Индию. Русский консул в Багдаде Алексей Федорович Круглов писал, что «усилия Англии сводились к тому, чтобы установить в этом районе мира свой абсолютный контроль в ущерб влиянию России в Персии и Турции, пробить себе путь в Центральную и Северную Аравию и потеснить Порту из Месопотамии и Аравийского полуострова и «взять этот район в британские клещи»². Опасаясь распада «слабого буферного государства», как характеризовали Пер-

¹ Подробнее см.: Гамильтон А. Афганистан. Гератская и Кандагарская провинции. Изд. Управления Окружного Генерал квартирмейстера Штаба Туркестанского военного округа. Ташкент, 1911.

² АВПРИ Ф. 180 (Посольство в Константинополе) оп. 517/2 Д. 1243 Л. 154. Д. 1245. Л. 330.

сию в начале 20 в. английские дипломаты, англичане укрепляли свои позиции на юге, чтобы дезинтеграция страны не застала их врасплох, и они сохранили там свое влияние.

Основой для распространения ее влияния стал договор «General Treaty for Suppressing Piracy and Slave Traffic: Great Britain and the Arab Tribes in the Persian Gulf» от 8 января 1820 г.,¹ который предусматривал свободу действий английского военно-морского флота в этом районе под предлогом защиты от пиратов и борьбы с работорговлей. Многие арабские шейхи были вынуждены заключать и другие договоры с Великобританией, обязывающие их соблюдать с ней вечный мир и руководствоваться мнением английского консула в Бушире при возникновении споров между ними. В 1868 г. был объявлен протекторат Великобритании над Бахрейнскими островами, фактически лишавший Иран влияния на этой территории. С конца XIX в. активизировалась деятельность английских дипломатов, военно-политических и торговых агентов в зоне племен. В 1880 г. было открыто консульство Великобритании в Мохаммере (Хорремшехр), в 1898 г. в Бендер-Аббасе, которые облегчали деятельность английских дипломатов, военно-политических и торговых агентов на этих территориях. В штате этих консульств находились специальные резиденты для связи с влиятельными ханами, получавшими от англичан ценные подарки. Русские дипломаты сообщали, что благодаря преобладанию английских военно-морских сил в Персидском заливе, англичане стали полными и бесконтрольными хозяевами на этих территориях². Распространялось английское влияние в Арабистане (Хузестане), Бахтиарии, Курдистане, Луристане. Город Бушир и Буширская таможня находилась полностью под британским контролем. Русский посланник К. М. Агриропуло в донесении от 26 июля 1898 г. писал: «Буширская таможня находится в руках англичан; власть шаха фактически не распространяется на Буширский порт»³. Генеральный консул Великобритании в Бушире

¹ Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary History Record. Ed by Hurewitz J. C. N. Y., 1972. P. 88.

² АВПРИ. Персидский стол. Д. 3869 Л. 92–93.

³ АВПРИ. Персидский стол. Д. 877. Ч. 1. Л. 337–338.

имел титул политического резидента в Персидском заливе, которому подчинялись все английские агенты и все английские военные суда в Персидском заливе. Этот последний факт имел особое значение для реализации английских интересов.

Несмотря на то, что в конце XIX в. основное внимание Великобритании в Персидском заливе было сосредоточено в сфере торговли, министр иностранных дел Великобритании Г. Лэнсдаун считал создание британской военно-морской базы или укрепленного порта в Персидском заливе совершенно необходимым. При этом аналогичные действия со стороны какой-либо иностранной державы он рассматривал как очень серьезную угрозу британским интересам и настаивал на том, что Лондон должен сопротивляться этому «всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении»¹. Следуя его советам, Уайтхолл укреплял свои позиции в порту Бушира и неоднократно прибегал к демонстрациям военно-морской силы Британской империи в Персидском заливе, которые заключались не только в проходе кораблей вдоль побережья, но и высадкой десантов. Как это случилось в порту Бушира в 1898 г.

При реализации внешнеполитических целей в южных и юго-восточных провинциях Ирана, населенных арабами и бахтиарами, Великобритания стояла перед необходимостью выстраивать отношения с вождями этих племен, лишь формально подчинявшихся центральному правительству. В Иране, также как в Индии и ряде других колониальных и полуколониальных странах, основой политики Лондона стали принципы, заложенные в так называемом «Уставе Сандемана». Создатель этой системы полковник британской армии Р. Сандеман, работавший в англо-индийской администрации, использовал ее на юго-западе Индии — в Белуджистане. Устав признавал права самоуправления и определенную административную власть за отдельными вождями племен. В нем рекомендовалось укреплять их власть и поддерживать племенную организацию при неперменном условии подчинения (желательно скрытному) британским политическим резидентам.

¹ АВПРИ. Департамент личного состава и хозяйственных дел. О. 749/1 Д. 985. Л. 264, 265.

Противопоставляя вождей племен центральной власти, Р. Сандеман использовал далеко не новый принцип управления: «*Divide et impera*» («Разделяй и властвуй»), зачастую разжигая и используя вражду между сторонами. При этом военное вмешательство британских властей рекомендовалось применять лишь в крайних случаях, используя, в первую очередь дипломатические переговоры и финансовую помощь вождям племен¹.

Поддерживая тесные связи с вождями племен и одобряя сепаратистские настроения, бытующие в их среде, Великобритания имела возможность оказывать влияние на принимаемые шахом решения через своих сторонников.

Стоит отметить, что формы и методы британской политики нередко вызвали широкие протестные антианглийские движения внутри Ирана. Здесь можно вспомнить выступления в 1891 г. против табачной концессии компании «Тальбот» в Тегеране, Тебризе, Исфагане, Ширазе, которые привели к ее отмене. Также и менее значительные антианглийские выступления на юге Ирана. Например, в 1897 г. в городе Шуштере, произошло восстание, вызванное вывозом хлеба из Ирана в Британскую Индию во время нехватки продовольствия внутри страны. Оно было подавлено бахтиарскими ханами под руководством англичан². Местные племена нередко нападали на телеграфные станции и склады английских товаров. При этом любое противодействие англичанами на юге Ирана жестоко подавлялось англо-индийскими и английскими войсками. Например, в конце 1898 г. в Джаск была направлена британская карательная экспедиция, которая безжалостно подавила антианглийские выступления.

В целом к началу XX в. позиции Великобритании в Иране были весьма существенны. Она фактически господствовала в южных и юго-восточных районах Ирана и в Персидском заливе. Концессии, полученные в XIX в., не только обеспечивали ей торговые и экономические преференции, но и служили реальным рычагом воздействия на внутривластную ситуацию в стране, обеспечивая влияние на шаха и его окружение.

¹ Tucker A. Sir Robert G. Sandeman. Peaceful Conqueror of Baluchistan. N-Y., 1921.

² Подробнее см.: История Ирана. М., 1977. С. 268.

Политика Великобритании в Иране в первые годы XX в.

Годы, предшествующие иранской революции 1905–1911 гг., характеризовались активизацией политики Великобритании в Иране по различным направлениям. В первую очередь остановимся на событиях, связанных с приобретением Великобританией концессии на разработку нефти на юге Ирана.

В начале XX в. нефть становится важнейшим промышленным и стратегическим сырьем и приобретает особое значение для развития мировой экономики. Развитие автомобильной и авиационной промышленности, перевод мирового торгового и военного флота на жидкое топливо оказало важное влияние на политику Великобритании в Иране. Царица морей, обладавшая самой большой армадой кораблей в мире, планировала перевести свои военно-морские эскадры с угля на нефть, которая обеспечивала несомненное техническое превосходство. Новое топливо позволяло значительно увеличить скорость и грузоподъемность кораблей, заправлять их с танкеров прямо в открытом море, не возвращаясь в английские порты. Целесообразность таких нововведений не вызывала сомнений у представителей английского правительства. Особенно активным сторонником перевода флота на жидкое топливо был первый лорд Адмиралтейства Джон Фишер, который стал этого добиваться сразу же после вступления в должность в 1904 г.

Существенным ограничением для претворения английских планов в жизнь было отсутствие залежей нефти на территории Англии и даже на территории «жемчужины» английской короны — Индии. Закупки нефти у англо-голландской компании «Royal Dutch Shell» и американской «Standard Oil», почти полностью принадлежавшей семейству Рокфеллеров, ставили британское правительство в зависимость от решений зарубежных партнеров, что могло иметь критическое значение во время военных действий. К тому же цены на продукцию «Shell» и «Standard Oil» диктовались иностранными партнерами и казались британцам завышенными. В поисках источника нефти на сравнительно небольшом расстоянии от Европы, английское правительство

с особым вниманием стало присматриваться к месторождениям на Среднем Востоке. В первую очередь Уайтхолл заинтересовался месторождениями в Нижней Месопотамии и на берегу Персидского залива в Южной Персии. Поскольку первые находились на территории Османской империи, значение месторождений в Персии резко выросло.

В 1900 г. генеральный директор персидской таможни Антуан Китабджи стал предлагать иностранным инвесторам концессию на добычу нефти в Иране. Этим предложением воспользовался д'Арси известный лондонский промышленник, сделавший капитал на добыче золота в Австралии. В 1901 г. он получил от правительства в Тегеране исключительное права в течение 60 лет разрабатывать недра на всей территории страны за исключением пяти северных провинций: Азербайджана, Гиляна, Мазандерана, Астрабада и Хорасана. Условия договора включали права на разведку нефти, ее добычу, переработку и продажу. При этом после образования общества по эксплуатации нефти шахское правительство должно было получить 20 тыс. ф. стерлингов наличными, акции компании на 20 тыс. ф. стерлингов, 16% чистой прибыли компании и по 2 тыс. туманов в год за все колодцы, которые до этого эксплуатировались иранцами кустарным способом¹.

После заключения договора геологические экспедиции под руководством Г. Рейнольдса начали поиски крупных месторождений нефти. Длительное время изыскательские работы не приносили успеха. Американский исследователь С. Кинзер в работе «All the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror» писал, что условия работы были крайне тяжелыми. Он отмечал, что «температура поднималась до 50 градусов по Цельсию. Воды не хватало. Распространялись эпидемии²». Задача осложнялась тем, что центральное правительство Ирана лишь формально осуществляло контроль над нефтеносными землями, в лучшем случае весьма нерегулярно получая налоги от местных шейхов

¹ URL: <https://ipis.ir/en/newsview/606756/darcy-oil-concession-on-basis-of-documents-available-at-iranian-foreign-ministry%E2%80%99s-documents-center> (дата обращения 02.12.2021).

² Kinzer S. All the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror. N.-Y., 2003. С. 48–49.

и ильханов, которые, как подчеркивает С. Кинзер, «отказывались подчиняться шахскому правительству и считали эти земли своими»¹.

Для обеспечения разведки и добычи и переработки нефти руководством компании были арендованы земли на острове Абадан, земли в районе Рамхормоза и Месджеде Солеймани².

В ноябре 1905 г. представителям компании при посредничестве британского консула в Исфагане Дж. Приса заключили договор с четырьмя самыми влиятельными ильханами бахтиарских племен Сардар Асадом (сыном), Самсамом Салтане, Сардаром Дженгом и Сардаром Мохташеме. По мнению Г. Рейнольдса главным был Сардар Дженг, «в присутствии которого никто другой не мог проронить и слова»³. В договоре указывалось, что ханам будут выплачиваться 3 тыс. фунтов стерлингов в год за охрану и нефтепроводов и нефтепромыслов, а также 3% от продажи нефти, добытой на их территории. Помимо этого, они получали единовременную выплату в 25 тыс. туманов. В свою очередь, ханы обязывались выделить два отряда для охраны лагерей геологов и мест бурения, а после обнаружения коммерческих запасов предоставить столько отрядов, сколько будет необходимо для этих целей⁴.

Ряд основных аспектов отношений англичан с бахтиарами получили освещение в уже цитированной нами работе В. В. Трубецкого «Бахтиары»⁵, поэтому мы не будем останавливаться на них подробно. Тем не менее, здесь стоит отметить, что отношения между английскими дипломатами и бахтиарами складывались далеко не всегда безоблачно. Как видно из переговоров по соглашению об охране английских нефтепромыслов и нефтепроводов бахтиары соглашались на условия англичан, но каждый раз выторговывали все новые уступки. Они прекрасно понимали, что англичане нуждались в их помощи в тот момент гораздо больше,

¹ Kinzer S. All the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror. N.-Y., 2003. С. 48–49.

² Трубецкой В. В. Бахтиары... С. 44.

³ URL: <http://www.bakhtiarifamily.com/oil.php> (дата обращения 25. 12. 2021).

⁴ Там же.

⁵ Трубецкой В. В. Бахтиары (оседло-кочевые племена). М., 1966.

чем бахтиары в англичанах, и старались извлечь максимум выгоды для себя¹. При этом, они лукаво объясняли русским дипломатам, что «Россия далеко, представителей ее мы не видим и не знаем, тогда как с англичанами мы находимся в постоянных сношениях, и к тому же британский посланник в Тегеране постоянно нам покровительствует и защищает наши интересы перед шахским правительством, в виду чего мы стараемся не быть у них в долгу...»².

Вожди племен, в свою очередь, охотно выполняли охрану собственности британской компании, так как плата за это шла непосредственно в их руки. Рядовые члены племен также получали свою долю, получая работу на нефтепромыслах и доставляя продовольствие³. Таким образом, закладывалась экономическая основа под договоренности между представителями АПНК и местными ильханами, шейхами и рядовыми членами племен.

Рассматривая политику Великобритании в нефтеносных районах Ирана, нельзя обойти вниманием отношения английских дипломатов с шейхом Мохаммеры Хазалем, которые во многом показывают формы и методы проведения английской политики в Иране. Документы Архива внешней политики Российской империи и недавно опубликованные документы Форин офис, из фондов библиотеки в Катаре не только проливают свет на некоторые до сих пор неизвестные факты, но и позволяют провести аналогии с последующими действиями Великобритании на международной арене.

Эмират Мохаммера, один из наиболее влиятельных эмиратов в районе Персидского залива занимал важное место в политике Лондона. Земли эмирата в северной части залива позволяли контролировать всю территорию Персидского залива. Именно порт Мохаммера служил портом захода судов компании British India Steam Navigation Company, там же находилось региональное отделение British India Post Office, и офис британской компании Lynch Brothers, управлявшей судоходством на реке Карун. Помимо

¹ Подробнее см.: *Трубецкой В. В.* Бахтиары... С. 45.

² АВПР Д. 3871. Л. 91.

³ *Wilson A.* Persia: A Political Officer's Diary. 1907–1914. L., 1942. С. 53.

этого, Великобритания была заинтересована и в ряде шоссейных и железнодорожных проектов на территории шейхства.

Шейхи Мохаммеры, иранские арабы, принадлежавшие к племени Бану Кааб, были *de facto* независимы от Тегерана. Их власть распространялась практически на весь Южный Арабиستان и даже на территории на западном берегу реки Шатт-эль-Араб, формально входящие в Османскую империю. Начиная с 1850-х гг. британское правительство выстраивало дружеские отношения с шейхами Мохаммеры, которые поддерживали Великобританию во время англо-персидской войны 1857 г. Особые тесные дружеские отношения существовали между английскими агентами и правящим шейхом Мизалем. Однако в 1897 г. шейх Мизаль во время возвращения с загородной прогулки был убит одним из слуг, по наущению своего младшего брата Хазалья. Стоит отметить, что еще до убийства в 1895 г. Хазаль заверил британского вице-консула, что, если он станет шейхом, то будет «всемерно помогать Великобритании, а не противостоять ей» и его политика будет «политикой искренней дружбы с британским правительством». При этом шейх отметил, что «политическая необходимость и чрезвычайные обстоятельства могут заставить скрыть истинный характер их взаимоотношений»¹.

Представляется, что именно благодаря заверениям Хазалья о дружбе британский консул помог замять неприглядную историю с убийством шейха Мизалья перед Мозаффар эд-Дин шахом. Как сообщали русские дипломаты, «благодаря щедрым подаркам, направленным в Тегеран, и подкупам персидских чиновников в крае» шейху Хазалю удалось оправдаться перед шахским правительством. Помог ему в этом и назначенный в Мохаммеру в 1890 г. английский вице-консул Мак Доналд².

После официального одобрения шахом Хазалья шейхом Мохаммеры, последний, не теряя времени, заверил вице-консула Британии в своей дружбе и желании служить правительству Его Величества, выразив готовность быть тайно принятым под британский

¹ File29/6 British Relations with Khazal, Sheikh of Khorramshahr' [3r] (5/28) URL: http://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100026187839.0x000005 (дата обращения 11.12.2021)).

² АВПРИ. Ф. 194 (Миссия в Персии). Оп. 528/ад. 1954. Л. 58–59.

протекторат. При этом Хазаль не просил о письменном согласии Великобритании на это и не говорил об объединении усилий с Великобританией в противостоянии центральному правительству в Тегеране, которому он, на всякий случай, поклялся верно служить. Однако шейх выражал надежду на то, что Лондон не позволит Тегерану сокращать его влияние на *de facto* подвластных ему землях. Помимо этого, шейх проинформировал британского резидента в Персидском заливе о том, что он предвидит скорое падение персидской монархии, которое будет сопровождаться борьбой за власть и развалом государства. Он выражал надежду, что в этом случае его судьба будет связана с правительством Великобритании. В мае 1899 г. британский политический резидент в этой связи получил следующие инструкции от посла Великобритании в Тегеране: «Мы, конечно, не можем поддерживать (шейха Хазаль — *И. Ф.*) в его противостоянии с персидским правительством и не можем гарантировать его независимость, если правительство (в Тегеране — *И. Ф.*) перестанет существовать. Мы даже не рассматриваем такую возможность. Однако мы считаем его самым могущественным человеком в этой части мира, и мы намерены поддерживать его в меру наших сил, будучи уверены, что он должен быть сильным в интересах страны. Если ему когда-либо понадобится наш совет, мы дадим ему. Взамен мы ожидаем, что он поможет нам в вопросах торговли. Он может полагаться на нашу добрую волю в любое время и на нашу помощь, которую мы сможем ему предоставить, не нанося вред персидскому правительству»¹. По осторожному тону посла Великобритании в Тегеране мы видим, что никаких конкретных обязательств перед шейхом английская сторона брать на этом этапе не собиралась.

В 1902 г. шейх Хазаль вновь обращается к англичанам за дополнительными и на этот раз письменными гарантиями их покровительства. Поводом для обращения послужило известие об открытии российских консульств в Басре и Бендер Бушире в 1901 г. для продвижения российских торговых интересов. В Лондоне решили, что появление представителей Российской

¹ 'File29/6 British Relations with Khazal, Sheikh of Khorramshahr' [3r](5/28) URL:: http://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100026187839.0x000005 (дата обращения 02.11.2021).

империи в зоне традиционного влияния Великобритании, может предоставить шейху Хазалю возможность найти противовес влиянию Лондона. Было решено дать новые обещания, чтобы внушить шейху большую уверенность в силе и мощи правительства Англии. В результате 7 декабря 1902 г. сэр А. Гардинг, генеральный консул Великобритании в Тегеране (1900–1906) отправил шейху письмо с заверениями о готовности защитить Мохаммера в случае атаки с моря любой иностранной державой, (независимо от повода для такой атаки), поддерживать и помогать ему. Однако только в том случае, если он будет оставаться верным шаху и поступать в соответствии с советами английских представителей.

При этом английские дипломаты заняли очень гибкую позицию. До того, как дать какие-либо гарантии шейху Хазалю, они провели консультации с советниками шаха и заверили великого визиря в том, что подчинение шейха шаху не подлежало обсуждению, а правительство Его величества решительно поддерживало шейха только в целях противодействия попыткам российских агентов запугивать его или тайно внушить ему, что они могут оказывать на него давление благодаря тому влиянию, которое Россия имела в Тегеране.

Во многом под давлением английских дипломатов в 1903 г. шейх Хазаль получил фирман от Мозаффар эд-Дина шаха, в котором признавалось его право вечной собственности на его земли и земли его племен в Мохаммере, на острове Абадан, в районе реки Карун и говорилось, что шейх должен был платить только ежегодные налоги персидскому правительству. В свою очередь последнее не имело прав на его земли и не должно было вмешиваться в управление ими. В случае необходимости персидское правительство должно было выкупить эти земли у шейха за соответствующую цену. В фирмане было одно положение, на которое хотелось бы обратить особое внимание. Шейх не имел право продавать или дарить земли иностранцам, но запрета на сдачу этих земель в аренду не было. На основании этого положения Англо-персидской нефтяной компании было предоставлено право арендовать нефтеносные земли шейхства Мохаммеры и добывать на них нефть, не нарушая условий концессии.

В декабре 1903 г. британский посол в Тегеране отправился на побережье Персидского залива для встречи с вице-королем Индии лордом Керзоном, совершающим поездку по Персидский заливу в сопровождении военных судов Ост-Индийской эскадры Британского флота. На обратном пути британский посол посетил Мохаммеру и встретился с шейхом Хазалем. Во время этой встречи шейх жаловался английскому послу на то, что шахское правительство не исполняет своих обязательств в отношении налоговых сборов и пытается подорвать авторитет шейха и его власть на землях шейхства. Он осуждал Великобританию за то, что она предоставляла гораздо большую защиту шейхам Кувейта и Бахрейна. Он спрашивал, готова ли Великобритания дать ему конкретные обещание поддержать его, если центральное правительство будет продолжать нарушать данные шейху обещания. Шейх шантажировал английских дипломатов, намекая, что Россия готова взять его под свою защиту. Шантаж подействовал, и сэр А. Гардинг сообщил в Лондон, что необходимо дать шейху новые гарантии безопасности, чтобы исключить какие-либо секретные соглашения с русскими. После консультаций с Форин офис сэр А. Гардинг направил письмо шейху 24 декабря 1903 г., в котором заверял его в поддержке Лондона¹.

Несмотря на благодарность, которую шейх выразил британскому вице-консулу Британии в Мохаммере за поддержку, заявив, что в тот момент шахское правительство не предпринимало действий, делающих вмешательство Великобритании необходимым. Тем не менее, по сообщению политического резидента Великобритании в Персидском заливе, он был сильно раздражен неопределенностью своего положения по отношению к шахскому правительству и не удовлетворен той ограниченной поддержкой, которую ему пообещало британское правительство.

Для характеристики шейха Хазала представляется уместным привести мнение русского консула в Басре А. Адамова, который считал шейха Хазала «боязливым, подозрительным, недалеким»².

¹ File29/6 British Relations with Khazal, Sheikh of Khorramshahr' [3r](5/28) URL: 'http://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100026187839.0x000005 (дата обращения 02.10.2021).

² АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 4062. Л. 10.

А русский консул в Багдаде А. Круглов, посетив Мохаммеру, пишет, что шейх нелицеприятно высказывался ему по адресу англичан. «У этих гордецов нет ни сердца, ни чувства благодарности, — цитирует он шейха, — Все у них завязано на деньгах и потому верить им нельзя. Однако «Я глубоко убежден в том, — подчеркивает А. Круглов, — что во всех изъятиях расположения к нам и нерасположения к англичанам нет ни малейшей доли искренности. На деле шейх Хазаль проявляет симпатию лишь в отношении того, кто более всего может ожидать выгоды для себя, будут ли то деньги, власть или что другое... В своих мечтах о независимости делает ставку на англичан. Те же, в свою очередь, поддерживая его в этом, стараются укорениться там. И в деле этом достигли немалых успехов»¹.

Активизация политики Великобритании не ограничивалась южными районами Ирана. На севере страны британская дипломатия стремилась в качестве предлога для вмешательства и укрепления своего влияния использовать давние территориальные споры между Ираном и Афганистаном. Еще в 1902 г. эмир Хабибулла-хан, подстрекавшийся Англией, которая обещала ему «полное содействие»², предъявил Ирану требования об уступке ему значительного района, прилегающего к границе Афганистана и направил в этот район двухтысячный отряд. Это событие послужило поводом для британского вмешательства, так как по Парижскому мирному договору, заключенному между Англией и Ираном в 1857 г., право посредничества и фактически окончательного решения в урегулировании пограничных споров между Ираном и Афганистаном принадлежало Англии³. Опираясь на этот договор и просьбу шахского правительства, Лондон поручил разбор пограничного спора майору англо-индийской армии Мак Магону, «который во главе многочисленной комиссии, сопровождаемый конвоем численностью до двух тысяч человек и большим отрядом регулярных белуджей... двинулся в конце 1902 г. из

¹ АВПРИ. ф. 194 Миссия в Персии. Оп. 528./а. Д. 1954. Л. 62, 64, 65, 68.

² АВПРИ. Отчет МИД за 1902 г. Д. 131. Л. 66.

³ The Treaty of Peace (Paris). Britain and Persia. 4 March 1857. Hurewitz G. Diplomacy in the Middle and Near East. Vol I. N-Y., 1972. P. 161.

Кветты в Сеистан через афганскую границу»¹. Как сообщали дипломатические представители России в Иране, в 1903 г. комиссия, завершив работу и «совершенно уклонившись от первоначальной программы, продолжала пребывать в этом районе Персии с очевидной целью твердо поддерживать обаяние Англии в крае, в котором сосредотачивается столь важные и значительные интересы последней»².

С целью добиться ослабления влияния России в Иране британские представители неоднократно вмешивались и во внутриполитическую жизнь страны. Так, в мае 1903 г. в Азербайджане вспыхнули беспорядки, вызванные предъявлением требований тебризскими моджахедами Валиагду³ об удалении поста управляющими таможнями в Азербайджане бельгийского чиновника Прима, ориентировавшегося на Россию. В возникновении этих беспорядков немалую роль сыграла подстрекательская деятельность британских агентов. «Нет сомнения, — говорилось в «Отчете Министерства иностранных дел России за 1903 г.», — что причины происшедших волнений кроются в происках англичан, систематически стремящихся к борьбе с влиянием России в стране. На это указывает, между прочим, деятельность английского посланника в Тегеране Артура Гардинга и его многочисленных агентов, гласных и негласных, направленная на поддержание среди духовенства недовольства нынешним порядком вещей. В этом убеждают и протесты против русско-персидского торгового договора, хотя последний представляет невыгоды английским интересам в крае, а никак ни самой Персии. Участие англичан в охватившем страну брожении доказывается еще и тем, что суровому гонению подвергаются и приверженцы секты Баба, отличающиеся расположением к России и, наоборот, неприязнью к англичанам»⁴.

Еще одним методом оказания давления на персидское правительство с целью усиления британского влияния в стране было использование излюбленной англичанами «политики канонерок».

¹ АВПРИ. Отчет МИД России за 1902 г. Д. 131. Л. 66.

² АВПРИ. Отчет МИД России за 1903 г. Л. 76.

³ Валиагд — наследник престола, традиционно занимавший пост генерал-губернатора Азербайджана.

⁴ АВПРИ. Отчет МИД России за 1903 г. Л. 75.

Так в мае 1903 г. вице-король Индии лорд Керзон предпринял инспекционную поездку на военных кораблях по Персидскому заливу, имевшую фактически целью демонстрацию английской военной мощи. Вот как объяснялся этот визит Керзона в «Отчете Министерства иностранных дел России за 1903 г.». Отмечая, что англичане не щадят сил для укрепления своих экономических и политических позиций в Иране, авторы Отчета подчеркивали: «С целью поколебать положение занятое Россией в последние годы благодаря деятельному развитию ее торговых сношений с побережьем Персидского залива и прилегающими к нему областями. А также неоднократному появлению в водах залива русских военных судов, англичане решили произвести возможно более внушительную демонстрацию. Для этого лорд Керзон, вице-король Индии, посетил некоторые порты залива в сопровождении многочисленных английских судов, обставив свое путешествие чрезвычайным блеском и роскошью»¹.

Укреплению позиций Великобритании в названные годы служило и заключение англо-персидского торгового соглашения в 1903 г., подписанное английским посланником в Тегеране Артуром Гардингом, иранским премьер-министром Амин ос-Салтане и генеральным директором иранских таможен Наусом. Соглашение предусматривало среди других условий введение специфического таможенного тарифа, обнуление таможенных пошлин по ряду товаров, отмену дорожных сборов и т. д. По существу, оно сводило на нет те преимущества, которые Россия получила по соглашению с Ираном 1901 года. Иранские авторы отмечают, что во многом это соглашение стало возможным лишь после того, как английский король Эдуард VII наградил Мозаффар эд-Дина шаха Орденом подвязки, тем самым заслужив его особое расположение².

Для укрепления своего политического влияния в Иране Англия использовала также различные экономические миссии и отдельных представителей «деловых кругов», выезжающих в страну с целью изыскания возможностей для расширения экономиче-

¹ АВПРИ. Отчет МИД России за 1903 г. Л. 77 об.

² URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/great-britain-ii> (дата обращения 02.09.2021).

ской деятельности в Иране. Так, в конце 1904 г. британским правительством была направлена в Иран специальная комиссия во главе с полковником Ньюкоменом. На комиссии возлагались обязанности не только по обследованию состояния англо-индийской торговли в юго-восточных районах Ирана, но и, фактически, по усилению политического влияния Англии в этих провинциях. Именно в этом свете, очевидно следует понимать выдвинутые комиссией под предлогом охраны торговых интересов Англии предложения об организации в южных районах Ирана жандармерии под командованием британских офицеров. При этом выставлялись требования реорганизации таможен бельгийцев, находившихся под русским влиянием, и установления над ними контроля англичан¹.

Подводя итоги политике Великобритании в Иране накануне революции 1905–1911 гг., представляется возможным сказать следующее.

Одним из основных направлений экспансии Лондона в этот период стали южные районы Ирана, где были открыты консульства в Бендер-Аббасе в 1903 г., Ахвазе и Керманшахе в 1904 г. На этих территориях последовательно выстраивались отношения с полунезависимыми от шахской власти племенами, в зоне влияния которых были сосредоточены многие английские интересы.

Играя на противоречиях вождей полунезависимых племен с центральным правительством Ирана, англичане целенаправленно осуществляли давление на одну и другую сторону. Выступая в роли посредников, они успешно укрепляли свои позиции как в районе Персидского залива, так и в столице Ирана.

Правительство в Лондон не могло не осознавать, что заключение договоров с вождями племен об охране нефтепроводов являлось прямым нарушением концессионного соглашения, в котором указывалось, что это входило в обязанности центрального правительства Ирана. Таким образом мы можем говорить об осознанном нарушении суверенитета Тегерана над этими территориями со стороны Великобритании, поскольку ханы получали право на проведение самостоятельных внешнеполитических акций.

¹ АВПРИ. Ф. Персидский стол. Д. 3965, л. 166, Д. 397, л. 10. 3979.

Характерным для английской политики в зависимых странах является и то, обстоятельство, что, нарушая суверенитет Ирана, они вычитали плату вождям племен из тех денег, которые должно было получить центральное правительство за счет добычи нефти на его территории.

Концентрация интересов Лондона в южных районах Ирана не исключала последовательного расширения его влияния в Тегеране и центральных районах страны.

В целом к 1905 г. британское влияние в Иране возросло настолько, что российский поверенный в делах Н. Г. Гартвиг написал в «Кратком обзоре событий в Персии» приставленном в Совет министров: « Эпоха бесспорного преобладания России (в Иране — *И. Ф.*) закончилась в 1904 г. Русско-японская война и революционное движение внутри России привели к падению международного престижа и это не замедлило сказаться и на нашем положении в Персии»¹.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1276, О. 3 Д. 697, л. 353.

Глава 2. Политика Англии в Иране в период Конституционного движения в Иране 1905–1911 гг. в контексте международной обстановки

Основные формы и методы британской политики в Иране в названные годы находились в тесной зависимости от действий двух факторов: во-первых, от развития международной обстановки и от складывающихся, в связи с этим отношений между Англией и Россией, и, во-вторых, от развития революционных событий в Иране.

Важное значение имело и то обстоятельство, что именно в это время началась промышленная эксплуатация нефтяных месторождений в Хузестане и британское правительство активизировало свою деятельность по созданию там «государства в государстве».

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА И АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ИРАНЕ

Рассматриваемый период характеризовался усилением экономической и, особенно, политической экспансии британских монополий в страны Ближнего и Среднего Востока. Рост английской экспансии протекал в условиях необычайно усложнившейся и обострившейся международной обстановки, что предопределялось ростом противоречий и обострением борьбы между империалистическими группировками и отдельными державами.

Прежде чем перейти к рассмотрению основных особенностей британской политики в Иране, остановимся вкратце на наиболее существенных событиях международной жизни, которые оказали серьезное влияние на британскую политику¹.

¹ Необходимо отметить, что вопросы развития международных отношений в названный период получили достаточно подробное освещение в россий-

Одним из наиболее ярких проявлений борьбы между империалистическими державами в этот период был резкий рост противоречий между Англией и Германией, что в значительной мере повлекло за собой образование двух противоборствующих коалиций, которые окончательно сложились к 1914 г. Еще в 1879 г. Германия заключила договор с Австро-Венгрией, ставший первым в ходе создания этих военно-политических коалиций, столкнувшихся в дальнейшем в Первой мировой войне. В 1882 г. был подписан договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, что закрепило создание военно-политической группировки, известной под названием Тройственного Союза. Аналогичные тенденции прослеживались и среди других крупных империалистических держав. В противовес Тройственному союзу с конца 1880-х гг. происходило сближение между Францией и Россией. В 1893 г. они заключили договор о союзе, заложивший основу военно-политической группировки, противостоящей Тройственному союзу.

В то же время Англия вплоть до конца XIX в. придерживалась так называемой «блестящей изоляции», открыто не выражая расположения ни к одной из враждующих группировок и не заключая с ними никаких «оборонительных» договоров. Британские дипломаты в духе классических концепций «баланса сил» рассчитывали, что игра на противоречиях между Германией и Австрией, с одной стороны, и Россией, и Францией — с другой, дает им возможность укреплять и расширять британскую империю с минимальным напряжением сил.

Тем не менее в 1880–1890-х гг. в развернувшейся на европейском континенте политической борьбе Англия постепенно начинала склоняться на сторону Франции. Это обуславливалось быстрым ростом экономического могущества Германии, которая начинала теснить Англию на мировых рынках, укреплением политических позиций Германии на европейском континен-

ской исторической литературе. См., например: *Галкин И. С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960; *Бестужев И. С.* Борьба в России по вопросам внешней политики 1906–1910. М., 1961; *Бовыкин В. И.* Из истории возникновения Первой мировой войны. М., 1961; *Игнатьев А. В.* русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1914–1918) М., 1968.

те и в Западной Азии, и предъявлением Германией требований о переделе колоний и сфер влияния в Центральной и Южной Африке. Франция, в свою очередь, выражала серьезное беспокойство усилением вторжения Германии в зону ее колониальных интересов в Северо-Западной Африке и других районах мира.

В результате одной из характерных черт развития международных отношений стал рост сотрудничества между Англией и Францией, которые в апреле 1904 г. заключили соглашение, закрепившее наряду с договором между Россией и Францией формирование ядра военно-политической группировки, противостоящей Тройственному Союзу и получившей впоследствии название Антанты. Этот договор оформил раздел сфер влияния между Англией и Францией в Африке и в какой-то мере в Азии и предусматривал совместные действия против попыток других империалистических держав и прежде всего Германии проникнуть в зону их колониальных интересов. Касаясь вопроса о причинах подписания этого соглашения российские дипломаты, авторы «Отчета Министерства иностранных дел России за 1904 г.», указывали: «серьезным поводом к сближению послужило для Англии желание посредством новой группировки держав ослабить значение Тройственного Союза и, в частности, самой Германии»¹. Подписанный документ, как говорилось в «Отчете Министерства иностранных дел России за 1905 г.» императору Николаю II, устранил «все спорные между обеими державами вопросы». Делая акцент на росте сотрудничества между Англией и Францией, «еще столь недавно находившихся в натянутых отношениях, а в 1888 г., казалось накануне войны», авторы документа подчеркивали, что «...в настоящее время стремление к тесному сотрудничеству с Францией стало одним из главных элементов британской внешней политики»².

Расширение военно-политического сотрудничества между Францией и Англией не только не приостановило вторжение Германии в зону их интересов, но и привело к дальнейше-

¹ АВПРИ. Отчет МИД за 1904 г. Л. 19.

² АВПРИ. Отчет МИД за 1905 г. Д. 135. Л. 35.

му обострению отношений между названными державами. Это проявилось в серии конфликтов, наиболее серьезный из которых получил название Марокканского кризиса 1905 года. Конфликт возник в связи с попыткой Франции, опираясь на поддержку Англии, установить контроль над Марокко, на которое в свою очередь, претендовала Германия. Марокканский кризис подчеркнул важность для Англии и Франции привлечения на свою сторону новых союзников в борьбе против Германии и ее партнеров по Тройственному Союзу.

Между тем, если России и Франция ещё в 1893 г. заключили военную конвенцию, то отношения между Англией и Россией, как накануне, так и в период русско-японской войны отличались напряжённостью. Известную роль в этом сыграл тот факт, что Англия, опираясь на заключенный в 1902 г. договор с Японией, оказывала ей финансовую поддержку, поставляла военные материалы и оружие. Это, естественно, вызывало резкое недовольство России. Не способствовало улучшению отношений с Англией и подписание британским правительством нового договора о союзе с правительством Японии, заключенного накануне окончания русско-японской войны. В «Отчете министерства иностранных дел за 1905 г.» подчеркивалось, что «названный договор... является актом полного оборонительного и наступательного союза между этими двумя державами», направленным против России¹.

Напряженность в отношениях между Англией и Россией объяснялась и сохранением между ними очень серьезных противоречий и в других районах Азии, где Англия была традиционным врагом России, грозившей подорвать ее господство. При этом противоречия между Англией и Россией в районах Ближнего и Среднего Востока, как отмечал академик А. Л. Нарочницкий, имели более глубокий характер по сравнению с их противоречиями в районе Дальнего Востока². Именно там на протяжении всего XIX в. сталкивались два встречных потока колониальной экспансии, вызывая столетнюю непрерывную вражду. В странах региона — Иране и Афганистане, занимавших важное стратегическое

¹ АВПРИ. Отчет МИД за 1905 год., Д. 135. Л. 99.

² Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических государств на Дальнем Востоке. М., 1956. С. 519, 527.

положение, представители дипломатических и политических кругов Англии и России видели поля грядущих сражений. «Туркменистан, Персия, Афганистан, — писал вице-король Индии лорд Керзон, — являются частями шахматной доски, на которой ведется игра за господство над миром»¹.

В первые годы XX века Англия, воспользовавшись затруднениями, которые Россия, испытывала вследствие обострения отношений с Японией, предприняла энергичные шаги для расширения своих позиций именно в этом районе мира. Характерным примером такого рода служит интервенция британских войск в Тибете в 1903–1904 гг. В результате правительству Тибета был навязан договор, не разрешавший ему без предварительного одобрения британского правительства, продавать и сдавать в аренду земли на территории страны подданным иностранных держав, запрещавший предоставлять иностранным державам и иностранным подданным концессии на строительство железнодорожных путей, разработку руд и т. д.² Такой договор, фактически поставивший Тибет в тесную политическую зависимость от Англии, наносил удар по интересам России в этом районе.

Активизировалась во время войны с Японией и деятельность британских представителей в Афганистане. В конце 1904 г. в Кабул прибыла миссия во главе с сэром Луи Дэном, министром иностранных дел англо-индийского правительства, которая «имела, по-видимому, целью, пользуясь отвлечением внимания России на Дальний восток, обеспечить за Англией решительное преобладание в Кабуле»³. В результате был подписан договор между правительством Афганистана и правительством Великобритании. В официально опубликованном тексте договора, по словам представителей Министерства иностранных дел России, содержалось, с одной стороны, «лишь простое подтверждение договора, заключенного эмиром Абдурахман ханом с сэром Мортимером Дюрандом в 1893 году», а с другой стороны, «все, что известно о секретных статьях договора 1905 года, касается укрепления северных границ Афганистана, усиления армии и соображений об общих

¹ Curzon G. Persia and the Persian Question. L., 1902. Vol. 2. P. 234.

² Леонтьев В. П. Иностранная экспансия в Тибете 1888–1919. М., 1956. С. 218.

³ АВПР. Отчет МИД России за 1905 год. Д. 135, л. 81 об.

действиях Афганистана и Англии в случае нападения на одно из государств»¹. Давая общую оценку договора между Англией и Афганистаном, российские дипломаты подчеркивали, что «договор 1905 г. не доставил Англии всех тех выгод, которые были ей желательны, однако, нельзя не сказать, что является новым звеном в традиционной политике Англии — оградить свои индийские владения недоступными, по выражению лорда Керзона, гласисами от воображаемых покушений со стороны России»².

Не миновало наступление Лондона и Иран, который занимал особое место в его отношениях с Санкт-Петербургом, и задолго до этого стал одним из основных узлов противоречий между столицами.

Борьба Англии за установление контроля над Ираном велась как по политическим, так и экономическим мотивам³.

К началу XX в. Россия также имела значительные интересы в Иране. Это во многом определялось близостью Ирана к границам Российской империи, прежде всего, к недавно присоединенным областям Средней Азии, и тем, что он представлял собой важный рынок сбыта промышленности России. Председатель биржевого комитета Г. А. Крестовников отмечал, что «расширение экспорта изделий слабой русской промышленности возможно только в небольшое число стран, расположенных по соседству». Иран, по его мнению, занимал ведущее место среди таких стран⁴.

В 1897 г. в записке «Наши задачи в Персии» генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин, военный министр России, следующим образом определил основные задачи России в Иране: «Мы должны преобладать в Персии политически, чтобы постепенно завоевать ее экономически. Без занятия какой-либо части Персидской земли мы должны шаг за шагом, не торопясь, приводить Персию к такому же положению, в каком ныне находится Бухара»⁵. «Между

¹ Имеется в виду соглашение о северо-западной границе Индии с Афганистаном между эмиром Абдуррахман-ханом и Англией («Линия Дюранда»). АВПРИ. Отчет МИД России за 1905 г. Д. 135. Л. 81 об.

² Там же.

³ Подробнее см. главу I настоящей монографии.

⁴ См.: Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики 1906–1910 гг. М., 1961. С. 17.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1622. О. 1. Д. 268. Л. 5. Л. 2.

тем, — отмечал Куропаткин, — уже с начала нынешнего столетия Англия, не довольствуясь подчинением себе экономически южных провинций Персии, делает попытки к территориальным захватам в этой стране... Цели Англии могут быть определены так: стать твердо экономически и политически в южных и юго-восточных провинциях Персии и насколько возможно вытеснить нас в экономическом отношении из северных провинций Персии». Отсюда одной из важнейших целей российской политики в Иране он считал ослабление, а впоследствии и «полное истребление» английского влияния¹.

Таким образом, несмотря на обоюдную заинтересованность в объединении сил перед лицом все возрастающей экспансии Германии, англо-русское соперничество в Иране не ослабевало. Это находило наглядное подтверждение в документах российского правительства. «В области персидских дел, — отмечалось, например, в справке, представленной в Особое совещание по персидским делам, — англо-русская распря выразилась весьма ярко. Здесь красной нитью проходит соперничество обеих держав, стремившихся во что бы то ни стало занять преобладающее положение в Тегеране, часто даже без какой-либо пользы для своих действительных интересов. В последние четверть века русские государственные люди стали выдвигать теорию нахождения Персии в сфере русского влияния... В ответ на это английские публицисты (Керзон, Голдсмит) стали выдвигать противоположную точку зрения, согласно которой вся Персия, вплоть до Каспийского моря, считалась входящей в сферу английского преобладания. Британские дипломаты так далеко в своих воуждениях не заходили, но неоднократно выставляли самым полным образом свой взгляд, что весь юг Персии, в особенности Персидский залив и примыкающие к нему области... должны находиться исключительно в сфере влияния Англии»².

Вместе с тем, невзирая на постоянное соперничество Англии и России в Иране в конце XIX — начале XX вв. время от времени предпринимались попытки урегулирования противоречий в Ира-

¹ Там же.

² ЦГИА СПб. Ф. 1276. О. 3. Д. 697. Л. 347.

не путем раздела его на сферы влияния. Так, по инициативе Англии, в 1888 г. был выдвинут сэра Перси Д. Вольфа, британского посла в Тегеране, о разграничении сфер влияния Англии и России в Иране с предоставлением каждой из них полной свободы действий в своей зоне. В 1889 г. лорд Керзон представил на рассмотрение британского парламента проект раздела Ирана на сферы влияния, как один из возможных путей решения «персидского вопроса»¹.

Позиция России в этот период к предложениям Англии была отрицательной. «Мысль эта, — говорилось в Государственном Совете о причинах такой политики России, — не встречала сочувствия в русских общественных кругах, в них даже господствовало мнение, что Персия должна всецело попасть под русское влияние, и что нам надо стремиться к свободному выходу к Персидскому заливу с проведением железнодорожных линий через всю Персию и с созданием укрепленного пункта в означенном заливе»². Такое отношение России к предложениям Англии о разделе Персии на сферы влияния обуславливалось во многом тем, что эти предложения были сделаны в период, который представители Российской империи называли «эпохой бесспорного преобладания» России в Иране³.

Однако определенные тенденции к сотрудничеству между Россией и Англией во вопросе об Иране наметились уже в самом конце XIX в. Они проявились во время переговоров в 1899 г. о предоставлении Ирану совместного англо-русского займа. В конце апреля 1899 г. была уже установлена его общая сумма — максимум 60 млн франков. Но, используя свое доминирующее влияние в Тегеране, российское правительство приостановило эти переговоры и в конце 1899 г. начало отдельные переговоры с шахским правительством о предоставлении Ирану займа, завершившиеся подписанием в январе 1900 г. соглашения между иранским правительством и Учетно-ссудным банком Персии. Одним из его условий являлось запрещение для иранского правительства заключать соглашения о получе-

¹ British Documents on the Origins of the War... Vol. IV. № 319.

² ЦГИА СПб. Ф. 1276. О. 3. Д. 697. С. 15 об.

³ Там же. Л. 356 об.

нии каких-либо крупных займов у иностранных держав, кроме России¹.

Борьба между Россией и Англией за сферы влияния в Иране проходила с переменным успехом, но накануне революции 1905–1911 гг. в политической области довольно отчетливо стал обнаруживаться перевес Англии, воспользовавшейся затруднительным положением России в связи с ее войной с Японией и бурными революционными событиями 1905–1907 гг.

Изменения происходили и внутри Ирана. Помимо революционных событий 1905–1911 гг. на внутреннее положение страны все более серьезное воздействие стало оказывать проникновение «третьих держав» и, прежде всего, Германии. В «Отчете МИД России за 1906 г.» говорилось, что «наряду с крупными изменениями в жизни Персии на ее политическом горизонте начинает появляться новый фактор, которому суждено будет сыграть некоторую роль в названной стране. Фактор этот — Германия»².

Усиление проникновения Германии в Иран отражало общую активизацию ее экспансии в районе Ближнего и Среднего Востока. Рост экспансии Германии в этом районе проявился прежде всего, в усиленном проникновении немецких монополий в Турцию, что нашло выражение, в частности, в получении ими железнодорожных концессий. В 1898 г. был подписан договор, согласно которому немецкое «Общество анатолийских железных дорог» должно было проложить в Турции две железнодорожные линии: одну — Эскишехир-Конья, а вторую — Анкара-Кайсери. К 1896 г. линия на Конью была завершена. В 1903 г. был заключен договор между турецким правительством и Дейче банк, который фактически являлся хозяином «Общества анатолийских железных дорог», о предоставлении немецким монополиям концессии на строительство линии от Коньи до Багдада. Этим договором предусматривалось сооружение боковых веток к Персидскому зали-

¹ Подробнее см.: *Ананьич Б. В.* Российское самодержавие и вывоз капитала... С. 25, 45.

² *АВПРИ. Отчет МИД России за 1906 г. Л. 1906.* Подробнее см.: *Истиягин Л. Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М., 1979. С. 59.

ву и к Ханекину, расположенному недалеко от русско-иранской границы¹.

В связи с разработкой и осуществлением проектов строительства Багдадской железной дороги в «Отчете Министерства иностранных дел России за 1906 г.» указывалось на возрастание опасности германского проникновения в Иран. «По мере того, как продвигается постройка Багдадской железной дороги и укрепляется уверенность в успешном завершении предприятия, внимание германской политики все более направляется в Персию, в которой с проведением означенного пути должны открыться крупные рынки для германской торговли и промышленности. Уже с начала отчетного года стали носиться неопределенные слухи о широких замыслах Германии в Персии»².

Наблюдалось быстрое распространение немецкой внешне-торговой экспансии в Иран и рост экспорта изделий германской промышленности. По данным Ж. Я. Кассиса, экспорт продукции германской промышленности в Иран с 1903 по 1914 гг. возрос в 40 раз³. При этом основные направления внешнеторговой экспансии немецких монополий стали южные провинции Ирана, входившие в зону британского влияния. В докладной записке от 20 октября 1907 г. советник посольства России в Тегеране Е. В. Саблин обращал внимание на «систематическое наступательное завоевание германскими агентами торговых рынков Арабистана»⁴. А министр иностранных дел России писал русскому посланнику в Тегеране Н. Г. Гартвигу 20 июня 1906 г.: «Конкуренция Германии направлена главным образом на юг Персии и опасна гораздо более для английских, нежели для наших интересов»⁵.

¹ Подробнее см.: Конвенция на багдадскую железную дорогу, заключенная в Константинополе. *Ключников Ю. В. и Сабанин А.* Международная политика... С. 398; *Бондаревский Г. Л.* Багдадская железная дорога и проникновение германского империализма на Ближний восток (1888–1903). Ташкент. 1955.

² АВПРИ. Отчет МИД России за 1906 г. Л. 102.

³ *Кассис Ж. Я.* Экономическое положение современной Персии, Киев. 1915. С. 144; см. также: *Истягин Л. Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны.

⁴ АВПРИ, Персидский стол. Д. 3973. Л. 434.

⁵ АВПР Персидский стол. Д. 914. Л. 161.

В тесной связи с ростом внешнеторговой экспансии Германии в южные районы Ирана находилось и открытие в 1906 г. компанией «Гамбург — Америка» паровой линии между Европой и портами Персидского залива¹. В донесении русского консула в Бендер-Аббасе Г. В. Овсеенко от 4 сентября 1906 г. говорилось, «приняв во внимание, что в настоящее время в Персидском заливе работают четыре английские, одна англо-персидская и одна русская паровая компания, для которых далеко не всегда бывает достаточно грузов, нельзя не заключить, что новая линия преследует не столько коммерческие, сколько политические цели»².

Интересам расширения внешнеторговой экспансии немецких монополий были в значительной степени подчинены и попытки Германии укрепить свои позиции в финансовой жизни Ирана. В 1906 г. немецкий поверенный в делах в Тегеране получил разрешение от шахского правительства на учреждение немецкого банка в Иране³. И хотя этот банк так и не был открыт из-за противодействия Англии и России, сам факт заключения такого соглашения свидетельствовал о росте влияния Германии.

Рост экспансии немецких монополий в известной мере послужил базой для усиления политической активности Германии в Иране. При этом немецкие политические агенты стремились использовать революционное движение для подрыва влияния в Иране Англии и России. С этой целью в 1906 г. ими был организован «Комитет защиты политических интересов персидского народа и его государственной независимости»⁴. Согласно донесениям русских дипломатических представителей, члены комитета впоследствии стали принимать активное участие в революционных событиях, в первую очередь имевших антирусскую и антианглийскую направленность. На это указывал советник посольства России в Тегеране Е. В. Саблин в телеграмме, посланной 23 мая 1909 г.⁵

¹ Подробнее см.: *Иванов М. С. Иранская революция 1905–1911 гг.* М., 1957.

² АВПР. Среднеазиатский стол 1906. О. 485. Д. 15. Л. 26–27.

³ Подробнее см.: *Иванов М. С. Иранская революция...* С. 223–224.

⁴ Там же.

⁵ АВПРИ, Персидский стол. Д. 539. Л. 258.

В тесном контакте с немецкими агентами нередко действовали и агенты Турции — потенциального союзника Германии. Министр иностранных дел Российской империи в письме послу в Константинополе И. А. Зиновьеву отмечал, что «деятельность турецких агентов не оставляет сомнения, что означенные агенты по собственной ли инициативе или по указаниям своего правительства, упорно стремятся играть активную роль в персидских делах»¹. А из телеграммы И. Ф. Похитонова, генерального консула России в Тебризе следовало что в среде революционно настроенных иранцев находились турецкие офицеры².

Воспользовавшись ситуацией, возникшей в связи с событиями иранской революции, Турция в 1905 г. ввела войска в пограничные районы Ирана. В «Отчете Министерства иностранных дел России за 1905 г.» указывалось на то, что Турция действовала не только с молчаливого согласия Германии, но и при ее прямом подстрекательстве³. Как явствует из сообщения русского министра иностранных дел послу в Лондоне графу А. К. Бенкендорфу.: «Турция захватила в Урмии, бесспорно, персидскую территорию, турецкие чиновники присваивали себе административные функции, открывали таможни. Облагали налогами население и разными способами вымогали у последнего просьбы о принятии в турецкое подданство... Вместе с тем. — отмечал он, — пребывание турецких войск на персидской территории приобретает характер хронический, как это наблюдается в Урмии, где уже несколько лет невзирая на неоднократные настояния России и Англии и неизменные уверения Порты, войска эти остаются на занятых местах, хотя бы и в несколько уменьшенном для вида состоянии»⁴. Во время революционных событий турецкие военные агенты пытались воспользоваться антирусскими настроениями иранского населения для усиления своего влияния в Азербайджане. По сообщению Е. В. Саблина, советника русского посольства в Тегеране, турецкий генеральный консул в Тебризе возбуждал фанатизм населения против пребывания русских войск, заявляя, что

¹ АВПРИ. Персидской стол. Д. 539. Л. 306.

² Там же. Д. 536. Л. 240.

³ АВПРИ. Отчет МИД за 1905 г. Л. 80.

⁴ АВПРИ. Ф. Персидский стол. Д. 539. Л. 367.

«единственный способ успокоить Тебриз — это занять его турецкими войсками»¹.

Усиление экспансии Германии и ее союзников в страны Ближнего и Среднего Востока и, в частности, в Иран, в значительной мере способствовало тому, что руководители внешней политики Англии и России пришли к выводу о необходимости как-то урегулировать свои разногласия в Иране пред лицом наступления общего врага. К сотрудничеству Англию и Россию толкало и усиление освободительного и демократического движения в Иране².

Под влиянием этих факторов в конце 1905 г. наметились изменения в отношениях между Англией и Россией в Иране, хотя на протяжении почти всего 1905 г. они отличались напряжённостью и «вражда» между обеими державами, по словам российских дипломатов «находилась в самом разгаре»³.

Пересмотр основных тенденций в развитии русско-английских отношений в Иране отражал переформатирование общего курса британской внешней политики, вызванного, в первую очередь, ростом конфронтации с Германией. В Отчете МИД России за 1905 г. говорилось, что «одинаковые заявления двух враждующих в Англии партий как либералов, так и консерваторов, несомненно указывают, что в настроении английского общественного мнения по отношению к России наступил перелом. Прежняя враждебность значительно ослабла, надо надеяться, еще более ослабнет в будущем»⁴.

Наиболее отчётливо тенденции к расширению сотрудничества с Россией проявились во внешней политике Англии с приходом к власти в декабре 1905 г. либерального правительства во главе с Генри Кемпбеллом Баннерманом. «Еще в бытность у власти консервативного кабинета Бальфура стали замечаться некоторые признаки, указывающие на желание англичан заключить соглашение с Россией по некоторым наиболее важным вопросам. С падением консервативного кабинета и переходом власти в руки либералов, течение в Англии в пользу сближения с Россией обри-

¹ АВПРИ. Ф. Персидский стол. Д. 539. Л. 113.

² Подробнее см.: *Остальцева А. Ф.* Англо-русское соглашение... С. 104, 114, 136.

³ АВПРИ. Отчет МИД за 1905 г. Д. 135. Л. 96.

⁴ Там же. Л. 20 об.

совывалось еще яснее»¹. В первой же публичной речи, которую сэр Генри Кемпбелл Баннерман произнес перед сотрудниками Министерства иностранных дел Великобритании, он «отозвался о России в самых дружественных выражениях, сказав, что англичане питают к этому великому народу лишь хорошие чувства»².

Министром иностранных дел в новом кабинете стал Э. Грей, который слыл в английском общественном мнении сторонником сближения с Россией³. В 1905 г., как в частных беседах с русским послом в Лондоне графом А. К. Бенкендорфом, так и в публичных выступлениях, он подчеркивал, что «враждебность России и Англии имела корни в прошлом и не имеет их в настоящем» и, что он является искренним приверженцем сближения Англии и России⁴. В смягчении и урегулировании разногласий с Россией, закреплённом подписанием соответствующего договора, Э. Грей видел необходимое звено в серии мероприятий, направленных на создание «оборонительного союза против Германии. В данной связи он говорил: «Мы не можем в одно и то же время проводить политику, направленную против соглашения с Россией и политику совместных действий с Францией... Соглашение с Россией является естественным завершением соглашения с Францией, заключенного в 1904 г.»⁵.

Современный исследователь международных отношений начала XX в. Берил Вильямс, профессор Сассекского университета, отмечал, что важнейшей составной частью политики Э. Грея было восстановление России как действенной силы в европейской политике на стороне Англии и Франции для соблюдения баланса сил в Европе. Однако корни таких изменений в британский внешней политике по отношению к России он видел не в серьезных сдвигах на международной арене, а в необходимости найти эффективное средство противодействия угрозе британским интересам со стороны Германии и ее союзников, а в принципиальном различии в политике кабинетов консерваторов и либералов.

¹ АВПРИ. Отчет МИД за 1905 г. Д. 20. Л. 80 об.

² Там же. Л. 20 об.

³ Churchill R. P. Anglo-Russian Convention of 1907. IOWA. 1939. P. 107.

⁴ British Foreign Policy under Sir E. Grey. L., 1977. Ed. By F. Hinsley. P. 133.

⁵ Grey of Fallodon. Twenty-five Years. L., 1925. Vol. I. P. 152–153.

Так, по словам Б. Вильямса, если консерваторы смотрели на Россию, в первую очередь, как на настоящего и потенциального соперника Великобритании в Индии, то либералы видели в ней потенциального союзника¹.

Тенденции к улучшению отношений с Россией в английской внешней политике получили дальнейшее развитие в 1906 г. «Начавшееся еще задолго до войны политическое движение в пользу сближения с Россией приняло к началу отчетного года вполне определенные формы»², — говорилось в «Отчете МИД России за 1906 г.». В этом же документе указывалось, что новому британскому послу в России было поручено вступить в переговоры с российским правительством, чтобы прийти к соглашению по ряду вопросов³.

Несмотря на то, что в британских правящих кругах возобладали тенденции к расширению сотрудничества с Россией, отдельные представители этих кругов по-прежнему рассматривали Россию как важнейшего противника Англии. В первую очередь, это касалось представителей правящих кругов из числа высшей англо-индийской администрации. Например, такой точки зрения придерживался бывший вице-король Индии лорд Керзон и командующий индийскими вооруженными силами лорд Китченер, которые были сторонниками наступательной политики по отношению к России. За пять месяцев до прихода к власти либерального правительства в Англии лорд Китченер разработал программу мероприятий по усилению оборонительного пояса Индии на случай вторжения России в Индию⁴. Обосновывая свои предложения, он в докладе правительству Великобритании подчеркивал: «Наш северный сосед (Россия — *И. Ф.*) ведет подготовку к состязанию, в котором мы будем вынуждены бороться за свое существование. Даже в настоящий момент политическое положение угрожающе»⁵. Проект, выдвинутый Г. Китченером, предусматривал, в частности, увеличение индийской армии на восемь диви-

¹ British Foreign Policy... P. 134.

² АВПРИ. Отчет МИД России за 1906 г. Л. 96 об.

³ Там же.

⁴ British Foreign Policy... P. 134.

⁵ Ibid. P. 133.

зий. И, хотя Г. Китченер не усматривал возможности завоевания Индии Россией в ближайшем будущем, он не исключал появления этой возможности в перспективе в связи с развитием русской железнодорожной сети в Центральной Азии¹. Аналогичную точку зрения отстаивало и британское военное министерство. В справке, представленной им на рассмотрение британского правительства в начале 1907 г. говорилось: «Не рассчитывая в данный момент завоевать и поглотить Индийскую империю, Россия стремится раздвинуть свои границы до границ Индии, а если это произойдет, то для обороны Индии придется так значительно увеличить военные бюджеты Индии, что поставит на очередь вопрос, стоит ли вообще сохранять Индию». Китченер предлагал заключить союз с афганским эмиром и встречать малейшее проникновение России в Афганистан войной. Вице-король Индии лорд Минто поддержал проект Г. Китченера, и он в марте 1906 г. был представлен на обсуждение Комитета имперской обороны. А в мае 1907 г. ряд предложений Г. Китченера, включая предложение об укреплении индийской армии, были приняты².

Взгляды представителей англо-индийской администрации разделяли британский посол в Петербурге Ч. Гардинг, который после поражения России в войне с Японией усматривал возможность для России укрепить пошатнувшийся внутривластный и внешнеполитический авторитет путем наступления на позиции Англии в Индии³.

От подобных заявлений представителей британских правящих кругов во многом веяло демагогией. Они прекрасно понимали, что наступившее в связи с бурными внутривластными и внешнеполитическими событиями ослабление России, когда она путем внешних займов стремилась укрепить свое положение, вряд ли способствовало проведению активной внешней политики. Традиционное рассуждение о русской угрозе Индии служило, прежде всего, для прикрытия агрессивных планов британцев на Ближнем и Среднем Востоке и получения новых денежных поступлений в военный бюджет. А их мнение отражало интересы

¹ British Foreign Policy... P. 134.

² Ibid. P. 135.

³ Ibid. P. 133.

«средневосточной группировки» английской монополистической буржуазии, тесно связанной с эксплуатацией этой части азиатского материка¹.

Взгляды, которых придерживались некоторые представители англо-индийской администрации и отдельные видные британские дипломаты, были в условиях надвигавшейся угрозы британским интересам со стороны Германии не в состоянии поколебать тенденцию к сближению с Россией во внешней политике Англии, которая пользовалась поддержкой не только пользовавшейся поддержкой не только правящих кругов, но и общественности страны.

Санкт-Петербург со своей стороны также проявлял склонность к сотрудничеству. Ослабленная войной с Японией и охваченная революционными событиями, Россия стремилась по возможности сохранить уже завоеванные позиции и нуждалась для достижения этих целей в политической и финансовой поддержке со стороны Англии и Франции. Вот, что говорилось по этому поводу в «Отчете Министерства иностранных дел России за 1906 г. Николаю II»: «Едва ли не самым характерным признаком русской внешней политики за последние три четверти XIX века является постоянный антагонизм с Англией, то обостряющийся, то смягчающийся, неизменно проходящий красной нитью через всю историю международных отношений России, в особенности по азиатским вопросам. Перед началом русско-японской войны и внутренней смуты в России этот антагонизм находился в периоде особого разгара. Но затем исход кампании (имеется в виду русско-японская война — *И. Ф.*) и создавшееся отчасти благодаря ему крайне тяжелое внутреннее положение воочию доказали невозможность продолжения традиционной внешней политики и в этом отношении 1905 г. явился поворотным пунктом в истории наших отношений с Англией. На очереди стояла настоящая необходимость обеспечить безопасность России на всем громадном протяжении ее дальневосточных окраин вплоть до ее европейских границ, путем выработки целого ряда

¹ Подробнее см.: *Бондаревский Г. Л.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец 19 — начало 20 вв.) М., 1968. С. 23–24.

соглашений. Среди них, бесспорно, важнейшим являлось соглашение с Англией»¹.

Таким образом, правительства Англии и России пришли к убеждению в необходимости проведения согласованной политики на Востоке, в том числе в Иране, что отчетливо проявилось уже в 1906 г. В «Отчете МИД за 1906 г.» указывалось, что «первым практическим результатом начавшегося сближения явилось единодушие в политике обеих держав к прямой выгоде для интересов той и другой, причем это единодушие особенно явно сказалось по отношению к персидским делам. Между Россией и Англией было установлено, что исходным пунктом для обмена мнений на почве персидских дел будет служить строгое соблюдение *status quo* впредь до того момента, когда будет достигнута возможность определенного соглашения»².

Одним из характерных примеров проведения согласованной политики Англии и России в Иране были переговоры по вопросам о предоставлении шахскому правительству в 1906 г. совместного займа.

Дело в том, что длительный экономический и политический кризис в связи с начавшимся революционным движением заставил шахское правительство обратиться к России в августе 1906 г. с настоятельной просьбой о ссуде в 10 млн туманов³. Однако вследствие серьезных финансовых трудностей, которые испытывала Россия, для нее оказалось невозможным удовлетворить просьбу Ирана. В это время Лондонский кабинет выступил с предложением к России об оказании Ирану совместной денежной помощи. 23 января 1907 г. британский поверенный в делах в Петербурге обратился к графу Ламздорфу с конкретным предложением по этому вопросу⁴. 25 января 1907 г. граф Ламздорф одобрил британское предложение и заявил посланнику Великобритании в Иране С. Спринг Райсу, что «следует положить конец такой практике, при которой персидское правительство имело возможность получать деньги от английского и русского правительств,

¹ АВПРИ. Отчет МИД России за 1906 г. Л. 96 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 98.

⁴ British Documents... Vol. IV. № . 326.

играя на противоречиях последних»¹. В свою очередь британское правительство заявило о своем желании поставить условием оказания денежной помощи Ирану получение от шахского правительства обязательства на выдавать другим державам, кроме Англии, концессий на строительство железных и шоссейных дорог и телеграфных линий в районах, расположенных на восток от линии Бирджен — Бендер-Аббас². Однако, «ввиду крайнего несоответствия такой широкой постановки, по частному случаю, вопроса, — говорилось в «Отчете Министерства иностранных дел России за 1906 г.», — равнозначщей принципиальному расширению английской сферы влияния в Персии, удалось убедить англичан отказаться пока от их намерения и приступить только к рассмотрению финансовой стороны дела»³.

Переговоры о предоставлении Ирану совместного англо-русского займа начались в августе 1906 г., а в сентябре 1906 г. был выработан проект соглашения о финансировании шахского правительства. После обмена мнениями было принято решение о выделении Ирану совместного займа. Размер займа устанавливался «в равных долях под обеспечение таможенными доходами» в 10 млн туманов, из которых 5 млн туманов, необходимых для покрытия неотложных расходов, намечалось «авансировать немедленно»⁴. Следует, однако, отметить, что обеспечением английской части займа, согласно условиям, выработанным представителями России и Англии, должны были служить доходы с «таможен юга Персии и Персидского залива в свободной его части»⁵. Этот факт свидетельствовал о том, что британское правительство всячески стремилось закрепить свое влияние на побережье Персидского залива.

Проект соглашения о займе был одобрен правительством Ирана. Однако меджлис отказался утвердить этот проект. «Несмотря на крайнюю нужду в деньгах, персидское правительство, ввиду противодействия вновь учрежденного Народного собрания,

¹ Там же.

² АВПРИ. Отчет МИД России за 1906 г. Л. 98.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 560. О. 28. Д. 346. Л. 31.

до конца отчетного года не воспользовалось предложенным ему авансом»¹.

Еще одним примером согласованной политики Англии и России в Иране до заключения конвенции в 1907 г. были совместные действия этих держав по вопросу о наследовании престола после смерти Мозаффар эд-Дина шаха. «Хотя новый шах вступил на престол и в разгар почти всеобщего народного брожения в Иране, тем не менее переход власти к нему совершился беспрепятственно, что явилось главным образом последствием согласованных действий России и Англии, стоворившихся задолго до этого способствовать, насколько это от них зависело, воцарению в случае смерти законного наследника»².

То же самое можно сказать и по вопросу о наследовании престола после смерти Мохаммед Али шаха. В Сборнике дипломатических документов, касающихся событий Персии, указывалось, что «еще ранее достижения благоприятного исхода переговоров о соглашении устанавливалась полная общность взглядов обеих Держав на персидские дела, приведшая к согласованности их действий в отношении к Персии. Так, например, еще в декабре 1906 г., т. е. задолго до подписания соглашения, обе державы решили признать Султана Ахмед Мирзу, сына Мохаммед Али шаха, Валиагдом, т. е. наследником персидского престола»³.

Согласованная политика Англии и России в Иране проявлялась и при решении других вопросов. Своей кульминации она достигла в заключении между Россией и Великобританией Конвенции от 18/31 августа по делам Персии, Афганистана и Тибета.

Переговоры о заключении того соглашения шли начиная с 1906 г. В ноябре 1906 г. посол Великобритании в Петербурге передал в русское Министерство иностранных дел проект соглашения, основные положения которого сводились к следующему: «России и Англия взаимно обязуются не помогать ни для себя, ни для своих подданных никаких концессий политического или

¹ АВПРИ. Отчет МИД за 1906 г. Л. 98.

² Там же. Л. 101–101.

³ Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Вып. 1. СПб., 1911. С. 8.

торгового свойства в области, отмежеванной другой договаривающейся Державе, и не препятствовать последней в требованиях таких концессий в этой зоне»¹. Предложение это было равносильно разделу Ирана на сферы влияния, причем границей своей зоны Англия наметила линию, идущую от афганской границы через Газик и Бирдженд к Бендер-Аббасу»².

Представляется необходимым сравнить этот проект соглашения с проектом о разделе Ирана на сферы влияния, который правительство Великобритании выдвигало в 1903 г. В письме министра иностранных дел Англии маркиза Лэнздауна британскому посланнику в Иране С. Спринг Райсу от 25 ноября 1903 г. указывалось, что, во-первых, распределение сфер влияния в Иране является единственным возможным путем урегулирования англо-русских притязаний в стране, во-вторых, предполагалось признать весь север Ирана сферой влияния России и ни в коей мере не исключать интересы России на юге Ирана и в Персидском заливе³. Таким образом, значительное различие между проектом 1903 г. и проектом 1906 г. заключалось в том, что Англия намного расширила область своих притязаний в Иране и потребовала признания всего юга Ирана и побережья Персидского залива сферой своего исключительного влияния. Тем не менее проект 1906 г., разработанный британской дипломатией в условиях продолжавшегося революционного движения в России, лег в основу конвенции в части, касающейся Ирана. Таким образом, Англия сумела воспользоваться тяжелым положением России в связи с русско-японской войной и революцией 1905–1907 гг. для укрепления своего влияния.

Конвенция от 18/31 августа 1907 г. между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета, разграничивающая сферы влияния Англии и России в названных странах, была заключена с «целью уладить по взаимному согласию различные вопросы... на азиатском материке» и «предупредить всякий повод к недоразумениям между Россией и Великобританией»⁴.

¹ АВПРИ, Отчет МИД России за 1906 г. Л. 99.

² Там же.

³ British Documents... Vol. IV. № 182.

⁴ Конвенция 18/31 августа 1907 г. между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета СПб., 1911. С. 2. О конвенции имеется весьма

Соглашение по Ирану было центральной частью Конвенции. Министр иностранных дел Англии Э. Грей указывал, что «...если бы прекратилось наше сотрудничество в Персии, согласие (имеется в виду Антанта — *И. Ф.*) было бы неизбежно нарушено. В результате этого в течение времени более короткого, чем это можно было бы предположить, последовала бы новая ориентация английской политики»¹.

Конвенция предусматривала раздел Ирана на три зоны влияния. Зона влияния России охватывала территорию от Касри-Ширина через Исфаган, Йезд, Хакк до пункта на стыке иранской, русской и афганской границ. «Великобритания обязуется, — говорилось в Конвенции, — в отношении русской сферы влияния не домогаться для себя самой и не поддерживать в пользу британских подданных, ровно как в пользу подданных Третьих держав, каких-либо концессий железнодорожных, банковских, телеграфных, дорожных, транспортных, страховых и т. д. ... и не противиться ни прямо ни косвенно, требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемых Российским правительством». Россия принимала на себя аналогичные обязательства по вопросу о предоставлении концессий в британской зоне влияния, границей которой служила линия, идущая от афганской границы через Газик, Бирджен, Керман и оканчивающаяся в Бендер-Аббасе. Согласно статье третьей как Россия, так и Англия брали на себя обязательства «не противиться, не уговорившись предварительно, ... тому, чтобы какие-либо концессии в областях Персии, расположенных между линиями, упомянутыми при определении границ зон влияния». Эта территория составляла нейтральную зону Ирана. Конвенция предусматривала, что в случае неисправностей в погашении уплаты процентов по персидским займам, заключенным в Учетно-ссудном банке и в Шахиншахском банке «до дня подписания настоящего соглашения», Англия и Россия имели право устанавливать контроль над источниками до-

обширная литература, поэтому мы ограничимся кратким анализом ее влияния на политику Англии в Иране.

¹ Международные отношения в эпоху империализма. М., 1938. Серия 2. Т. 19. Ч. 1. № 139.

ходов иранского правительства в тех зонах, которые входили в их сферы влияния¹.

Британские представители неоднократно декларировали, что одним из самых главных их приобретений в результате подписания конвенции было то, что устранялась «угроза» Индии со стороны России. В письме А. П. Извольского — начальнику Главного штаба Российской империи отмечалось: «В вопросе о юго-восточной границе русской сферы мы имеем перед собой одно из тех притязаний Англии, которым она придает самое важное значение и в котором труднее всего от нее ожидать уступок. Исходной точкой переговоров по персидскому вопросу явилось стремление названной державы обезопасить свою персидскую границу от якобы грозивших последней покушений со стороны России»².

На наш взгляд, наиболее важный итог заключения конвенции состоял для Англии не в ликвидации весьма призрачной «угрозы» Индии со стороны России, а в том, что подписанием этого соглашения снимались преграды на пути установления безраздельного контроля над побережьем Персидского залива. Помимо этого, необходимо отметить, что положение конвенции о нейтральной зоне, т. е. зоне, расположенной между английской и русской сферами влияния, предусматривали взаимные обязательства Англии и России не чинить друг другу препятствий в получении там концессий. Однако, здесь весьма отчетливо вырисовывались преимущества Англии. Одна из причин этого заключается в том, что, по словам А. Гардинга, «... британские предприниматели имели значительно больше возможностей развиваться в нейтральной зоне, которая практически являлась южной Персией, чем русские»³.

Преимущества Англии в нейтральной зоне определялись и тем фактом, что почти на всю нейтральную зону распространялось действие концессии на разведку и добычу полезных ископаемых, предоставленных британскому подданному Д'Арси в 1901 г.

¹ Конвенция 18/31 августа между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана, Тибета. СПб., 1911. С. 4–6.

² АВПРИ. ф. Персидский стол. Д. 4142. Л. 299–300.

³ British Documents... Vol. IV. № 411.

Тем не менее в британских правящих кругах бытовали мнения, осуждающие заключение конвенции с Россией. Возражения против конвенции сводились к тому, что, как указывал граф А. К. Бенкендорф, русский посол в Лондоне, в письме к С. Д. Сазонову, «громадная и весьма влиятельная часть английского общественного мнения всегда считала английскую сферу влияния слишком узкой по сравнению с нашей»¹. На этот также обращал внимание и профессор К. Лоу, который сообщал, что «с самого начала существования Антанты с Россией, группа, возглавляемая лордом Керзоном, высказывала недовольство конвенцией потому, что она дала слишком много России и слишком мало Англии»². Откровенные высказывания на эту тему содержались и в статье лорда Гамильтона для журнала «Fortnightly Review» Он писал: «Территория, предоставленная России по новой конвенции значительно больше, чем та, на которую она имела право претендовать, тогда как Великобритания получила только небольшую часть территории, на которую она имела законное право рассчитывать»³.

Этими и подобными заявлениями представители английских правящих кругов стремились прикрыть свои устремления колонизировать Персию, при этом они использовали далеко не новые рассуждения о необходимости «обороны Индии» от русского вторжения. Профессор К. Лоу в этой связи писал, пытаясь оправдать английскую политику на Среднем Востоке: «Никогда не могло английское правительство смириться с конвенцией, потому что оно продолжало верить в захватнически планы России в Центральной Азии»⁴. В Палате общин английского парламента также высказывалось недовольство конвенцией на основании того, что нельзя было делить государство, которое планировалось как буфер от вторжения России в Индию, между Англией и Россией⁵.

¹ Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 1. № 328.

² Lowe C. and Dockwill M. The Mirage of Power. L., 1972. Vol. 1. P. 66.

³ Hamilton A. Views of the Anglo-Russian Agreement, the Question of Persia. Fortnightly Review, New Series 82, November 1, 1907. Vol. 88. P. 735.

⁴ Lowe C. and M. Dockwill. The Mirage of Power. L., 1972. Vol. 1. P. 66.

⁵ Nazem H. Russia and Great Britain... С. 30.

Российское общественное мнение также не осталось в стороне от критики Конвенции 1907 г. Приведем мнение полковника Генерального штаба Л. Соболева. Он писал, что при реализации соглашения «повторилась обычная в практике английской дипломатии история: английские интересы, ограниченные ее специальной сферой влияния, оказались повсюду в Персии — и в нашей сфере влияния и в так называемой нейтральной зоне... Соглашение выходило не только односторонним, где все права и выгоды оказывались на стороне нашего контрагента, оставлявшего нам лишь одни обязательства, но по своим экономическим и моральным отражениям в Персии и отсюда во всем мусульманском мире явно для нас убыточным, подчёркивавшим нашу второстепенную роль и подчиненное положение в отношении Англии, нашу от нее зависимость, что в свою очередь оказалось чрезвычайно на руку последней»¹. Опытнейший российский дипломат И. А. Зиновьев, бывший консул Российской империи в Реште и Тавризе, чрезвычайный посланник при Насер эд-Дине шаху, задавал вопрос, который в то время волновал не только его, но и достаточно широкий круг военных и дипломатов: «Гораздо труднее понять, вследствие каких соображений А. П. Извольский (министр иностранных дел Российской империи — *И. Ф.*) дал увлечь себя английским предложением и согласился пожертвовать приобретенным Россией в Персии выгодным положением. В изданном Министерством Иностранных дел сборнике документов не заключается никаких указаний по этому предмету»². Ответ на этот вопрос мы можем найти в одной из последних книг З. А. Арабаджяна «Неизвестные страницы Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране», изданной в 2021 г. Автор подчеркивает, что, А. И. Извольский был англофилом и масоном³. Это означало, что руководитель российской внешней политики зачастую принимал решения, исходя из интересов масонской организации, далеко не всегда совпадающие с интересами России.

¹ Скифъ. Персидский вопрос. М. С. 11, 20.

² Зиновьев А. И. Россия, Англия и Персия. СПб. 1912. С. 49.

³ Арабаджян З. А. Неизвестные страницы Конституционного движения в Иране. М., 2020. С. 49.

Заключение англо-русской конвенции о разделе Ирана вызвало и резкое противодействие иранского общественного мнения. В «Обзоре событий в Персии с 27 сентября по 5 октября 1907 г.» дипломатические представители России в Иране отмечали, что «с самой мыслью об этом англо-русском соглашении... депутаты энджуменов и даже многие правительственные лица еще не свыклись, видя в нем проект фактического раздела Персии и обоюдное беспрепятственное допущение всех действий Англии на юге и России на севере Персии»¹. Такие депутаты меджлиса как Мирза Абдул-Хасан-хан, принц Асадулла-мирза, контролер телеграфного управления и др. требовали, чтобы правительство заявило Англии и России, что «Персия не признает их договора»². Многие представители духовенства призывали народ подняться на борьбу против соглашения³.

В газете «Габль-оль-Матен» появилась серия статей, направленных против соглашения. Одной из наиболее характерных является статья в номере от 11 сентября 1907 г. Вот несколько отрывков из нее: «Оказывается, России дает Англия разрешение распространять свое коммерческое влияние на юге Персии, а Англия России такое же разрешение относительно северной части Персии. Но какое право имеет Англия или же Россия давать такие разрешения? И север Персии, и юг — это наша территория, и мы не дети, которые нуждаются в воспитателе и не сумасшедшие, которые нуждаются в охраннике... Сейчас необходимо, чтобы министр иностранных дел Персии четко заявил двум державам, что никакой договор, имеющий отношение к Персии и заключённый без ее согласия не будет удостоен какого-либо внимания»⁴. А в номере от 10 октября 1907 г. содержалось следующее утверждение: «Мы никоим образом не должны полагаться на статьи соглашения, так как они целиком и полностью созданы для нашего вреда»⁵.

¹ АВПР. Персидский стол, Д. 533. Л. 76.

² Там же. Л. 79.

³ Там же. Л. 88 об.

⁴ Цит. по.: *Brown E. The Persian Revolution of 1905–1909. Cambridge, 1910. P. 186–187.*

⁵ Там же.

Вахид Мазандерани писал по поводу конвенции: «Хотя с внешней стороны этот договор направлен на сохранение независимости Персии. И это ввело в заблуждение некоторых наших депутатов... те, кто докопался до секретной подоплеки договора, хорошо поняли, что, где бы не проявлялось влияние одного из правительств (Англии или России — *И. Ф.*), оно сейчас же обволакивалось покровом самых красивых слов для сокрытия обмана. Если бы два государства выступали за сохранение независимости Ирана, не нужно было бы никакого соглашения»¹.

Иранский ученый А. Кесрави-Тебризи следующим образом оценивал значение конвенции: «Если бы в 1914 г. не началась великая европейская война и в исходе ее не произошла бы Великая большевистская революция — то, бог знает, какие бедствия потерпел был Иран от действия этого соглашения»².

Рост недовольства в стране во многом явился причиной того, что правительство Ирана в период революционных событий отказалось признать соглашение о разделе страны на сферы влияния между Англией и Россией.

В 1907–19011 гг. несмотря на то, что основные тенденции развития международных отношений были направлены на укрепление и окончательное формирование группировок, сложившиеся к 1907 г. в Европе, противоречия между партнерами по Антанте оставались довольно глубокими, а рост сотрудничества между ними протекал далеко не так успешно, как того требовали интересы борьбы с Германией. И Англия, и Россия, особенно во время усиления разногласий между ними, неоднократно вступали в переговоры с Германией. Характерными примерами такого рода могут служить переговоры Эдуарда VII и Вильгельма II в Кронберге в августе 1907 г. и переговоры советника ведомства иностранных дел Германии фон Штумма и министра иностранных дел Англии Э. Грея в Лондоне в мае 1909 г. о возможности заключения соглашения о нейтралитете в случае европейской войны. Оценивая эти переговоры с точки зрения развития международных отношений в целом, мы видим, что они не выходили за рамки дипло-

¹ *Vahid Mazandarani. Gharardad-e rusi va englisi raje'ebe-e Iran. Tehran, 1949, s. 68.*

² *Kesravi Tabrizi. Tarikh-e mashrute-ye Iran, Tehran, bedun-e sal, s. 460.*

матических демаршей, и едва ли могли нарушить соотношение сил в существующих коалициях европейских держав. Однако они свидетельствовали о стремлении использовать угрозу, которая нависла со стороны Германии и ее союзников, чтобы вырвать уступки у партнеров по сложимся группировкам.

Наиболее ярко противоречия между Англией и Россией проявились в ходе так называемого Боснийского кризиса (осень 1908 — весна 1909 г.), когда Англия, видя затруднения своего партнера по Антанте, возникшие в результате аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, не только не поддержала российское правительство в той степени, на которую то рассчитывало, но и использовала их в своих целях, сумев добиться от него уступок в тех районах, где наиболее жестко сталкивались их интересы. В свою очередь Россия в период Агадирского кризиса, когда Германия была на волосок от войны с Францией и Англией, использовала заинтересованность британского правительства в своей поддержке и добилась от Англии ряда уступок в Иране.

Обострение противоречий между Англией и Россией привело к тому, что в ноябре 1910 г. состоялись переговоры Николая II и Вильгельма II в Потсдаме, а в августе 1911 г. было подписано соглашение между Россией и Германией по турецким и персидским вопросам¹. По этому соглашению Россия обещала не противодействовать Германии в сооружении Багдадской железной дороги, а после того, как она будет построена и соединена веткой с Ханекином на турецко-иранской границе, получить у иранского правительства концессии на продолжение линии от Ханекина до Тегерана. Германия, в свою очередь, обещала не добиваться концессий в русской сфере влияния в Иране.

Это соглашение, естественно, встретило резкое недовольство Англии, которая увидела в нем стремление России к укреплению своих позиций в Иране за счет своего партнера по Антанте. Этот факт является еще одним свидетельством того, что Иран стал местом, где наглядно проявлялось как сотрудничество, так и противоречия между партнерами по Антанте. И хотя заключение Потсдамского соглашения с Германией по сути дела представляло

¹ Ключников Ю. В. и А. Сабанин. Международная политика... Т. 28. С. 669.

собой не более как маневр российской дипломатии, руководители британской внешней политики выразили резкое недовольство им. Сэр Э. Грей заявил послу Германии в Англии, что русско-германские переговоры подверглись резкой критике в британском парламенте и прессе¹.

В целом представляется возможным сделать вывод о том, что заключение Конвенции способствовало объединению сил Англии и России в борьбе против революционного движения в Иране, а также против роста экспансии Германии и ее союзников в странах Ближнего и Среднего Востока. При этом, что ее действие распространялось преимущественно на район Среднего Востока и Центральной Азии, она оказала в известном смысле решающее воздействие на развитие всего комплекса англо-русских отношений. Профессор Б. Вильямс подчеркивал, что с точки зрения Великобритании, подписание и претворение в жизнь конвенции о разделе на сферы влияния Ирана Афганистана и Тибета — имело «кардинальное значение для англо-русских отношений в целом»². Поскольку вступление в силу конвенции обеспечивало предпосылки для смягчения англо-русских противоречий и открывало новые возможности для усиления борьбы против общих соперников на мировой арене.

При этом и в ряде документов дипломатических представителей России и Англии, и в высказываниях руководителей внешней политики обеих держав, роль конвенции 1907 г. в развитии сотрудничества между ними зачастую приукрашивалась. Так в «Обзоре событий в Персии, представленном российским посланником в Тегеране в Совет Министров, говорилось, что «соглашение 1907 г. привело к установлению между Императорским правительством и Сент-Джеймским кабинетом прочного и искреннего единomyслия. под влиянием которого Россия и Англия постоянно снабжали своих представителей в Тегеране тождественными указаниями»³.

А в «Сборнике дипломатических документов, касающихся событий в Персии», опубликованном Министерством иностранных

¹ Nazem H. Russia and Great Britain... P. 65, 67.

² British Foreign Policy... P. 236.

³ ЦГИА СПб. Ф. 1276. О. 3. Д. 697. Л. 364

дел России, отмечалось, что с заключением конвенции 1907 г. основным принципом политики России в Иране стал «общий согласованный образ действий в персидских делах с Великобританским правительством»¹. Со своей стороны, министр иностранных дел Великобритании неоднократно заявлял о том, что дружба с Россией стала краеугольным камнем британской политики в Иране. Например, в речи, с которой он выступил 10 июля 1912 г. в Палате общин, содержалось утверждение, что «к заслугам соглашения с Россией можно отнести тот факт, что никогда, ни на минуту между Англией и Россией не возникало и тени подозрений, что они могут использовать ситуацию в Персии вопреки интересам друг друга»². А в официальной кембриджской истории британской внешней политики отмечалось, что в основе политики сэра Э. Грея в Иране с самого начала и до самого конца лежал принцип невмешательства во внутренние дела страны и дружбы с Россией³.

Иранская Конституционная революция и британская политика в Иране

Как уже отмечалось Иран, как и другие страны Востока, был охвачен антифеодальным и антиимпериалистическим движением, развернувшимся под непосредственным влиянием русской революции 1905–1907 гг.⁴, которое находилось под пристальным вниманием русских дипломатов. В данной связи русский посланник в Тегеране Н. Г. Гартвиг в материалах «Особого совещания по персидским делам», состоявшегося 17–19 декабря 1908 г. отмечал: «За последнее время на Востоке наблюдается крайне широкое движение, стоящее в непосредственной связи с происшедшими у нас в стране за последние годы изменениями: войной с Японией и революционной смутой. Брожение

¹ Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. СПб. Вып. 1. С. 8.

² Grey E. Selected Speeches on Foreign Affairs. L., 1931. P. 193.

³ Cambridge History of the British Foreign Policy. L., 1923. Vol. 3. P. 423.

⁴ Подробнее см.: Введение к монографии.

в Персии представляет собой часть этого всеобщего движения на Востоке»¹.

В первой главе настоящего исследования мы указывали, что иранская революция стала одним из двух важнейших факторов, определивших задачи, формы и методы английской политики в Иране в рассматриваемый период. Во главу угла своей политики в Иране по отношению к революционному движению британская дипломатия несмотря на многочисленные заявления о поддержке демократического развития Ирана, положила стремление укрепить и расширить свою зону влияния за счет ослабления влияния Российской империи. При этом Лондон жестко препятствовал развитию революционного процесса, если оно грозило подорвать его позиции в стране. Опытнейший российский дипломат И. А. Зиновьев писал, анализируя названные вопросы, «к вышеизложенному считаю необходимым присовокупить несколько объяснений по поводу изложенного мною в настоящем труде взгляда на политику, которой английское правительство держалось при переговорах с Россией по вопросам, находящимся в связи с совершившимся в Персии переворотом. Тщательно изучив все касающиеся этого предмета документы, я пришел к убеждению, что делавшиеся нам означенным правительством предложения относительно средств восстановить в Персии спокойствие не оправдывались существовавшим в стране этой порядком вещей и далеко не говорили в пользу искренности Лондонского кабинета, а напротив того, свидетельствовали об эгоистических побуждениях, руководивших кабинет этот. Англичане никогда не могли примириться с нашим преобладающим влиянием в Тегеране и в возникшей в Персии революции они усмотрели средство поколебать наше влияние и устранить Мохаммед-Али-шаха, коему они не могли простить его русофильские чувства»².

Это ни в коей мере не отрицает того факта, что Англия, учитывая изменения на международной арене в связи подготовкой Первой мировой войны и размахом революционного движения в Иране, зачастую была вынуждена идти на соглашение с Росси-

¹ ЦГИА. Ф. 1276. О. 3. Д. 698. Л. 7.

² *Зиновьев И. А.* Россия, Англия и Персия. СПб., 1912. С. 9.

ей и объединять с ней усилия при решении различных вопросов в Иране, и особенно, вопросов, обусловленных обоюдным стремлением не допустить перехода революционным движением опасных для позиций обеих держав в стране рамок.

В отношении к революционным событиям в Иране ясно прослеживаются противоречия между реальными действиями Лондона и официально объявленным курсом английской политики, сопровождаемым демагогическими рассуждениями ее руководителей. Тем не менее в английской и американской исторической литературе до сих пор бытует стремление обелить роль британского правительства по отношению к революционным событиям в Иране. В ряде работ Англия предстает вдохновительницей демократических тенденций. В них содержатся утверждения о том, что миссия Англии в Иране в противовес Российской империи имела прогрессивный цивилизаторский характер. При этом британские авторы, пытаясь возвеличить роль Англии в развитии событий иранской революции, зачастую пренебрегали истиной и не обращали внимания на иранский народ, понесший жертвы в борьбе за конституцию. Наиболее характерны в этом отношении работы таких авторов первой четверти XX века, как Э. Браун, Д. Фрезер, П. Сайкс, вышедшие в 60–70-х гг. XX в., труды американских авторов иранского происхождения Р. Рамазани и Ф. Каземзаде 60–70-х гг. XX в., статьи профессора университета Альберта К. Лоу и профессора Сассекского университета Б. Вильямса, а также диссертации, защищенные в 70-х годах XX в. И. Ахмадом в Алигархском университете, Х. Наземом в Колумбийском университете и Р. Мак Даниелем в Калифорнийском университете¹.

В книге «Персия и Турция во время революции» Д. Фрезер, корреспондент газеты «Таймс», который находился в Иране в пе-

¹ Browne E. G. The Persian Revolution of 1905–1909. Cambridge, 1910; Frazier D. Persia and Turkey in Revolt. L., 1910; Sykes P. History of Persia. L., 1930; Ramazani R. The Foreign Policy of Iran. 1500–1941, University Press of Virginia, 1966; Kazemzadeh F. Russia and Great Britain in Persia 1864–1914. L., 1968; Williams B. Russia and Great Britain 1907–1914. In The Foreign Policy under Sir E. Grey. L., 1977; Ahmad I. Anglo-Iranian Relations 1905–1919. N.-Y., 1974; Nazem H. Russia and Great Britain in Iran 1900–1914. Tehran, 1975; Lowe J. The Mirage of Power. L., 1972; Mc Daniel R. The Shuster Mission and the Persian Constitutional Revolution. L., 1975.

риод революции, писал: «Во-первых, необходимо отметить, что персы получили конституцию без всяких усилий со своей стороны... Именно мы англичане, и были тем инструментом, благодаря которому они ее получили...если бы не наша помощь, они бы никогда ее не увидели»¹. Продолжая мысль о том, что иранцы обязаны конституцией англичанам, автор указывает: «Я отстаиваю ту точку зрения, что конституционное движение в Персии было неожиданным искусственным явлением, и я не поверю никакому европейскому обозревателю, который будучи знаком с ситуацией, станет опровергать эту точку зрения»². Далее он заявлял: «Нельзя оспаривать тот факт, что идея конституционного устройства Ирана зародилась в британской миссии в Тегеране, однако, персы по причине длительного страдания находились в состоянии повышенной готовности воспринять любую мысль»³.

Заведомую ошибочность таких суждений признают даже некоторые исследователи, желающие оправдать роль Великобритании в конституционном движении в Иране. Профессор Калифорнийского университета А. Хаири писал: «Во второй половине XIX в. некоторые иранцы, получившие образование на Западе, появились на иранской политической арене. Благодаря контактам с Западом и знакомству с европейскими конституционными режимами, эти иранцы, независимо от их личных побуждений, считали, что ситуация в Иране была невыносимой. Они верили, что страна сможет добиться безопасности и благополучия только в том случае, если деспотический режим будет свергнут и заменен конституционной формой правления»⁴. При этом он не мог не отметить, что работы таких иранских авторов как Фатх Али Ахмад Ладах, Моусташар од-Доуле, Мальком-хан также внесли заметный вклад в пробуждение Ирана⁵.

¹ *Frazer D. Persia and Turkey...* P. 16, 270.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Hairi H. A. The Idea of Constitutionalism in Persian Literature prior to the 1906 Revolution. In: Kongress fur Arabistik und Islam wissrnschft. VII. Gottingen. 1976. P. 190–207.*

⁵ *Ibid.*

Проповедовавшие Д. Фрезером взгляды в значительной мере перекликались со взглядами других английских авторов, а также иранских и иных восточных авторов, получивших образование в западных университетах. Бригадный генерал П. Сайкс, известный английский историк и разведчик, отмечал: «Отношение Великобритании к революции было продиктовано искренним желанием поддержать независимость Персии..., — и далее, — влияние и популярность Великобритании во время революции были в зените, благодаря ее глубокой солидарности с надежда и устремлениями персов на лучшую систему управления»¹. По словам И. Ахмада «персидские конституционалисты видели в Великобритании своего защитника. Они были очень благодарны ей за помощь, которая обеспечила им возможность добиться своей цели»².

Хосейн Назем утверждал, что Англия, хотя и объявила основным принципом своей политики в Иране — «невмешательство в его внутренние дела» на самом деле, оказывала помощь националистам, вдохновляла их заставила шаха даровать конституцию»³.

Всячески превознося роль Англии в успехах конституционного движения в Иране, западные авторы вместе с тем стремились противопоставить ее политику политике России. Причём в своих попытках возложить на Россию вину за экономическую и политическую отсталость Ирана, за поражение революционного движения, они порой не останавливались перед фактически абсурдными измышлениями. Так, прочны революции 1905–1911 гг., по мнению профессора К. Лоу, сводились к недовольству политикой шаха, предоставившего русскому правительству слишком широкие привилегии в Персии. Он писал: «Пренебрежение шаха интересами своей страны, то, что он способствовал передаче ресурсов Северной Персии в руки русских, вызвало сильное возмущение против его режима к концу XIX столетия. Оно возросло вследствие заключения шахом соглашений с Россией в получении крупных займов в 1900 и 1902 гг. Беспорядки возникли тогда, в 1905 г., когда шах подписал договор с Россией о получении

¹ Sykes P. History of Persia... P. 413.

² Ahmad I. Anglo-Iranian relations... P. 61.

³ Nazem H. Persia and Great Britain... P. 10.

нового займа, и вынудили его дать Персии конституцию»¹. При этом действия Великобритании противопоставлялись профессором Лоу действиям России, и он указывал, что, только заключение конвенции 1907 г. и заинтересованность Великобритании в союзе с Россией помешали ей оказать еще более эффективную помощь революционному движению. К. Лоу отмечал: «Грей и его чиновники верили в то, что союз с Россией необходим для безопасности Великобритании в Европе, и у них не было возможности жертвовать им ради Персии»². В подтверждение своих слов английский профессор приводит отрывок из письма А. Никольсона к Гардингу от 17 августа 1911 г., в котором тот подчеркивал, что «сохранение буквы и духа Конвенции представляет для нас гораздо большую важность, чем положение Персии... Персы абсолютно безнадежны»³. П. Сайкс также указывает, что «Великобритания, хотя и была искренне на стороне конституционалистов, в то же время оказалась настолько связанной англо-русским соглашением, чтобы быть свободной от русского влияния»⁴.

Другие английские авторы профессора Д. Свит и Р. Т. Лэнгхорн придерживаются аналогичного мнения. По их словам, Англия, если отказалась в ряде случаев от поддержки революции в Иране, то только в целях сохранения союза с Россией. «Но тем не менее британское правительство, — говорили они, — использовало всевозможные средства и методы давления на русское правительство для защиты дела революции в Иране»⁵. Они настаивали на том, что Э. Грей всячески использовал дипломатические методы давления на русское правительство с тем, чтобы сдерживать его действия по подавлению революции. «Когда А. И. Извольский прибыл в Лондон в октябре (1908 г. — *И. Ф.*), чтобы обеспечить России поддержку Англии в изменении статуса черноморских проливов, Грей и Морли прочли ему суровую лекцию по поводу того неблагоприятного впечатления, некоторое произвели на английское общественное мнение действия русских официальных

¹ Lowe C. J. *The Mirage of Power...* P. 67.

² Ibid. P. 69.

³ Ibid. P. 67.

⁴ Sykes P. *The History of Persia...* P. 419.

⁵ *British Foreign Policy under Sir E. Grey...* P. 240.

лиц в Персии по подавлению конституционного движения. А так как ему (А. Извольскому — *И. Ф.*) была необходима поддержка Англии не только в вопросах о проливах, но еще более необходима в Балканском вопросе, А. И. Извольский был вынужден признать, что действия российского посланника в Тегеране Н. Г. Гардинга ставят под угрозу цели европейской политики и что они должны быть более умеренными. Таким образом Э. Грей сумел использовать слабость дипломатической позиции А. Извольского в Европе, чтобы заставить его пересмотреть политику Н. Г. Гартвига в Персии»¹.

Современный американский иранист Р. Рамазани, автор фундаментального труда по истории внешней политике Ирана, в основе придерживался такой же точки зрения. Он указывал, что политика Э. Грея в период революции с самого начала покоилась на принципе невмешательства во внутренние дела Ирана².

Названные авторы либо полностью умалчивали о фактах интервенции Великобритании в Иран, либо подчеркивали их незначительность. Так, Р. Рамазани, совсем не упоминая о пребывании британских войск на территории Ирана, говорил, что британское правительство испытывало сочувствие к иранской революции³. Намеренно искажая факты, И. Ахмад писал: «Не только Россия посылала свои войска в Иран и вмешивалась во внутренние дела страны. Британское правительство делало то же самое в южных районах Ирана, однако оно делало это очень неохотно и строго ограничивало как время пребывания своих войск в Иране, так и их количество»⁴.

Не приходится говорить, что британские ученые и дипломаты в своих оценках британской политики в отношении иранской революции весьма далеко отошли от объективной действительности. Они всячески замалчивали многочисленные факты вторжения в Иран британских войск в период революции и стремились как можно нагляднее показать негативную роль России, выставив ее единственным противником прогресса и демократии в Ира-

¹ British Foreign Policy under Sir E. Grey... P. 240.

² Ramazani R. Foreign Policy of Iran... P. 94.

³ Ibid.

⁴ Ahmad I. Anglo-Iranian Relations... P. 106.

не. Неудивительно, что, обстоятельно рассказывая о вводе русских войск на территорию Ирана, они забывали, что эти действия происходили при полном одобрении британских властей. В справке, представленной Особому совещанию по персидским делам в феврале 1909 г., российский посланник Н. Г. Гартвиг указывал, что: «Англичане ничуть не затруднялись действовать подобным образом (как Россия — *И. Ф.*) на юге Ирана, как только их собственным интересам грозила опасность». Он особо обращал внимание членов Особого совещания, что «английское правительство, через своих консульских агентов и путем печати, ревниво подчеркивающее в глазах персов всякую меру, принимаемую нами на своей границе, без всяческих стеснений прибегает к радикальным средствам, как только дело касается их собственных интересов»¹. А полковник русского Генерального штаба Л. Н. Соболев в книге, посвященной пятилетним итогам соглашения 1907 г., писал: «Также самостоятельно, решительно и быстро действовали англичане и в своей сфере влияния, и в нейтральной зоне, при малейшем возникновении беспорядков, подавляли их и расправлялись с виновными, «не разбирая лиц», т. е. ограждая безопасность и свои интересы от сторонников старого режима и от националистов»².

В названных работах западных авторов была во многом разработана аргументация, которую и на протяжении длительного периода используют западные авторы, стремящиеся приписать России политику распространения своей гегемонии на Ближнем и Среднем Востоке и «обосновать» необходимость сохранения американского военного присутствия в странах, примыкающих к району Персидского залива и на Ближнем Востоке. Всячески превознося «демократические тенденции» в политике Англии в Иране и противопоставляя из «антидемократическим тенденциям в политике России в этих странах, которая якобы стремилась к установлению господства не только в Иране, но и на всем Ближнем и Среднем Востоке, отдельные авторы, опять-таки фальсифицируя действительность, пытались таким же образом пред-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1276. О. 3. Д. 698. Л. 78; АВПРИ. Ф. Персидский стол. Д. 914. Л. 256.

² Скифъ (*Л. Н. Соболев*). Персидский вопрос. М., 1912. С. 13.

ставить и политику России в Иране. Это весьма характерно для работ Ф. Каземзаде¹.

Таким образом, если западные авторы раздували на протяжении всего XIX столетия «русскую угрозу» Ирану, чтобы оправдать свою наступательную политику в этой стране, то современные западные историки продолжают муссировать этот же тезис, чтобы оправдать свою агрессивное вмешательство на Среднем Востоке.

В ряде случаев британские историки не могли не признать, что Великобритания поддерживала конституционное движение не ради дарования свободы и демократии иранскому народу, а лишь в той мере, в какой оно служило противодействием планам России. В ряде случаев это признавал Э. Броун: «В персидских делах Англия возбудила среди персов энтузиазм борьбы за конституцию, за национальную свободу, чтобы тем самым обеспечить себе свободу действий против наших соперников»². Противореча самому себе, с ним соглашался Д. Фрезер, указывая, что «мы поддерживали и направляли конституционное движение с самого начала революции и до его конца с целью ослабления влияния России и увеличения своего собственного»³.

И. Ахмад, в свою очередь, подчеркивал, что ведущей целью британской политики в Иране в период движения за конституцию было стремление завоевать сердца националистов с тем, чтобы в случае их победы они считали Англию своим другом и ее влияние стало бы доминировать в Иране над влиянием России»⁴. Этой же точки зрения придерживается и иранский историк Кесрави. Он указывал, что причиной демагогических рассуждений английских государственных деятелей в защиту конституционного движения и «поддержки» этого движения являлось желание ослабить власть шаха, ориентировавшегося на Россию⁵. Представляется возможным отметить, что это было характерным примером традиционной политики западных держав не только в XX, но

¹ Kazemzadeh F. Russia and Middle East. In Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective. Ed. By Ivo Lederer. New Haven. 1962. P. 529.

² Browne E. Persian Revolution... P. 176.

³ Frazer D. Persia and Turkey... P. 26.

⁴ Ahmad I. Anglo-Persian Relations... P. 61.

⁵ Kesravi Tabrizi. Tarikh-e mashrute-ye Iran, Tehran, bedun-e sal, s. 797.

и в ХХI в. того, как борьба под националистическими лозунгами против одной державы может быть использована другой державой для усиления своего влияния.

При этом с самого начала революционного движения в Иране британское правительство наряду с такими испытанными методами своей политики в полуколониальных и колониальных странах как оказание давления по дипломатическим каналам, разрабатывало проекты военной интервенции в Иране. Так, еще в сентябре 1906 г. министр иностранных дел Англии Э. Грей в докладе Эдуарду VIII выдвинул предложение об оккупации Систана и южных областей Ирана, что, по его мнению, наряду с заключением соглашения с Россией, должно было способствовать ослаблению революционного движения и ограничению его необходимыми рамками¹. В феврале 1907 г. британский посланник в Тегеране С. Спринг Райс предлагал правительству России «иметь заготовленными и изложенными письменно проекты финансовых и военных мер, если таковые окажутся необходимыми для защиты жизни и собственности иностранных подданных»². 7 апреля 1907 г. британский посол в Петербурге А. Никольсон подготовил проект памятной записки от лица министерства иностранных дел Англии министерству иностранных дел России, в котором говорилось, что в случае, «если жизни и интересам британских подданных будет грозить опасность, правительство Его Величества будет готово послать суда в порты Персидского залива и принять такие меры охраны, какие потребуют обстоятельства»³.

Вынашивая планы военной интервенции в случае усиления революционного движения в Иране, британское правительство исподволь приступило к организации в различных районах страны серии опорных военных пунктов. Их организация проходила под предлогом необходимости усиления консульского конвоя и охраны британских предприятий в Иране. Необходимо отметить, что размеры консульского конвоя в британских миссиях значительно превышали допустимые размеры консульской охраны.

¹ British Documents... Vol. 4. № 350.

² Great Britain Parliament. Further Correspondence Respecting the Affairs of Persia. Cd 4581 L., 1909. P. 8.

³ British Documents... Vol. 4. 407.

Уже в феврале 1906 г. по сведениям вице-консула России в Сийстане В. И. Некрасова, «в Рабат прибыло пятьдесят солдат, ожидается туда, по заявлению нештатного английского вице-консула в Кух-и-Малекл-Сиях, через две недели еще двести»¹. А в марте 1907 г. Н. Г. Гартвиг сообщал из Тегерана, что во многих пунктах Персии британские консульства располагали усиленной охраной, причём на вооружении ее имелись даже пулеметы².

При всем этом на протяжении революционных событий в Иране британская дипломатия неоднократно декларировала, что основным принципом ее политики в Иране является принцип невмешательства во внутренние дела страны. Так 13 августа 1906 г. министр иностранных дел Англии Э. Грей, очевидно, с целью довести этот факт до сведения российского правительства, в письме к британскому послу в Петербурге А. Никольсону подчеркивал, что официальная позиция Англии по отношению к Ирану заключается в невмешательстве в его внутренние дела³. О подобной позиции Великобритании британский посланник в Тегеране С. Спринг Райс поставил в известность ряд влиятельных иранских духовных лиц, о чем он сообщал в письме к Э. Грею от 10 декабря 1906 г.⁴ А в феврале 1907 г. С. Спринг Райс обратился с аналогичным заявлением к министру иностранных дел Ирана⁵. О строгом соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела Ирана, как это ни выглядит парадоксальным, говорилось и в водной части конвенции 1907 г. о разделе Ирана на сферы влияния, когда основной целью конвенции объявлялось соблюдение целостности и независимости страны.

Несмотря на объявление руководящим принципом английской политики в Иране невмешательство во внутренние дела, британская дипломатия применяла самые различные методы и средства для подавления революционного движения, включая воен-

¹ АВПРИ. Среднеазиатский стол. 1906. О. 485. Д. 15. Л. 27.

² АВПРИ, Ф. Персидский стол, Д. 532. Л. 9–9 об.; АВПРИ. Персидский стол. Д. 910. Л. 31.

³ British Documents... Vol. 4. 332.

⁴ Ibid. № 361.

⁵ Great Britain Parliament. Further Correspondence Respecting the Affairs of Persia L., 1909. Cd 4581. P. 9.

ную интервенцию. А многочисленные заверения о соблюдении этого принципа позволили Англии держать нейтралитет как по отношению к персидским революционерам, так и к сторонникам абсолютизма.

Особенно активизировалась деятельность британских военных властей в Иране после заключения конвенции с Россией в августе 1907 г. При этом, они, используя военные корабли стремились всячески помешать доставке оружия и военного снаряжения в Иран для революционных сил, захватывали опорные пункты на побережье Персидского залива. Так в «Обзоре событий в провинциях Персии по консульским донесениями за январь 1908 г.» отмечалось, что крупный отряд англичан прибыл в Бам¹. А по сообщениям из Бендер-Аббаса, британские военные корабли препятствовали ввозу оружия в районе Биабана и Мекрана. Они захватили и сожгли в этом районе два парусных судна и бомбардировали побережье.² В апреле 1908 г. с английских крейсеров в порту Джаск был высажен десант в 200 человек, который занял форт Наскири и оставался в нем на протяжении трех недель. После отплытия крейсеров в Бомбей, в водах Джаска продолжали курсировать три канонерки³.

Не останавливались англичане и перед прямым подавлением революционного движения. Одним из наиболее характерных примеров такого рода были действия англичан в Бушире. 20 марта с усилением в Бушире революционного движения сэр Грей обратился в Адмиралтейство с просьбой направить туда крейсер, который был якобы необходим для обеспечения защиты иностранных подданных⁴. Между тем, по словам английского генерального консула в Бушире, майора Кокса, никакой опасности для иностранных подданных не было⁵. После того, как поднявшиеся на борьбу против Каджаров жители Бушира заняли почту, таможню и другие правительственные учреждения и провозгла-

¹ АВПРИ, Персидский стол. 1908. Д. 537. Л. 26 об.

² Там же. Л. 48–49.

³ Там же.

⁴ Great Britain Parliament. Further Correspondence Respecting the Affairs of Persia. L., 1909. Cd 4733. № 120.

⁵ Ibid. № 171.

сили конституционное правление во главе с сеидом Мортеза Ахрами, «интерес всех последующих событий, — по словам русского генерального консула в Бушире, — сосредоточился главным образом на таможенном вопросе»¹. Капитан Тревер, возглавлявший британское генеральное консульство в Бушире в отсутствие майора Кокса, «посоветовал» сеиду не аннексировать таможенные доходы, которые до этого момента поступали в распоряжение Англии в счет покрытия платежей по ее займам Ирану². Однако Мортеза Ахрами ответил ему, что правительство Его Величества должно предъявить документы в подтверждение своих прав на получение таможенных доходов. При этом он подчеркнул, что признает подлежащими погашению только те займы, которые были предоставлены Ирану в период конституционного правления³. Такое заявление Мортеза Ахрами вызвало резкое недовольство сэра Барклая, английского посланника в Тегеране, который 30 марта по телеграфу дал указание британскому консулу в Бушире майору Коксу предупредить сеида, что в случае отказа от погашения задолженности правительству Англии британские власти в Иране сами примут меры для ограждения интересов Его Величества. Британский консул сделал соответствующее заявление Мортеза Ахрами. Однако последний, мотивируя свои действия отсутствием документов на право получения таможенных доходов правительством Англии, фактически отказался от передачи этих доходов британскому консулу. Тогда, 10 апреля 1909 г. в Бушире был высажен десант английских солдат численностью в 100 человек, который занял таможенную и другие государственные иранские учреждения в Бушире⁴. После этих событий вся власть в Бушире фактически сосредоточилась в руках английского генерального консула в Бушире майора Кокса, Российский посланник в Тегеране, имея в виду агрессивные действия англичан в Бушире, а также другие их шаги, предпринятые с целью взятия под контроль южных районов Персии, следующим образом охарактеризовал

¹ АВПРИ. Персидский стол. Д. 3916. Л. 130.

² Great Britain Parliament. Further Correspondence Respecting the Affairs of Persia. L., 1909. Cd 4733. № 129, 171.

³ Ibid. № 129, 171.

⁴ Ibid. № 140, 164.

ситуацию в районе Персидского залива: «По мере утверждения в Персидском заливе, который имел для нее не большее значение, чем для нас смежный с Кавказом Азербайджан, Англия все более и более посягала в этой части Персии на суверенные права Шаха. В настоящее время она безусловно господствует на обеих побережьях залива, где у нее во всех важных пунктах имеются непосредственно подчинённые Индийскому департаменту военные агенты. Агенты эти, именуемые консулами, облечены широкими полномочиями, в их распоряжении имеются канонерки, которые призываются ими в тех случаях, когда надо оказать известное давление на местные власти»¹.

Используя всевозможные средства для установления контроля над южными районами Ирана и подавления в этих районах конституционного движения, угрожавшего нанести ущерб интересам Англии. Британская дипломатия вместе с тем пристально следила за действиями представителей Российской империи с целью не допустить нарушения «политического равновесия в пользу последней. Весьма характерным в этом отношении является письмо посла Англии в Тегеране Ч. Гардинга британскому министру иностранных дел Э. Грею. В письме говорилось: «Если персидское правительство обанкротится и, как следствие этого, начнутся беспорядки в стране, Россия планирует послать военную силу через границу, чтобы восстановить авторитарную власть династии Каджаров, подобно тому, как мы это сделали с хедивами в Египте во время арабского восстания. В результате такой интервенции Россия обеспечит за собой позиции в Персии, аналогичные тем, которые заняла Великобритания в Египте. А шах, восстановленный Россией, станет марионеткой в ее руках. Правительство Его Величества, осознавая эту угрозу, решило после подробного изучения этого вопроса, что в случае беспорядков в Персии изолированные действия России не могут быть допущены, и что независимо от предлога, по которому русские войска будут введены в Азербайджан и Хорасан, соответствующий шаг должен быть предпринят правительством Индии в Систане или же в Персидском заливе, или же и в том, и в другом районе одновременно. Оккупация

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1276. О. 3. Д. 697. Л. 346 об. «Записка о персидских делах русского посланника в Тегеране» от 16 декабря 1908 г.

британскими войсками Систана, Бендер-Аббаса и Бушира, не будет по существующему плану иметь характер демонстрации против России. Наоборот, она должна быть по возможности правдоподобно представлена ей как мера сотрудничества, при которой обе державы вмешиваются одновременно, и, если Россия захочет, согласованно, чтобы защитить свои интересы и поддержать порядок в районах, прилегающих к их соответствующим границам»¹.

Однако, Англия, вводя на юг Ирана свои войска и захватывая опорные пункты на побережье Персидского залива, по мере своих сил стремилась не допустить ввода русских войск на территорию Ирана. Так, в 1908 г. она не позволила правительству России направить войска в северные районы страны, угрожая перестать поддерживать Санкт-Петербург в вопросах европейской политики². Причины этого, как указывал русский посланник в Тегеране Н. Г. Гартвиг заключались в том, что «события развиваются главным образом на севере Персии, где главным образом сосредоточены Российские интересы. Это дает возможность англо-индийскому правительству спокойно ожидать событий и делать нужные приготовления для защиты своих интересов»³.

Тем не менее, в 1909 г. Англия, в связи с ростом революционного движения в Иране одобрила ввод русских войск на территорию страны. 7 апреля 1909 г. министр иностранных дел России сообщил поверенному в делах в Тегеране, что британское правительство обратилось с просьбой послать в Табриз отряд, чтобы дать возможность иностранцам, желающим покинуть этот город, выехать оттуда. А когда руководители восстания обратились к английскому посланнику с просьбой принять меры для того, чтобы остановить продвижение русских войск, тот ответил, что в этом не было необходимости⁴.

9 апреля 1909 г. Э. Грей выступил в Палате общин британского парламента по поводу ввода русских войск в Табриз. «В конце своей речи, — как сообщал русский посол в Лондоне, — он сказал, что как английское правительство принимало меры для защиты

¹ British Documents... Vol. 4. № 322.

² Nazem H. Russia and Great Britain... P. 42.

³ АВПРИ. Ф. Персидский стол. Д. 910. Л. 46 об.

⁴ Там же. Д. 539. Л. 68.

иностранных подданных в Бушире, так и Россия приняла необходимые меры в Табризе, т. к. в этом районе только она могла оказать эффективное воздействие»¹. А 5 июля 1909 г. Э. Грей частным образом уведомил А. И. Извольского, что даже, если русские войска оккупируют Тегеран, то он не должен беспокоиться о том, что отношения России с Англией прервутся или же станут менее дружественными².

По словам Д. Фрезера, вступление российских войск в Тебриз было результатом совместных действий обеих держав и фактически совместной англо-русской интервенцией³. А современный американский исследователь политики Англии и России в Иране в период революции 1905–1911 гг. Р. Мак Даниель подчеркивал, что «каждый шаг России (во время ввода войск в Тебриз — И. Ф.) был тщательно разработан обоими правительствами, и ни один существенный шаг не делался без взаимного согласия»⁴.

Тем не менее несмотря на «прочное и искреннее единомыслие» и «согласованный образ действий» между Россией и Англией, который проявлялся в основном в плане борьбы с революционным движением в Иране и против вмешательства «третьих держав», по остальным вопросам противоречия между ними в значительной степени сохранялись. Однако они проявлялись не так отчетливо и зачастую в скрытой форме, причем оба правительства по возможности стремились не доводить их до конфликтов. При этом противоречия между Англией и Россией прослеживались и в рамках решения общих задач борьбы с революционным движением, когда Великобритания стремилась использовать это движение в своих собственных интересах.

Это наглядно проявлялось в стремлении Лондона распространить свое влияние на шаха Ирана, который традиционно находился в достаточно тесных взаимоотношениях с Россией. Вот что писал Н. Г. Гартвиг, определяя основные направления российской политики в Иране: «Одно из главных направлений состояло в поддержании шаха и его правительства», а «расположе-

¹ АВПРИ. Ф. Персидский стол. Д. 539. Л. 103.

² Lowe C. J. *Mirage of Power...* P. 68.

³ Frazer D. *Persia and Turkey...* P. 91.

⁴ McDaniel R. *Shuster Mission...* P. 16.

ние к нам двух последних шахов давало обильную пищу для такой тенденции»¹. В таких условиях Англия неоднократно прилагала усилия к замене царствующим шахом своими ставленниками, используя, в частности, борьбу за установления демократического конституционного строя в Персии. В «Записке о персидских делах» российского посланника в Тегеране от 16 декабря 1908 г. говорилось, что англо-индийские агенты традиционно оказывали поддержку своему кандидату на престол Зилли султану, что имело место после убийства Насер эд-Дина шаха в 1896 г. и после смерти Мозаффар эд-Дина шаха в 1906 г., в начальный период конституционного движения в Иране. «Последнее обстоятельство вызывало тем большее смущение персов, что официально открыто выражавшие сочувствие введению конституционного режима в Персии. Англичане не могли не знать, что покровительствуемый ими принц в случае осуществления его преступных замыслов явился бы ярким и жестоким деспотом на престоле»², — писал Н. Г. Гартвиг.

Британские представители в Иране использовали при этом самые различные формы и методы давления на правительство страны, в частности, такую традиционную форму как бест. Так, весной 1906 г. они предоставили бест в саду английской миссии в Тегерана 1300–1400 человек. Британский посланник взял на себя роль посредника в переговорах между шахом и севшими в бест, которые выдвигали требования, отвечавшие в тот момент интересам Англии. Это были требования провозглашения конституции и созыва меджлиса и ограничению власти шаха, находившегося под влиянием России. Интересам британского правительства соответствовало и требование отставки с поста премьер-министра сторонника России Айн эд-Доуле и замены его на этом посту Незам ос-Салтане, придерживавшегося проанглийской ориентации³.

В 1908 г. британские представители вновь предоставили бест в Тегеране в саду своей миссии, выдвинув требования шахскому

¹ ЦГИА. Ф. 1276. О. 3. Д. 697. С. 347.

² Там же.

³ *Nazem H. Russia and Great Britain...* P. 51. Подробнее см. Арабаджян З. А. Неизвестные страницы Конституционной революции в Иране 1905–1911 гг. М., 2021. С. 17–20.

правительству обеспечить безопасность лиц, севших бест, и грозя в противном случае оккупацией одного из портов в Персидском заливе¹.

В тех случаях, когда английским дипломатам было невыгодно поддерживать революционное движение, они под различными предлогами отказывали сторонникам конституционного движения в Иране в предоставлении беста. Такие случаи наблюдались, например, в южных городах Ирана: Кермане и Бендер-Аббасе, где революционное движение грозило подорвать позиции англичан и их ставленников. Так, в Кермане в марте 1907 г. на просьбу сторонников конституции о предоставлении беста в здании английской миссии британский консул ответил, что «правительство Его Величества запретило бест под английским флагом»². А в мае 1907 г. оно также ответило отказом на аналогичную просьбу, обосновывая это тем, что «правительство Его Величества не вмешивается во внутренние дела Персии»³.

Необходимо отметить, что, когда демократическое движение в Иране получило широкий размах, что проявилось, в частности, в деятельности первого иранского меджлиса, который отличался отчетливо выраженной националистической направленностью, британские дипломаты активно помогали шаху сохранить престол. На обращение шаха 8 февраля 1907 г. за деньгами в английский банк они дали указание директору Шахиншахского банка Рабино выдать шаху довольно крупную сумму денег. Вот, что писал об этом русский посланник в Тегеране Н. Гартвиг в донесении от 9 февраля 1907 г.: «Спринга Райса застал я также в некоторой тревоге ввиду получения им известий из Табриза и слухов о складе снарядов в Тегеране. При тщательном обсуждении просьбы Шаха, Спринг Райс согласился поручить Рабино выдать немедленно Наусу, под видом аванса таможене, все 150000 туманов, в предположении, что может быть русский банк возьмет на себя половину этого расхода. Вчера вечером эти деньги были получены Наусом и переданы Шаху... Со своей стороны, осмелюсь думать, что было бы весьма желательно согласия министра на возврат английско-

¹ АВПРИ. Персидский стол. Д. 537. Л. 44. Л. 50 об.

² Там же. Д. 3967. Л. 29.

³ *Nazem H. Russia and Great Britain...* P. 30.

му банку половины этой суммы, дабы впоследствии англичане не играли на том, что в критическую минуту они, без участия России спасли шаха»¹.

В то же время в феврале 1909 г., используя затруднения шахского правительства, Великобритания через Зилли ос-Салтане обещало шаху «поддержку Англии в случае возникновения беспорядков введением войск в Систан, с условием, что по водворению спокойствия, часть этой области будет присоединена к англо-индийским владениям»².

С другой стороны, в 1909 г. Англия фактически выступила против оказания шаху финансовой помощи, рассчитывая, очевидно, таким образом поставить под контроль расходование средств и тем самым не допустить укрепления позиций шаха, ставленника России. Это наглядно проявилось во время переговоров между Россией и Англией по вопросу о предоставлении займа правительству Ирана. Российское правительство выразило согласие на предоставление шаху займа. В памятной записке английскому правительству от 16 января 1909 г. оно выдвинуло предложение о предоставлении шаху «более ли менее крупного займа» при условии достаточных доказательств его решения следовать советам Англии и России. В ответе британского правительства от 21 января 1909 г. содержалось дополнительное требование к шаху установить конкретные сроки введения «представительного правления». В документе подчеркивалось, что, если к «этому сроку не будет даровано представительное правление, шаху не будет оказываться никакой поддержки со стороны британского и русского правительства, которые подвергнут пересмотру свои отношения к Его Величеству и примут меры к ограждению своих интересов»³.

В ходе этих переговоров выявились серьёзные разногласия между Россией и Англией. В справке, представленной Особому совещанию по персидским делам 16 февраля 1909 г., говорилось: «Из беседы Гофмейстера Извольского с Никольсоном выяснилось, что главное разногласие между обоими правительствами заклю-

¹ АВПРИ. Ф. Персидский стол. Д. 910. Л. 13 об.

² Там же. Л. 45.

³ Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. СПб., 1911. Вып. 1. С. 57–58.

чается в вопросе о деньгах. Несмотря на все наши доводы, указывающие на невозможность оставить Персию без материальной помощи, трудно будет добиться согласия Англии по этому вопросу»¹. Нежелание правительства Великобритании предоставить в тот момент денежную помощь шаху вызывалось, как указывал Н. Г. Гарвиг, «не только вследствие убежденности в полезности такого образа действий, сколько под влиянием парламентских сторонников тегеранского кабинета, которые склонны усматривать в малейшей денежной помощи Персидскому правительству, поддержку, оказанную лично Шаху»². Подобной же точки зрения на позицию Англии во вопросе о предоставлении займа Ирану придерживался и Х. Назем. Остановившись на беседе А. Извольского и Н. Гардинга во время встречи в Ревеле Николая II и Эдуарда VII, он отмечал, что Ч. Гардинг ответил отказом на предложение А. Извольского оказать помощь шаху, одобрив совместный англо-русский займ Ирану, так как, по его словам, «шах всецело находился под русским влиянием и денежная помощь ему усилила бы влияние России в Иране»³.

В ноте от 26 февраля 1909 г. российское правительство выразило согласие с теми изменениями, которые британское правительство внесло в свой вариант ноты шахскому правительству. Одна из причин такой уступчивости России заключалась в том, что в то время в Европе разразился так называемый Боснийский кризис, и Россия, заинтересованная в поддержке Англии по ряду вопросов своей балканской политики, решило пойти ей навстречу в вопросах политики иранской. На это обращали внимание авторы «British Foreign policy under Sir E. Grey», отмечая, что Э. Грей использовал слабость дипломатической позиции А. Извольского в Европе во время боснийского кризиса, чтобы добиться от него уступок в персидских делах. «Аннексия Боснии и Герцеговины, — по их словам, — сопровождалась периодом, во время которого Россия была вынуждена повторять британские меморандумы в Персии»⁴.

¹ ЦГИА. СПб. Ф. 1276. О. 3. Д. 698. Л. 56.

² Там же. Л. 81.

³ Nazem H. Russia and Great Britain... P. 36.

⁴ British Foreign Policy... P. 242.

9 апреля 1909 г. русский и английский посланники в Тегеране направили шаху совместную ноту, учитывающую все требования лондонского правительства. Несмотря на то, что шах выполнил эти требования, британское правительство в ноте от 4 мая 1909 г. русскому правительству заявило, что оно не считает возможным предоставить Ирану займ до одобрения его меджлисом¹. Заключение соглашения о займе Ирану оттягивалось по инициативе Англии до переворота в июле 1909 г.

Британские представители принимали активное участие в перевороте, в результате которого шах Мохаммед Али был свергнут и на престол взойшёл Ахмад шах. После этого в Персии было образовано правительство, состоящее из либерально настроенных помещиков и бахтиарских ханов. Тесная связь бахтиарских ханов с англичанами дала возможность Х. Назему назвать этот переворот триумфом британской политики в Иране» и ударом по престижу России². Англия уже в августе 1909 г. выделила новому правительству 100 тыс. туманов под залог коронных драгоценностей в Шахиншахском банке³. А во время встречи в августе 1909 г. между Эдуардом VII и Николаем II Э. Грей пытался убедить их в необходимости предоставления совместного займа правительству Ирана. Однако А. Извольский отказался, «сожалея о русофобском настроении кабинета»⁴.

Но уже в феврале 1910 г., уступив давлению Великобритании, правительство России приняло предложение Лондона о предоставлении Ирану совместного займа. В данной связи британскими и русскими представителями был выработан ряд условий. Они заключались в следующем: во-первых, программа расходования займа должна была быть одобрена британской и русской миссиями и осуществляться в соответствии с их рекомендациями. Во-вторых, семь французских офицеров, обладающие исполнительной властью должны были быть приняты на службу в министерство финансов Ирана; в-третьих, предусматривалась организация вооруженной силы для обеспечения безо-

¹ Сборник дипломатических документов... Вып. 2. СПб., 1911. С. 162–163, 181.

² *Nazem H. Russia and Great Britain...* P. 54.

³ *Иванов М. С. Иранская революция...* С. 393.

⁴ *Lowe C. The Mirage of Power...* P. 69.

пасности на торговых путях. Правительство Ирана должно было пригласить на службу в вооруженные силы иностранных советников, кандидатуры которых должны были быть предварительно одобрены представителями Англии и России. В-четвертых, Иран должен был дать обязательства не выдавать никаких железнодорожных концессий, не предложив их предварительно русскому и английскому правительствам. Исключение делалось лишь для иранских подданных, располагающих национальным капиталом¹.

Условия, выработанные правительствами Англии и России, носившие колониальный характер, были настолько тяжелыми, что иранское правительство, даже испытывая острую нужду в средствах, отказалось их принять.

Важнейшим фактором, который определил формирование британского внешнеполитического курса в период Конституционного движения в Иране оказало открытие коммерческих запасов нефти в южных провинциях Ирана. А заключение соглашения 1907 г. в значительной мере развязало руки Англии на этих территориях, что особенно отчетливо проявилось в Хузестане, провинции, которая с открытием там перспективных нефтяных месторождений и созданием для их эксплуатации Англо-персидской нефтяной компании (АПНК), стала основным объектом внимания британских правящих кругов. Интересные факты о том, как это произошло мы находим в книгах американского историка Е. Даниеля «The Prize: the Epic Quest for Oil, Money and Power» и английского историка Э. Саттона «Иранская нефть»².

В начале мая 1908 г. владельцы «Birma Oil», которой к этому времени принадлежал основной пакет акций компании Д'Арси, разуверились в наличии в Персии серьезных запасов нефти и послали телеграмму инженеру Г. Рейнольдсу с требованием прекратить работы, начавшиеся в 1902 г. Опытный английский инженер был уверен в конечном успехе и на свой страх и риск решил отложить выполнение приказа на месяц с тем, чтобы получить письменный приказ от владельцев компании. Интуиция не обману-

¹ Сборник дипломатических документов. Вып. 4. СПб., 1912. С. 51–52.

² Элвелл Саттон Л. Иранская нефть. М., 1956. *Yergin Daniel. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power. N.-Y., 1991.*

ла его и менее, чем через две недели 26 мая 1908 г. фонтан нефти забил в районе Месджеде Солеймани. Так было обнаружено первое месторождение нефти в Персии, которое обещало заоблачные прибыли. Владельцы компании получили компенсацию всех своих расходов. Но никакие награды не были вручены инженеру Г. Рейнольдсу. По мнению американского исследователя истории крупнейших нефтяных компаний Д. Ергина деятельность инженера, чье упорство и профессионализм позволили создать АПНК, не были по достоинству оценены ни английским правительством, ни его работодателями. Он приводит слова А. Вильсона английского консула в Мохаммере о Г. Рейнольдсе. «Он был способным человеком, который мог выдержать жару и холод, умел находить общий язык со своими партнерами: персами, индийцами и европейцами, но не смог найти общий язык со своими работодателями, чья близорукость чуть было не разрушила великое предприятие. Заслуги Г. Рейнольдса перед Британской империей, перед британской промышленностью и перед Персией никогда не были признаны»¹.

В 1909 г. была образована Англо-персидская нефтяная компания (АПНК) и сразу же вслед за ней 13 апреля 1909 г. специально для выплат бахтиарским ханам была создана «*Bakhtiari Oil Company*», которая вскоре вошла в АПНК. Помимо этого, англо-индийские власти в Дели откомандировали около двадцати уланов бенгальского полка, якобы для охраны английского консульства в Ахвазе, а на самом деле для обеспечения безопасности английских геологов. Заключение договоров представителей Великобритании с бахтиарскими ханами, минуя Тегеран, и отправка вооруженных уланов являлись прямым нарушением суверенитета Ирана и открытым вмешательством во внутренние дела страны, о чем английские историки предпочитают умалчивать. Не вызывает сомнения, что это было одобрено правительством в Лондоне, ведь, в связи с разработкой проектов перевода английского военно-морского флота на использование в качестве горючего жидкого топлива вся деятельность британских монополий по разведке и эксплуатации нефтяных место-

¹ *Yergin Daniel. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power. N.-Y., 1991. P. 158.*

рождений фактически проходила под контролем британского адмиралтейства. Особенно возросло его внимание к нефтяным месторождениям Ирана после того, как в 1911 г. адмиралтейство возглавил У. Черчилль. Современный исследователь английской политики в Иране в рассматриваемый период И. Ахмад писал: «С ростом своих нефтяных интересов Англия стала проводить политику, которая была направлена на создание «государства в государстве». А в конечном итоге, вылилась в политический раздел Ирана»¹.

Английские дипломаты и представители АПНК для упрочения своих позиций в нефтеносных районах Ирана традиционно опирались на местных полунезависимые племена, прежде всего бахтиар и арабов. Не скупясь на денежные подачки и снабжая вождей племен оружием, англичане использовали их как для охраны территорий нефтяных месторождений, так и для борьбы с демократическим движением и оказания давления на шахское правительство.

Представители АПНК договорились с вождями бахтаирских и арабских племен об охране нефтепроводов нефтепромыслов, хотя это являлось нарушением статьи 14 соглашения Д'Арси, которая гласила, что правительства Ирана должно было само принимать меры для обеспечения безопасности предприятий компании, а также для защиты представителей слуг и агентов компании².

Плату вождям племен за охрану нефтепроводов и нефтепромыслов АПНК удерживала из доли правительства Ирана. Когда же возникали разногласия между бахтиарскими ханами и компанией, британское правительство вводило войска на территорию Ирана. Такие случаи наблюдались неоднократно и даже до основания АПНК. Так, в 1907 г. британские военные власти, не останавливаясь перед нарушением суверенитета Ирана, привлекли для охраны нефтепромыслов офицеров и солдат англо-индийской армии³.

¹ Ahmad I. *Anglo-Iranian Relations 1905–1919*. 1977. P. 284.

² William Knox D'Arcy *Oil Concession in Persia*, 29 May 1901. *Hurewitz J. Opt cit.* P. 249.

³ Эвелл Саттон Л. *Иранская нефть...* С. 28.

В 1909 г. АПНК получила в аренду у шейха Хазалья, фактического главы арабских племен южных районов Хузестана, о-в Абадан, где намечалось сооружение нефтеперегонного завода. В качестве вознаграждения шейху помимо арендной платы предоставлялся заем в 10 тыс. фунтов стерлингов. Помимо этого, шейх стремился получить от Лондона дополнительные гарантии своего благополучия независимо от развития событий в Иране и новые денежные субсидии.

Вновь обратимся к документам из Катарского архива. Несмотря на то, что во время революционных событий и хаоса в стране шахское правительство не имело возможности вмешиваться в дела Мохаммеры, шейх продолжал жаловаться британским дипломатам на то, что в то время, как персидская пресса и меджлис продолжали нападки на него по любым поводам и вообще без поводов, он в одиночку должен был справляться с организацией движения по Шатт-эль-Арабу, подавлять волнения в племенах и даже защищать границу от Турции, неся серьезные расходы, которые были обязанностью центрального правительства¹.

В январе 1908 г. на встрече с майором, а позднее сэром Перси Коксом шейх вновь поднял вопрос о британских гарантиях ему в преддверии вступления в должность конституционного правительства в Персии. Он заявил, что ему было жизненно необходимо узнать, какова будет позиция Лондона в его отношении при следующих обстоятельствах: а) в случае развала Персии, б) если меджлис полностью лишит его влияния. Он запросил письменные гарантии не только для себя, но и для своих наследников. В ответ на это шейх Хазаль обещал взять любые обязательства перед британским правительством, которые последнее посчитает необходимым².

В докладе политического резидента в Форин офис утверждалось, что шейх был искренен в своих заверениях о том, что его надежды и интересы были сфокусированы на британском правительстве. При этом политический резидент считал, что, если

¹ File29/6 British Relations with Khazal, Sheikh of Khorramshahr' [3r] (5/28) URL: http://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100026187839.0x000005 (дата обращения 10.11.2021).

² Там же.

британское правительство не откликнется на просьбы шейха, он может обратиться за помощью к Германии, что противоречило интересам Лондона. После продолжительных консультаций министерства иностранных дел Великобритании с правительством Индии были выработаны следующие инструкции по этому вопросу. «Принимая во внимание географическое положение шейхства Мохаммера и влияние, которым обладает шейх Хазаль, а также то, что он может воспрепятствовать и даже не допустить появления каких-либо иностранных компаний вблизи реки Карун, желательно сохранить его абсолютную преданность правительству Его величества. Его влияние может быть использовано для противодействия любым планам нежелательным для правительства Его величества»¹. Было решено дать шейху письменные гарантии о поддержке его и его наследников и о сохранении им автономии в рамках персидского государства. Эти письменные обязательства правительства Великобритании были переданы шейху 1 декабря 1908 г.

Но и эти обязательства Лондона не удовлетворили шейха. Он настаивал на том, что все данные ему гарантии действовали только в случае сохранения Персии в качестве суверенного государства. А в случае оккупации страны какой-либо иностранной державой или в случае распада государства из-за царившего в то время хаоса шейх может потерять свою самостоятельность. Поэтому он настаивал на том, чтобы пока он, его наследники и подчиненные ему племена сохраняют преданность Великобритании и прислушиваются к советам британских дипломатов, те должны будут гарантировать сохранения его владений.

С одной стороны, показывая свою лояльность британскому правительству и опасаясь вызвать раздражение британских покровителей неправильным решением, Хазаль спрашивал совета у британского вице-консула, кого ему поддержать в сложившейся внутривнутриполитической ситуации: сторонников шаха или националистов. Представители противоборствующих сторон, по его словам, призывали его присоединиться к ним, настаивая, на необходимости сделать выбор. С другой стороны, он просил предо-

¹ Там же.

ставить ему новый заем, ссылаясь на трудное положение и подчеркивая, что в случае отказа, будет вынужден обратиться за помощью к кому-либо еще, намекая на заинтересованность третьих держав в более тесных контактах с ним. Показывая, что это не просто слова он получил заем в 1 тыс. фунтов стерлингов от немецкой компании *Wonckhause and Company*.

Англичане не советовали ему занимать чью-либо сторону в политической борьбе, развернувшейся в Персии в это время. Учитывая заинтересованность АПНК в свободе действий на территориях, подвластных шейху, 16 мая 1909 г. политический резидент Великобритании в Персидском заливе направил шейху письмо следующего содержания: «Мне было поручено проинформировать Вас о том, что в случае каких-либо изменений в форме правления в Персии, Британское правительство готово оказать Вам поддержку, обещанную в 1902 г. в случае посягательств на Ваши права. Я уполномочен добавить, что британское правительство готово расширить свои гарантии и на Ваших наследников и преемников»¹.

Заинтересованность британцев в стабильных отношениях с Хазалем в этот момент усилилась в связи с подписанием 16 июля 1909 г. Англо-персидской нефтяной компанией соглашения об аренде нефтеносных территорий на острове Абадан и ему были выделены деньги из средств АПНК в сумме 10 000 фунтов стерлингов. В ответ на это шейх подтвердил право англичан на осуществление ирригационных проектов на реке Карун.

Однако Хазаль, помня о том, каким образом он сам стал шейхом Мохаммеры, опасался, что его племянник Ханзаль, сын убитого по его приказу шейха Мизаля, может убить его или его старшего сына Часибя. Он просил англичан продлить гарантии на 100 лет и дать их не «его преемникам», а «его наследникам по мужской линии». Опасения шейха основывались и на том, что в это время в Тегеране усиливалось влияние бахтияр в лице министра внутренних дел Сардар Асада, который не испытывал к шейху дружеских чувств.

¹ File29/6 British Relations with Khazal, Sheikh of Khorramshahr' [3r] (5/28) URL: http://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100026187839.0x000005 (дата обращения 10.09.2022).

В конце 1909 г. в результате конфликта шейха Хазала с турецкими властями в Басре турецкая канонерка обстреляла персидский берег реки Шатт-эль-Араб. Это поставило правительство Великобритании перед сложным выбором. Согласно гарантиям, данным Хазалу, Лондон должен был защищать территорию Мохаммеры в случае конфликта с иностранными государствами. Однако англичане в тот момент не были готовы вступать в серьезное военное противостояние с Турцией и ограничились демонстрацией силы, приведя в боевую готовность одно из военных судов в Персидском заливе. А чтобы успокоить шейха Хазала, политический резидент Великобритании в Персидском заливе проследовал в Мохаммеру на военном корабле и вручил шейху регалии ордена Рыцаря командора Британской империи за его плодотворные усилия по обеспечению порядка на подвластных ему территориях и обеспечении торговых и иных интересов Великобритании. Церемония прошла во дворце Фейлия 15 октября 1910 г. Вместе с орденом шейху было вручено письмо с подтвержденными гарантиями его безопасности, которое он имел право показать своим подданным и уверить их в поддержке Великобритании.

Следует отметить, что в декабре того же года во время разговора министра иностранных дел Персии и посла Великобритании в Тегеране сэр Дж. Барклай подчеркнул, что правительство Великобритании имеет особые отношения с шейхом и в случае посягательств на его права окажет максимальную поддержку.

В 1909 г., в связи с разработкой проекта строительства нефтепровода от нефтепромыслов до нефтеочистительного завода на о-ве Абадан, сэр Перси Кокс, британский резидент в Бушире, от имени Англо-персидской нефтяной компании начал переговоры с шейхом Хазалем, чтобы выяснить возможности строительства нефтепровода, который должен был проходить через подвластную шейху территорию. Вступление шейха в переговоры, минуя центральное правительство Ирана, естественно, грозило Хазалу серьезными осложнениями в отношениях с центральным правительством. Имея это в виду, британское правительство уполномочило П. Кокса дать шейху гарантию в том, что Англия окажет ему поддержку в сохранении его традиционных привилегий

и его собственности в Иране. Эти гарантии распространялись на наследников и преемников шейха. А после получения от П. Кокса 6 мая 1909 г. таких гарантий¹, Хазаль 16 июля заключил соглашение с компанией и предоставил ей право на сооружение нефтепровода и нефтеочистительного завода на острове Абадан². Он также продал компании земли, необходимые для этой цели, с условием их возвращения после окончания срока действия соглашения о концессии. Он также обязался обеспечить компании охрану нефтепроводов и других сооружений³.

В октябре 1910 г. шейх Хазаль получил от британского правительства дополнительные заверения, что Англия окажет ему необходимую поддержку в случае возникновения конфликта с иранским правительством⁴. Необходимо отметить, что эта договорённость была возобновлена в ноябре 1914 г. после того, как шейх Хазаль выступил на стороне Великобритании во время интервенции Турции в период Первой мировой войны и оказал помощь британским войскам в захвате Басры⁵.

И. Ахмад оценивал эти соглашения АПНК с шейхом Хазалем следующим образом: «Эти соглашения создавали «государство в государстве» и подготавливали почву для английского господства в Хузестане»⁶.

Британское правительство, проводя в Иране политику создания «государства в государстве», зашло настолько далеко, что поручило шейху Хазалю участие во внешнеполитических акциях, фактически осуществлявшихся им от имени центрального правительства. Это, например, проявилось в том, что шейх Хазаль, по рекомендации Англии и с одобрения Турции, стал членом трехсторонней комиссии, созданной с целью определения правил прохождения судов по Шатт-эль-Арабу. Это было равнозначно признанию статуса шейха как независимого правителя. В данной связи правительство России обратило внимание Великобритании

¹ *Wilson Sir Arnold. S.-W. Persia. L. 1942. P. 92–93.*

² *Элвел Саммон Л. Иранская нефть... С. 31.*

³ *Ahmad I. Anglo-Iranian Relations... P. 284.*

⁴ *Wilson Sir Arnold. S.-W. Persia. L. 1942. P. 127.*

⁵ *Ahmad I. Anglo-Iranian Relations... P. 284.*

⁶ *Ibid.*

на тот факт, что шейх Мохаммеры, будучи подданным Ирана и не обладая привилегиями автономности не имеет права защищать торговые и морские интересы Ирана, «То самостоятельное положение, которое шейх занимает благодаря поддержке британского правительства, едва ли совместимо с принципом независимости Персии», — говорилось в ноте русского министерства иностранных дел¹.

В заключении представляется возможным сказать следующее. Под влиянием развития международных событий, которые привели к образованию двух коалиций Антанты и Тройственного Союза, в рассматриваемый период наметилось сближение между Англией и Россией. В отношении Ирана это нашло наиболее яркое отражение в заключении Конвенции от 31 августа 1907 г. между Англией и Россией по делам Персии, Афганистана и Тибета. Подписание этой конвенции стало важнейшим шагом на пути усиления политической и экономической зависимости Ирана, а также на пути подавления демократического конституционного движения в стране.

Сближение между Лондоном и Санкт-Петербургом ни в какой мере не исключало того, что в ряде районов мира, особенно в приграничных с Россией районах, между партнерами по Антанте сохранились серьёзные противоречия, хотя зачастую они в условиях расширения сотрудничества между Англией и Россией приобретали скрытый характер.

В целом в этот период политические позиции Англии намного усилились и послужили в дальнейшем базой для расширения ее экономической и политической экспансии в Иране.

Британская политика после заключения конвенции особенно наглядно разоблачала до сих пор бытующие в английской исторической науке мифы, изображающие Англию как сторонницу демократического и независимого развития Ирана. Великобритания поддерживала Конституционное движение в Иране в той степени, в которой это позволяло ей усиливать свое влияние на иранскую элиту и сокращать влияние России. Методы распространения британского влияния в Иране были самыми разнообраз-

¹ British Documents... Vol. X. Part II. № 241.

Эволюция английской политики в Иране в начале XX в.

ными. Среди них можно назвать и прямую военную оккупацию отдельных районов Ирана, и фактическое превращение территории АПНК в Хузестане «государством в государстве» и использование племен в борьбе с демократическими движениями и военные демонстрации силы.

Глава 3. Политика Англии в 1912–1914 гг. в Иране накануне Первой мировой войны

ОБОСТРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ в 1912–1914 гг.

Период накануне Первой мировой войны на международной арене ознаменовался резким обострением противоречий между ведущими мировыми державами, что проявилось прежде всего в усилении борьбы между главными группировками за раздел и передел мира. Это время было богато событиями, приведшими к прямому столкновению между членами Антанты и Тройственного союза. Еще весной 1911 г. разразился Агадирский кризис, вспыхнувший в связи с усилением борьбы между Францией и Германией за источники сырья и сферы влияния в северо-западной Африке и, особенно за Марокко. Рост экспансии Франции в эту страну, в частности оккупация ее войсками части территории Марокко, вызвали настолько мощное противодействие Германии, что оба государства оказались на грани войны друг с другом. Англия в этом конфликте, естественно, поддерживала Францию. 21 июля 1911 г. канцлер казначейства Л. Джордж от имени правительства недвусмысленно заявил, что при возникновении открытого столкновения между Францией и Германией, Англия не остановится перед войной.¹ И, хотя Россия и Австро-Венгрия сохраняли известный нейтралитет, резкое ухудшение отношений Германии с Англией, и Францией свидетельствовало о приближении мировой войны.

Вместе с тем в 1912–1914 гг. в связи с балканскими войнами наблюдался рост напряженности в отношениях между Россией, поддерживающей балканские народы, и Германией, поддерживавшей Турцию.

¹ British Documents... Vol. VII. № . 412.

Названные и другие конфликты способствовали сближению между державами Антанты. В июле 1912 г. была заключена военно-морская конвенция между Россией и Францией и установлен непосредственный контакт между начальниками морских генеральных штабов обеих держав. В ноябре 1912 г. состоялось подписание англо-французской военно-морской конвенции, предусматривавшей совместные действия флотов во время войны.

В сентябре 1912 г. министр иностранных дел России С. Д. Сазонов нанес визит в Англию, где в беседах с Георгом V, министром иностранных дел Э. Греем, государственным секретарем по делам Индии лордом Кру и другими руководителями британской внешней политики, обменялся мнениями о возможностях урегулирования наиболее спорных вопросов и перспективах дальнейшего сотрудничества между Россией и Англией. В центре внимания было положение на Балканах, в Иране и перспективы войны с Германией. В ходе переговоров сторонам удалось добиться договоренности по ряду «принципиальных вопросов», в результате которых отношения между Санкт-Петербургом и Лондоном упрочились¹.

Тем не менее британское правительство, хотя неизбежность войны с Германией и ее союзниками для стран Антанты стала очевидной, под разными предлогами оттягивало заключение военно-политического договора с правительством России. После длительных проволочек уже в начале Первой мировой войны, Сент-Джеймский кабинет пошел лишь на переговоры о заключении с правительством России военно-морской конвенции по образцу англо-французской.

Открытая заинтересованность Санкт-Петербурга в военно-политическом союзе с Англией обуславливалась в значительной степени тем, что Россия, не оправившаяся еще во многом от последствий войны с Японией и внутренних потрясений, ни в экономическом, ни в военном отношении, не была готова к войне с таким грозным противником как Германия. В 1913 г. военное ведомство только приступило к осуществлению обширной программы военных реформ, которую намечалось завершить к 1917 году. Естественно, что министерство иностранных дел всячески ста-

¹ *Nazem H. Russia and Great Britain...* P. 88.

рался не допустить развязывания войны до окончания этой программы.

В качестве наиболее эффективного средства, которое позволило бы добиться этой цели, российская дипломатия видела в военно-политическом союзе с Англией. По словам С. Д. Сазонова, «всеобщий мир будет обеспечен только тогда, когда Тройственное согласие, реальность которого столь же мало доказана, как существование морского змия, превратится в оборонительный союз без всяких секретных пунктов, обнародованный во всех газетах мира»¹. На наш взгляд, такое заявление С. Д. Сазонова, подвергшее сомнению прочность устоев, на которых покоилось существование Антанты, в немалой степени, было навеяно маневрами британской дипломатии.

В феврале 1912 г. британский государственный секретарь по делам войны Р. Холдейн посетил Берлин «для искреннего обмена взглядами с правительством Германии» о возможности заключения соглашения о нейтралитете между Англией и Германией в случае европейской войны и существенным проблемам, касавшимся колониальной политики Англии и Германии². В мае 1913 г. состоялся визит короля Георга V в Берлин. Эти события производили на партнёров Англии по Антанте впечатление англо-германского сближения и вызывали сильное беспокойство в Париже и Санкт-Петербурге. Оценивая, однако, визиты британских политических деятелей в Берлин в исторической перспективе и не забывая о том, что англо-германские противоречия во многом определили причины Первой мировой войны, следует еще раз сказать, что эти визиты не выходили за рамки маневров британской дипломатии и служили для Англии средством получения уступок со стороны партнеров по Антанте и, прежде всего, России.

Играя на заинтересованности России в заключении военно-политического союза, Англия использовала сложившуюся ситуацию для расширения своего влияния на Востоке. В этой связи она наметила пересмотреть условия конвенции 1907 г. в свою пользу. В марте 1914 г. С. Д. Сазонов докладывал Николаю II, что британ-

¹ Международные отношения в эпоху империализма... Серия 3. Т. 1. № 289.

² Kazemzadeh F. Russia and Great Britain... P. 657.

ский посол в Петербурге А. Никольсон сообщил ему, о намерении правительства Его Величества «предложить нам пересмотреть соглашение 1907 г. касательно Тибета в смысле отмены ограничительных для Англии его постановлений и предоставления ей свободы действий в этой стране»¹. А в мае 1914 г. была подписана англо-китайско-тибетская конвенция, фактически закреплявшая британский протекторат над Тибетом. Положения этой конвенции в значительной мере сводили на нет договорённости, достигнутые по вопросу о Тибете в 1907 г. В тексте конвенции 1907 г. говорилось, что Англия и Россия признавали сюзеренитет Китая над Тибетом и давали обязательства уважать территориальную целостность Тибета, не допуская никакого вмешательства в его внутренние дела². Согласно же конвенции 1914 г. Англия фактически добилась от Китая отказа от сюзеренитета над Тибетом, полностью поставив под свой контроль его внешние сношения³.

Также, используя заинтересованность правительства России в сотрудничестве с Англией, Лондон предпринял шаги по расширению своего влияния в Иране. Этому в немалой степени способствовала внутривосточная обстановка.

Подавление русскими и британскими войсками основных очагов демократического и освободительного движения позволил промонархическим силам в Тегеране с помощью отрядов дашнака Ефрема (Ефрем Давидянц) и отрядов бахтиарских ханов совершить в декабре 1911 г. государственный переворот, распустить меджлис и восстановить власть династии Каджаров. Были разоружены отряды федаев — основной опоры демократического движения — и на протяжении 1912–1914 гг. их заменяли отрядами жандармерии под командованием шведских офицеров.

В подавлении революционного движения важную роль сыграли и то, что в основных пунктах южного и северного Ирана были размещены русские и британские войска, которые фактически оккупировали значительную часть территории Ирана. К началу 1912 г. русские войска находились в ряде районов северного Ирана и в том числе в Табризе, Реште, Казвине, Мешхеде, Арде-

¹ Международные отношения... Серия 3. Т. 2. № 125.

² Конвенция 18/31 августа 1907 г...

³ Международные отношения... Серия 3. Т. 3. № 123. С. 48, 67.

биле и других городах. В свою очередь, в южных районах Ирана, включая Шираз, Исфахан, Бушир были расположены британские войска. Они прибыли туда под предлогом необходимости усиления консульских конвоев «для защиты жизни и имущества британских подданных», как информировал 10 октября 1911 г. сэр Дж. Барклай, английский посланник в Тегеране Восуга од-Доуле, иранского министра иностранных дел¹. Несмотря на то, что 13 октября 1911 г. иранский посланник в Лондоне Мирза Мехди-хан заявил протест против этого и объявил, что иранское правительство само может справиться с трудностями и ликвидировать беспорядки на юге страны, а 18 октября 1911 г. Восуг од-Доуле обратился к сэру Дж. Барклаю с просьбой отложить увеличение конвоев, Лондон не изменил свое решение. Правительство Ирана расценило это как величайшее препятствие к установлению порядка на юге страны.²

Представляется, что пребывание русских и английских войск на территории Ирана создавало преграды для развития демократического движения, а подавление революции в Иране стало одним из следствий сотрудничества Англии и России после заключения соглашения 1907 г. По словам И. Ахмада, в 1912–1914 гг. в Иране был установлен тип своеобразного русско-английского кондоминимума, в период которого внутривластные и внешнеполитические моменты в жизни страны сплелись наиболее тесным образом, а слова «целостность и независимость Ирана потеряли какой-либо смысл»³. Мы можем согласиться с ним в том, что в эти годы в области внешней политики Иран был фактически лишен самостоятельности и ни одной серьезной акции не проводил без согласия Англии и России. При этом следует отметить, что в правительстве Ирана после государственного переворота намного возросло британское влияние. Значительную роль стали играть ханы бахтияр, еще во время революции вынашивавшие замыслы заменить династию Каджар на «бахтиярскую династию», используя поддержку Англии.⁴ Британское прави-

¹ ЦГИА. СПб. Ф. 600. О. 10. Д. 621. Л. 13.

² Ahmad I. Anglo-Iranian Relations... P. 252.

³ Ibid. P. 253.

⁴ Nazem H. Russia and Great Britain... P. 85.

тельство высказывало, естественного, благосклонное отношение к этим замыслам, рассчитывая, что бахтиары не останутся в долгу. И оно не ошиблось, ибо политика иранского правительства приобрела явную проанглийскую ориентацию. Это особенно ярко проявилось после января 1913 г., когда к власти пришёл кабинет с Ола ос-Салтане, долгое время служившего посланником при Сент-Джеймском дворе. Регентом при Ахмад шахе стал Насер оль-Мольк, которого Ф. Каземзаде характеризовал следующим образом; «...робкий, слабовольный, он был поставлен своими английскими друзьями на пост, для которого у него не было способностей»¹. В свою очередь Сепехр отмечал, что весь иранский кабинет был детищем сэра Грея². При этом, по словам русского посланника в Тегеране И. Я. Коростовца, русофобия тогдашнего кабинета министров Ирана приняла настолько открытый характер, что это вызывало негодование среди сторонников России в Иране³.

Тем не менее Россия по-прежнему пользовалась широким влиянием, в первую очередь, в северных и центральных областях Ирана. При этом в стране возрастало и влияние Германии, что было следствием усиления ее экономической, политической и культурной экспансии. В документах дипломатической миссии России в Иране и органов министерства торговли и промышленности отмечалось быстрое распространение деятельности немецких компаний, которые пользовались «со стороны своего правительства самой широкой поддержкой»⁴. Вместе с тем указывалось, что «серьезным проводником германского влияния в Тегеране является их деятельность в области медицины и народного образования, которую они порою весьма удачно комбинируют с более практичными целями... Несколько лет тому назад немцам удалось взять в свое заведование и распоряжение городскую больницу, и они сумели выдвинуть названную больницу под названием «Германия» на первое место в Тегеране. При больнице существуют практические курсы по подготовке лекар-

¹ Kazemzadeh F. Russia and Great Britain... P. 657.

² Sepahr, Iran dar jang-e bozorg. Tehran, 1957. S. 280.

³ Международные отношения... Серия 3. Т. 7. № 60.

⁴ Подробнее см. ЦГИА СПб. Ф. 23. О. 11 или 2. Д. 448. Л. 448.

ских помощников, а попутно ведётся преподавание немецкого языка и популяризация полезных сведений... Немецкая школа тоже является уже первым образовательным учреждением Тегерана, как по общему образованию, так и по серьезности подготовке молодых персов»¹. Активизировалась и политическая деятельность Германии в Иране, чему способствовал рост в стране антирусских и антианглийских настроений и усилением поисков опоры на «третью силу».

Оценивая политическую ситуацию, сложившуюся в Иране накануне Первой мировой войны, следует подчеркнуть, что Иран в 1912–1914 гг. представлял собой, по сути дела, раздробленное в политическом отношении государство, практически уже ставшее колонией, где все поступало под русское, английское или немецкое покровительство.

Рост политического закабаления Ирана в заметной мере предопределил ухудшение экономического положения страны, что сопровождалось ростом ее финансовой зависимости от ведущих мировых держав. Русский посланник в Тегеране писал в этой связи: «Через всю историю Персии за последние годы проходит яркой нитью одно постоянное явление: отсутствие денег и невозможность свести бюджет без дефицита»². А иранский историк Сепехр так описывал ситуацию в Иране в эти годы: «Обстановка в стране с каждым днем становится все хуже, казна пустеет из-за непоступления малиата и это увеличивает слабость государственной власти, которая лишена военной силы»³.

АНГЛО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ И РОСТ БРИТАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ИРАНЕ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Используя сложившуюся в преддверии войны обстановку, Великобритания активно укрепляла свои позиции в Иране во многом за счет сокращения влияния Российской империи. При этом развитие отношений между Лондоном и Санкт-Петербургом в 1912–1914 гг. проходило по-прежнему под флагом проведения

¹ ЦГИА. СПб. Ф. 23. О. 11 или 2. Д. 109. Л. 21–21 об.

² ЦГИА СПб. Ф. 1276. О. 3. Д. 697. Л. 29.

³ *Sepahr, Iran dar jang-e bozorg, Tehran, 1957. S. 14.*

согласованной политики, базировавшейся на укреплении «дружеских» отношений между этими странами. Официальные представители Британии писали, что в основе политики сэра Грея, министра иностранных дел Англии, лежало стремление к развитию дружеских отношений с Россией. Сам Э. Грей неоднократно заверял в этом представителей российского правительства. В свою очередь С. Д. Сазонов, министр иностранных дел России, в письме к послу России в Лондоне, А. К. Бенкендорфу от 15 апреля 1912 г. подчеркивал, что «Грей может быть уверен, что мы искренне стремимся к полному взаимодействию с Англией в персидских делах и поддержанию во всех отношениях с ней согласия, столь важного для обеих стран с точки зрения равновесия сил в мировой политике. Доказательства этого уже даны были лондонскому кабинету неоднократно, в особенности на почве персидских дел, где мы еще недавно, в согласии с ним, способствовали разрешению вопроса о Мохаммед Али шахе»¹. С. Д. Сазонов настоятельно просил довести это до сведения британского правительства.

Однако, проведение согласованной политики, несмотря на широковещательные заявления официальных представителей Англии и России об укреплении «дружественных отношений» между обеими странами в 1912–1914 гг., сопровождалось весьма частыми и серьезными обострениями отношений, перераставшими порой в открытые конфликты. Одна из основных причин этого заключалась в попытках Англии добиться уступок от России, используя ее заинтересованность в получении экономической помощи и заключения военно-политического союза для отсрочки войны с Германией.

В данной связи следует остановиться на сотрудничестве Англии и России по вопросу о восстановлении на престоле шаха Мохаммеда Али, всецело находившимся под влиянием России, о котором упоминал российский министр иностранных дел. За помощь в восстановлении на престоле, как говорилось в телеграмме русского консула в Астрабаде С. Д. Сазонову от 13 февраля 1912 г., Мохаммед Али был готов дать российскому прави-

¹ Международные отношения... Серия 2. Т. 19. Ч. 2. № 763.

тельству письменные обязательства об установлении русского протектората в Иране¹.

В начале 1912 г. после того, как войска Мохаммед Али осенью были разгромлены соединенными силами иранского правительства и отрядами федаев, правительство России, учитывая резкое уменьшение шансов Мохаммеда Али на успех, вступило в переговоры по вопросу о его судьбе с правительством Англии, которое неоднократно делало ей предложения по этому вопросу. В основе британских предложений лежало требование удаления Мохаммеда Али из Ирана, поскольку, как утверждали британские дипломаты, его присутствие являлось одним из главных источников внутриаполитической напряженности. 20 января 1912 г. Дж. Бьюкенен сделал предложение С. Д. Сазонову о том, что Россия и Великобритания совместно порекомендовали иранскому правительству выплачивать пенсию бывшему шаху с тем условием, что он покинет Иран и не будет вмешиваться в дела страны без согласия Англии и России². С. Д. Сазонов согласился с этим предложением, после чего дипломатические представители России в Иране поставили в известность Мохаммеда Али о том, что его попытки возвращения на трон не имеют оснований на успех, поскольку Англия не окажет ему никакой поддержки, а ни на денежную, ни на какую другую поддержку России он рассчитывать не может³.

Уступчивость российского правительства по вопросу о восстановлении на престоле Мохаммеда Али в заметной степени обуславливалась давлением британской дипломатии. Как раз во время англо-русских переговоров проходил визит британского военного министра Р. Холдейна в Берлин. На взаимосвязь между этими переговорами и решением судьбы Мохаммеда Али указывал Ф. Каземзаде. Он отмечал, что позиция России находилась во многом в зависимости от общего направления политики Великобритании, и сообщал что Э. Грей предупредил С. Д. Сазонова о наличии в Англии значительной группировки, намеревавшейся добиться смягчения отношений с Германией. Этой цели и должен

¹ Там же. № 465.

² *Nazem H. Russia and Great Britain...* P. 103.

³ *Международные отношения...* Серия 2. Т. 19. Ч. 2. № 392, 430.

был достигнуть Холдейн, который прибыл в Берлин для «искреннего обмена взглядами с правительством Германии»¹.

Наряду с давлением британской дипломатии на позицию российского правительства по вопросу о восстановлении на престоле Мохаммеда Али, серьезное воздействие, несомненно, оказывало и то обстоятельство, что шансы Мохаммеда Али на возвращение трона, а тем более на то, чтобы удержаться на нем, были невелики. Между тем, поддержка такой непопулярной фигуры, как Мохаммед Али, нанесла бы немалый ущерб России в Иране.

В результате давления и Англии, и России Мохаммед Али согласился покинуть Иран при условии выплаты ему пенсии в 100 тыс. туманов ежегодно². Правительство, которое испытывало хроническую нехватку в средствах, отказалось ему выплачивать пенсию в этом размере. В результате разгорелись бурные споры между экс-шахом и правительством Ирана, что послужило поводом для вмешательства Англии и России в переговоры.

Вмешательство Англии и России в спор между иранским правительством и Мохаммедом Али обуславливалось не столько желанием урегулировать конфликт, сколько, очевидно, стремлением, используя финансовые затруднения Ирана и удачное стечение обстоятельств, добиться от него новых политических уступок. 18 февраля 1912 г. британский посланник в Тегеране Дж. Барклай и русский посланник в Тегеране С. А. Поклевский-Козелл вручили совместную ноту министру иностранных дел Восугу од-Доуле. В ноте от имени Лондона и Санкт-Петербурга выражалось намерение всячески содействовать иранскому правительству в «восстановлении и поддержании порядка и спокойствия в стране»³. Во исполнение этой задачи иранскому правительству была обещана финансовая помощь. Однако ее предоставление предвлялось выполнением следующих условий. Во-первых, предъявлялось требование о проведении своей политики в соответствии с принципами англо-русской конвенции 1907 г., что означало фактическое признание раздела Ирана на сферы влияния. Во-вторых, предлагалось распустить отряды федаев и другие иррегулярные фор-

¹ Razemzadeh F. Russia and Great Britain... P. 657.

² Международные отношения... Серия 2. Т. 19, Ч. 2. № 522.

³ Там же. № 494.

мирования, которые состояли у него на службе. В-третьих, предлагалось обсудить с английскими и русскими представителями в Иране проект небольшой регулярной армии. В-четвертых, иранское правительство должно было прийти к соглашению с Мохаммедом Али по вопросам о его отъезде из Ирана, назначения ему пенсии и объявления амнистии его приверженцам¹.

В случае принятия этих требований, Иран мог рассчитывать на получение от Англии и России аванса в размере 100 тыс. фунтов стерлингов от каждой страны. Они должны были быть выделены из расчета выплаты 7% годовых. Полное погашение авансов намечалось за счёт поступлений по будущим займам Ирану, которые были обещаны Англией и Россией, а до того времени «остатки от поступлений северных и южных таможен, которые доньше предоставлялись обоими банками (Шахиншахским банком и Учетно-Ссудным банком — *И. Ф.*) в распоряжение персидского правительства, будут полностью и существующим образом обращены на погашение русской и английской доли в авансе². Авансы должны были расходоваться в соответствии с программой, утверждённой английской и русской миссиями. Предполагалось, что значительная их часть будет направлена на организацию жандармерии под руководством шведских офицеров.

Большинство названных выше требований Англии и России, включенных в меморандум, встретило серьезное возражение иранского правительства. Это касалось как требований о проведении политики в соответствии с принципами конвенции 1907 г., так и требований об использовании аванса под контролем Англии и России и о введении ограничений на свободу действий иранского правительства в деле организации армии. Однако английское и русское правительства настаивали на принятии всех пунктов меморандума. После неоднократных переговоров Восуга од-Доуле с русским и британским посланниками, иранское правительство было вынуждено пойти на все выдвинутые условия, что получило отражение в ноте правительствам Англии и России от 20 марта 1912 г.³ Особенно следует отметить признание англо-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. № 601, 665.

русской конвенции о разделе Ирана на сферы влияния. Это произошло через пять лет после ее подписания и стало возможным только после подавления революции.

На наш взгляд, предъявление иранскому правительству требования одобрить конвенцию 1907 г. было грубым нарушением его суверенитета. Такие взгляды высказывали даже отдельные члены британского парламента. Например, когда через три дня после вручения меморандума иранскому правительству вопрос о британской политике в Иране был поднят в палате общин, депутат парламента от Ист Майо м-р Диллон заявил, что предъявление подобного требований является нарушением суверенитета Ирана, его целостности и независимости¹. Правда, это понималось им весьма своеобразно. Осуждая сам факт, он порицал его лишь с той точки зрения, что принятие Ираном меморандума означало с ростом влияния Англии и рост влияния России². Э. Грей, выступая в защиту политики Англии, сказал в ответ, что тесное сотрудничество с Россией является важным направлением британской внешней политики, которое может быть обеспечено только после одобрения Тегераном правительством указанной конвенции. Совершенно игнорируя мнение формально независимого иранского правительства, Э. Грей отметил, что «если мы с руководителями русской внешней политики достигли договорённости о том, как нам действовать в Иране, необходимо, чтобы иранское правительство не вмешивалось в наши решения»³.

В Тегеране правительство также безоговорочно согласилось на то, чтобы все доходы от таможен как северных, так и южных поступали бы соответственно в Учетно-ссудный банк или Шахиншахский банк. Таким образом, оно фактически теряло контроль над таким важным источником дохода, как поступления от таможенного обложения.⁴

22 марта 1912 г. иранский кабинет министров утвердил программу расходования авансов, предоставленных Англией и Россией. Наиболее значительная их часть (приблизительно 40%) на-

¹ Nazem H. Russia and Great Britain... P. 117.

² Ibid. P. 117.

³ Ibid. P. 118.

⁴ Международные отношения... Серия 2. Ч. 19. Т. 2. З 665.

правлялась на покупку оружия и выплату зарплаты жандармерии под руководством шведских офицеров¹. Такое использование полученных денег означало явный выигрыш Англии, которая намеревалась использовать жандармерию в противовес русской казачьей бригаде. Иранский историк Сепехр отмечал в этой связи, что «если проводником политики имперской России служила казачья бригада, то проводником политики Англии — жандармерия под руководством шведских офицеров»². В июле 1914 г. британское правительство с одобрения России предоставило заем правительству Ирана в 50 тыс. фунтов стерлингов на укрепление жандармерии в Фарсе и Кермане. Прослеживалось распространение жандармерии в нейтральной зоне и зоне влияния России. Причем, как отмечали дипломатические представители России, «являясь крайними германофилами, шведские офицеры занимаются распространением заведомо ложных и невыгодных для нас сведений»³. Правильность оценок русских дипломатов показала Первая мировая война, во время которой практически вся шведская жандармерия отстаивала интересы Германии.

В сентябре 1912 г. во время визита С. Д. Сазонова в Англию была предпринята новая попытка выработки совместной программы действий Англии и России. А в отчетах британского и русского министерств иностранных дел об итогах переговоров С. Д. Сазонова с руководителями британской внешней политики отмечалось, что они проходили под флагом сохранения «независимости и целостности Ирана». Была достигнута договорённость по следующим основным вопросам. Во-первых, Англия и Россия одобрили назначения регентом при Ахмад Шахе Саад од-Доуле, министра иностранных дел правительства Ирана. Во-вторых, Россия обязывалась не вмешиваться в назначение губернаторов в британской сфере влияния, а Англия соответственно в русской. Однако назначение губернаторов в нейтральной зоне могло происходить только под британским контролем. В-третьих, была достигнута договоренность о предоставлении нового займа Ира-

¹ Great Britain. Further Correspondence Respecting the Affairs of Persia, Cd. 6807, enclosure 1 in № 83. P. 35.

² *Sepahr*, Iran dar jang- bozorg. Tehran, 1957. S. 292.

³ Международные отношения... Серия 3. Т. 5. № 589. Серия 3. Т. 4. № 40.

ну. В-четвертых, Англия получала право создания в нейтральной зоне военных формирований под командованием британских офицеров для охраны торговых путей. Необходимо отметить, что С. Д. Сазонов поднял вопрос об отмене нейтральной зоны и разделе ее между Россией и Англией. Однако Э. Грей ответил отказом, заявив, что русская зона и так слишком велика и дальше расширять ее невозможно¹.

Исходя из общего итога переговоров, можно сделать вывод о том, что С. Д. Сазонов пошел на значительные уступки Англии, что нашло выражение в предоставлении ей возможности укрепить свои позиции в нейтральной зоне путем создания там военных формирований под командованием британских офицеров и взятия под контроль назначение губернаторов в этой зоне. В значительной степени эти уступки России обуславливались заинтересованностью России в поддержке ее политики Великобританией в связи с кризисом на Балканах.

Разработка британскими и русскими представителями совместных программ действий в Иране во многом создавала видимость тесного взаимодействия между Англией и Россией. Такое впечатление, как и ранее, подкреплялось неоднократно повторявшимися заявлениями официальных представителей обеих стран и, особенно Англии, об укреплении между ними после заключения конвенции 1907 г. «дружеского и искреннего сотрудничества». Так, в речи Э. Грея министра иностранных дел Англии в парламенте страны от 10 июня 1912 г. говорилось: «К заслугам соглашения мы можем отнести то, что никогда, ни на один момент между Великобританией и Россией не возникало подозрений, что кто-либо из них воспользуется ситуацией в Иране к невыгоде своего партнера по Антанте»². Несмотря на эти слова Э. Грея и подобные заявления других официальных лиц, а также на усиление тенденций в британских и русских правящих кругах к расширению сотрудничества в Иране, глубокие противоречия между партнерами по коалиции, а позже и союзниками в мировой войне, сохранялись. Порой эти противоречия настолько

¹ British Documents on the origins of War... Vol. 9. Part 1. P. 750–756.

² Grey E. Selected Speeches... P. 193.

обострялись, что ставили само существование Антанты под вопрос., Характеризуя место Ирана в системе англо-русских отношений в 1912–1914 гг., К. Лоу подчёркивал, что Персия была «самым серьезным препятствием, мешавшим установить действительно хорошие отношения между Англией и Россией»¹. Это подтверждается и отдельными заявлениями британских политиков. Э. Грей, который с трибуны Палаты общин постоянно вещал о бесконфликтном и взаимовыгодном развитии англо-русского сотрудничества в Иране, после визита в Лондоне сентябре 1912 г. С. Д. Сазонова в своем письме к британскому послу в Петербурге указывал, что он не испытывал каких-либо иллюзий по поводу того, что этот визит обеспечивал возможности для конструктивного решения затруднений Англии в Иране². В свою очередь Георг V в письме Николаю II от 16 июня 1914 г. выражал озабоченность «неудовлетворительным состоянием дел» в Иране, имея, на наш взгляд, в виду развитие отношений между Англией и Россией³.

Одним из основных объектов противоречий между Англией и Россией в Иране была нейтральная зона. По словам С. Д. Сазонова, Англия в целях восстановления экономических позиций в Иране, а также для расширения своего политического влияния, предпринимала шаги для получения концессий на железнодорожное строительство и «эксплуатацию горных богатств» в нейтральной зоне. Однако, он указывал, что, если русское правительство могло пойти на ряд уступок Англии на севере Ирана, «совместных с нашими интересами пограничной державы, оно отнюдь не собиралось отказываться от нейтральной зоны, где наши торговые интересы с каждым днём все больше расширяются»⁴.

В 1912–1914 гг. усилилась борьба между Англией и Россией за влияние в районе Исфагана. Правительство в Санкт-Петербурге настояло на включение Исфагана в русскую сферу влияния в 1907 г. Россия (как, впрочем, и Англия) придавала этому райо-

¹ Lowe C. The Mirage of Power... P. 133.

² Ibid. P. 68.

³ Международные отношения... Серия 3. Т. 3. № 272.

⁴ Там же. № 343.

ну очень важное политическое и экономическое значение. В докладной записке первого секретаря миссии в Тегеране фон Баха от 23 июля 1914 г. говорилось: «Я пришел к выводу, что с точки зрения наших интересов, одним из самых важных округов в настоящее время является Исфаханский. Географическое положение и экономическое значение его, а также события последних годов, с несомненностью указывают на то, что ему предстоит быть предметом соревнования нашего с англичанами, и вопрос об обладании им... будет поставлен на очередь не в столь отдалённом будущем»¹. Однако до 1911 г. Россия не занимала там сколько-нибудь значительных позиций. Население района, как отмечалось в названном донесении фон Баха, находилось под гнетом бахтиарских губернаторов, которые в округе являлись прямыми притеснителями, «в культурных начинаниях в Исфаханском округе, совершенно не заинтересованными. Земли их в Бахтиарии расположены значительно далее к югу, и их причастность к делам англо-персидской компании и другим английским предприятиям, связывает их интересы и все их симпатии еще более с англичанами, которые в свою очередь весьма широко ими пользуются во всей Персии»².

После 1911 г. влияние России в Исфагане возросло и к 1914 г. стало доминирующим. Британское правительство в меморандуме от 10 июня 1914 г. российскому правительству указывало, что иранские губернаторы в Реште и Исфагане фактически назначаются или во многом «сохраняют свои должности благодаря русским консулам, причём условия сохранения или должности сводится к тому, что они должны поступать так, как желают представители России».³ Естественно, что укрепление позиций России в этом важном районе вызывало активное противодействие Англии. Корреспондент Петербургского телеграфного агентства Л. Богданов сообщал: «В Исфагане недавно утвердилось русское влияние, и ныне происходит глухая борьба за преобладание между нами и англичанами»⁴.

¹ АВПРИ, Ф. Персидский стол. Б. О. 489. Д. 10. Л. 344.

² Там же.

³ Международные отношения... Серия 3. Т. 3. № 197.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1358. О. 1. Д. 698. С. 34.

Британское наступление на позиции России в Исфагане происходило на довольно широком фронте. Во главе угла этого наступления лежало стремление добиться замены сторонников России на постах высшей администрации Исфагана британскими ставленниками, что должно было, очевидно, обеспечить предпосылки для политического преобладания Англии в этой провинции, а в дальнейшем и ее экономического преобладания. Используя поддержку бахтиарского кабинета, находившегося под влиянием Англии, британский миссии удалось добиться смены на пост губернатора провинции Исфаган Сардара Зафара — сторонника России, Самсамом ос-Салтане, не скрывавшим проанглийские взгляды и открыто заявившим сотрудникам русского консульства, что он будет действовать против России в силу принятых им обязательств перед британской миссией в Тегеране¹. Русский посланник в Тегеране И. Я. Коростовец сообщал в Петербург, что неоднократно обращался с протестами к иранскому правительству против деятельности Самсама ос-Салтане, но эти протесты не принесли результатов, ибо шахское правительство опиралось на поддержку британской миссии. По словам И. Я. Коростовца, британская миссия, выражая недовольство деятельностью русских представителей в Исфагане, указывала на неуместность вмешательства России в действия Самсама ос-Салтане и иранской администрации вообще.² А М. С. Морель, корреспондент петербургского телеграфного агентства, останавливаясь на вопросе о сотрудничестве между Англией и Россией в Иране, отмечал, что это «сотрудничество в применении к Исфахану никакого практического смысла не имеет»³.

Стоит отметить, что после длительного и упорного соперничества Англии и России в борьбе за Исфаган победила Россия. Это было фактически закреплено в соглашении от 15 марта 1915 г. относительно раздела нейтральной зоны Ирана и присоединения к русской сфере влияния Исфаганского округа⁴. Но об этом речь пойдет в следующей главе.

¹ Там же. Л. 346.

² Международные отношения... Серия 3. Т. 3. № 375.

³ ЦГИА. СПб. Ф. 1358. О. 1. Д. 968. Л. 42.

⁴ Международные отношения... Серия 3. Т. 3. № 107.

Противоречия между Англией Россией в нейтральной зоне проявились и во взаимном противодействии приобретению концессий в Исфаганской провинции. Русский посланник И. Я. Коростовец указывал на «ревнивое отношение Великобританской миссии в Тегеране к распространению нашего влияния в Исфаханской провинции и стремление противодействовать нашим начинаниям в этой области»¹.

Например, в 1914 г. Англия воспрепятствовала России в получении концессии на строительство канала, призванного соединить реки Карун и Зайенде Руд, что позволило бы обеспечить водой для орошения довольно обширные участки земель. И. Я. Коростовец сообщал, что британская миссия в Тегеране активно противодействовала получению этой концессии, «убеждая персов, конечно, негласно не входить с нами в соглашение и предупреждая, что выдача концессии будет сочтена недружелюбным актом»². Когда же И. Я. Коростовец проинформировал британского посланника В. Тоунлея о том, что Россия намеревалась приобрести у Ирана концессию на сооружение канала Карун — Зайенде Руд, британское правительство воспротивилось осуществлению этого проекта, что получило отражение в его меморандуме от 16 июня 1914 г. Свой отказ Лондон мотивировал тем, что «бахтиарские ханы, с которыми он поддерживает дружественные отношения в течение почти столетия, протестовали перед персидским правительством против проекта по тем основаниям, что вода, о которой идет речь, служит для ирригации летних пастбищ их племен, и что эти пастбища будут иссушены и станут бесполезными, если вода будет отведена в Зайенде Руд»³. Однако истинной причиной отказа было то, что британская миссия в Тегеране, по словам русских дипломатов, «относится вообще несочувственно к фактическому укреплению нашего влияния в сказанном районе, хотя он и входит в состав отмежеванной нам соглашением 1907 г. зоны. Она, кроме того, высказала опасения, что прорытие означенного канала вредно

¹ Международные отношения... Серия 3. Т. 3. № 5.

² Там же.

³ Там же.

отзовется на количестве вод в Каруне и через это на существующее на этой реке английское судоходство»¹.

Серьезные разногласия между Англией и Россией проявились и по вопросу о строительстве Трансиранской железной дороги. Сооружение этой дороги, с одной стороны, противоречило стратегическим интересам Великобритании, а с другой стороны торговым интересам России. Отражая точку зрения Англии по этому вопросу, Э. Грей говорил: «Было бы желательно, чтобы Персия всегда оставалась неразвитой и в ней бы не было железных дорог, желательно для наших стратегических позиций в Индии»². Англия категорически возражала против соединения этого пути с индийской железнодорожной сетью. В свою очередь Россия, опасаясь наводнения западными товарами северных и центральных рынков страны западными товарами протестовала против соединения Трансиранской железной дороги с Багдадской железной дорогой³. Однако угроза сооружения Багдадской железной дороги (ее намечалось соединить веткой с Тегераном), которую Германия намеревалась использовать для укрепления своих экономических и политических позиций на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе в Иране, заставила русское и английское правительства провести в 1914 г. переговоры по поводу строительства Трансиранской железной дороги, в ходе которых между сторонами обнаружились разногласия.

Англия выступала против предложений России, основанных на практике строительства железных дорог в различных странах Азии, и особенно в Китае, о включении в текст концессионного договора о строительстве Трансиранской железной дороги вопроса о предоставлении Сосьете д'Этьюд — компании, созданной в 1912 г. в составе русских, английских и французских предпринимателей — права на разведку и добычу полезных ископаемых в зоне, охватывавшей территорию в пределах 100 км по обе стороны железной дороги⁴. Эти предложения России вызывали упорное противодействие Англии, поскольку получение права

¹ Там же. № 271.

² *Grey E. Selected Speeches...* P. 196.

³ *Международные отношения...* Серия 3. Т. 2. № 174.

⁴ *Nazem H. Russia and Great Britain...* P. 132–133.

на разведку полезных ископаемых в нейтральной зоне фактически отходило под контроль русской группы Сосьете д'Этюд, что противоречило целям Великобритании. Позицию Англии определили и опасения, что предоставление России права на разведку полезных ископаемых приведёт к расширению ее влияния в нейтральной зоне. В данной связи, британское правительство настаивало на том, чтобы контроль над сооружением железной дороги в нейтральной зоне осуществлялся английской группой Сосьете д'Этюд. В меморандуме британского правительства говорилось, что, если бы принцип равноправия по распределению влияния в нейтральной зоне Ирана был бы соблюден, то британский контроль на практике ограничился бы столь малой частью дороги, что оказался бы ничтожным. По мнению Лондона, зоны ответственности между русской и британской группами Сосьете д'Этюд следовало бы распределить следующим образом: русский контроль от Астары до Йезда и британский от Йезда до Бендер Аббаса¹.

Было немало и других противоречий, возникших в связи с намечавшимся строительством Трансиранской железной дороги и в значительной степени поставивших под сомнение развитие «дружеских» отношений между Англией и Россией. Неблагоприятные отклики на переговоры России и Англии по вопросу о Трансиранской железной дороге прозвучали во время обсуждения этого вопроса в Палате общин в мае 1914 г. Так, депутат Иат высказался следующим образом: «Разрешение России провести дорогу до Персидского залива есть то, что известный государственный деятель Англии имел в виду, когда говорил, что предоставление порта на Персидском заливе какой-либо европейской державе и есть предательство по отношению к своей стране»². В целом проект строительства Трансиранской железной дороги рассматривался с точки зрения якобы «печальных» для Англии последствий, поскольку Лорд Керзон выступал против утвержде-

¹ Международные отношения... Серия 3. Т. 1. № 25.

² Имеется в виду выступление лорда Керзона в палате общин 5 мая 1903 г. Great Britain.Parliament Debates.Commons,4th Series. Vol. CXXI. Column 1341. May 5. 1903.

ния проекта, так как сооружение дороги наносило ущерб торговле Великобритании с Ираном¹.

Различные точки зрения Англии и России по вопросу строительства Трансиранской железной дороги в значительной степени обнажали существовавшие между ними противоречия, а их соперничество имело следствием то, что эта жизненно важная для Ирана магистраль так и не была построена. При этом, однако, британские политические деятели свой отказ от строительства дороги нередко пытались выдать за акт милосердия по отношению к Ирану. Так, лорд Керзон отмечая, что строительство дороги облегчает доставку грузов, почты и пассажиров, подчеркивал: «У нас есть некоторый опыт сооружения железных дорог в последнее годы. За построенными железными дорогами следует международная охрана, а международная охрана является одной из форм иностранного протектората, которая очень быстро может перерасти в международный контроль. Поэтому я сомневаюсь, что Иран сам выиграет от строительства этой дороги»².

Острые разногласия возникли между Англией и Россией в Иране в связи с покупкой британским правительством контрольного пакета акций АПНК³.

Инициатором покупки английским правительством контрольного пакета акций АПНК выступил У. Черчилль, в 1911–1915 гг. первый лорд адмиралтейства, настаивающий на переводе Королевского флота Великобритании на жидкое топливо. Ясно осознавая все плюсы такого шага в преддверии мировой войны, он стремился поставить АПНК под государственный контроль, подчеркивая, что «только полностью английская АПНК сможет защищать Британские интересы»⁴. В мае 1914 г. на рассмотрение Палаты общин был внесен законопроект о приобретении правительством Великобритании контрольного пакета акций АПНК,

¹ Там же.

² Цит. по: *Nazem H. Russia and Great Britain...* P. 134.

³ *Agreement of the British Treasury and Admiralty with the Anglo-Persian Company 20 May 1914. Hurewitz J. Diplomacy in the Near and Middle East...* P. 278.

⁴ URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/who-we-are/our-history> (дата обращения 11.01.2022).

который получил «королевскую санкцию» (т. е. одобрен Георгом V) за несколько дней до начала войны. Правительство Великобритании купило акции АПНК на сумму в 2 млн ф. стерлингов за право участвовать в голосовании в пределах 50% + 1 голос и назначать двух членов совета директоров, обладающих правом вето в отношении всех стратегических вопросов. АПНК со своей стороны обязывалась поставлять английскому военно-морскому флоту 40 млн баррелей в течение 20 лет¹. Таким образом АПНК стало крупнейшей английской нефтяной компанией, и имеющей государственную поддержку.

Политическое и экономическое влияние этого шага на всю парадигму политики Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке, а также для развития стран этого региона было огромным. Однако поскольку наше исследование охватывает ограниченный период времени, мы остановимся только на двух последствиях этого события. Во-первых, мы рассмотрим его с точки зрения англо-русских отношений, а, во-вторых, с точки зрения укрепления позиций Англии в Иране в ряду событий, непосредственно предшествующих присоединению нейтральной зоны к сфере британского влияния.

По соглашению 1907 г. о разделе Ирана на сферы влияния часть провинций, в которых АПНК имела право на добычу полезных ископаемых, вошла в нейтральную зону, а часть в русскую. На первых порах это не вызывало возражений российского правительства, поскольку АПНК не могла составить конкуренцию русским компаниям, которые занимались сбытом нефтепродуктов на территории Ирана. Однако к 1914 г. положение резко изменилось, что обуславливалось, с одной стороны, ростом добычи АПНК, а с другой — тем, что британское правительство стало собственником контрольного пакета акций компании. Министр финансов России П. фон Барк писал, что «теперь, когда компания стала в положение органа правительства, последнее будет пользоваться ею как готовым могущественным аппаратом для проведения не только своего экономического влияния, но и чисто политиче-

¹ URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/who-we-are/our-history> (дата обращения 11.01.2022).

ских задач в нейтральной зоне, а, если обстоятельства этого требуют, то и в русской»¹.

Приобретение английским правительством акций АПНК вызвало резкое противодействие деловых и дипломатических кругов России. П. фон Барк отмечал, что до 1913 г. русским принадлежала монополия на поставку нефтепродуктов в Иран. Рост производства на нефтепромыслах АПНК подрывал монополию России на нефтяных рынках Ирана и усиливал конкуренцию ей на всех нефтяных рынках Среднего Востока. Серьезные возражения российского правительства встречали и попытки британского правительства организовать охрану нефтепроводов, расположенных в нейтральной зоне Ирана, при помощи английских офицеров². Разногласия между Россией и Великобританией приняли настолько острый характер, что русский посол в Вене Н. Н. Шебеко, сообщая о реакции австрийского правительства на эти события, писал: «Особое удовлетворение здесь вызвало известие о приобретении английским правительством в собственность концессии на разработку нефтяных источников в Персии. Ввиду нахождения этих источников вне сферы английского влияния, обстоятельство это рассматривается здесь как первый шаг к уничтожению соглашения между нами...»³.

Чтобы сгладить накал противоречий, правительство Великобритании обратилось к правительству России с меморандумом, в котором заверяло Санкт-Петербург в том, что политика Англии в Иране не претерпит никаких изменений в связи с покупкой акций АПНК⁴. Однако эти заявления не удовлетворили российское правительство. П. фон Барк, русский министр финансов, в этой связи подчеркивал, что к заявлению британского правительства «необходимо относиться с большой осторожностью вследствие обнаруженных им в других случаях стремления к распространению английского влияния за пределы, намеченные конвенцией 1907 г.»⁵.

¹ Международные отношения. Серия 3. Т. 5. № 272.

² Там же. Т. 4. № 75. Т. 5. № 272.

³ Там же. Т. 3. № 382.

⁴ Там же. Т. 5. № 272.

⁵ Цит. по: *Nazem H. Russia and Great Britain...* P. 290.

Соглашение 1914 г. между британским правительством и АПНК послужило фактором, давшим толчок активизации политики Англии в вопросе о присоединении нейтральной зоны Ирана к ее сфере влияния. О тесной связи этих двух вопросов свидетельствуют заявления депутатов британского парламента в Палате общин во время дебатов, состоявшихся там, по поводу приобретения контрольного пакета акций АПНК правительством страны 17 июня 1914 г. Депутат Диллон, например, сказал, что названное мероприятие было неотъемлемой частью плана раздела Ирана, «плана, который более ли менее секретно претворялся в жизнь в течение многих лет»¹. Некоторые современные зарубежные историки также придерживаются подобной точки зрения. На наш взгляд, это был последний шаг правительства Великобритании, непосредственно предшествующий поглощению Англией нейтральной зоны Ирана.

Следует отметить, что отдельные шаги по реализации плана, направленного на присоединение нейтральной зоны Ирана, а затем, по возможности, и ряда районов, включенных в зону влияния России, к британской зоне влияния, предпринимались британским правительством и ранее. Уже говорилось о попытках Англии распространить влияние на Исфаган, и часть нейтральной зоны в связи с постройкой Трансиранской железной дороги. Надо остановиться и на других попытках, призванных исподволь обеспечить преобладание Англии в центральных и северных районах Ирана.

В 1913 г., по особому соглашению между главным казначеем Ирана — Морнаром — и Шахиншахским банком, последнему было предоставлено право инкассирования малиата (поземельного налога) в большинстве северных провинций Персии, привилегия, которая до этого принадлежала Учётно-ссудному банку. «Соглашение английского банка с персидским финансовым ведомством касательно поступления всех малиатных, акцизных и иных сборов Северной Персии в кассы английского банка, — подчёркивал князь Дабижа А. М., русский генеральный консул в Мешхеде, — ведет на деле к полному подчинению персидских фискальных

¹ Цит. по: *Nazem H. Russia and Great Britain...* P. 289.

установлений английскому влиянию» и к тому, что «деньги английского банка через его корреспондентов оперируют поблизости русской границы в Дерегезе, Кучане, Бурджире». Своё донесение А. М. Дабижа заключает словами: «Таким образом, несмотря на наши внешне добрые отношения, замечается прежнее стремление вредить русским интересам в Хорасане, что, конечно, противоречит соглашению 1907 г.»¹.

Вопрос о разделе нейтральной зоны между Англией и Россией неоднократно поднимался на протяжении 1912–1914 гг. Так, 14 мая 1914 г. С. Д. Сазонов в ответ на постоянные упреки Э. Грея об укреплении русских позиций на севере Ирана поставил вопрос о пересмотре соглашения 1907 г. о разделе Ирана на сферы влияния с тем, чтобы, обеспечив России большую свободу действия на севере, передать Англии часть, но, безусловно, не всю нейтральную зону². Однако это предложение С. Д. Сазонова было отклонено Э. Греем, который заявил: «На протяжении всей линии мы хотим что-нибудь получить и ничего не хотим уступать России»³.

Со своей стороны, английское правительство на протяжении 1914 г. английское правительство не раз обращалось к Санкт-Петербургу с аналогичными требованиями. Например, в мае 1914 г. Лондон направил ноту правительству России, в которой заявил, что положение в Иране изменилось в ущерб торговли и интересам Англии и вследствие этого он считает необходимым некоторые специальные меры и некоторый пересмотр соглашения для возвращения интересов России и Великобритании к тому положению, которое они соответственно занимали в 1907 г.⁴ В июне 1914 г. Э. Грей в беседе с русским послом в Лондоне отмечал «известное возрастание русского влияния в Персии, в то время как влияние Англии так меняется в обратном направлении, что приносит ущерб ее реальным интересам»⁵. Поэтому министр иностранных дел Великобритании предлагал незамедлительно приступить к обмену мнени-

¹ Международные отношения... Серия 3. Т. 2. С. 145.

² Там же. Т. 3. № 343.

³ *Nazem H. Russia and Great Britain...* P. 165.

⁴ Международные отношения... Серия 3. Т. 3. № 197.

⁵ Там же. № 207.

ями с русским правительством для обсуждения итогов происшедших в Иране с 1907 г. изменений.

Накануне Первой мировой войны противоречия в Иране по вопросу о разделе нейтральной зоны настолько обострились, что в июле 1914 г. А. Никольсон, английский посол в Петербурге, который был известен как сторонник сближения с Россией, писал Дж. Бьюкенену: «Россия заходит дальше в своем проникновении в Иран, чем она должна была это делать, и нам остается только заключить, что наши отношения с Россией подошли теперь к такой точке, что мы должны решить, должны ли мы действительно укреплять наши отношения с ней или выбрать другую дорогу»¹.

Забегая вперед, отметим, что раздел нейтральной зоны произошел менее, чем через год, в марте 1915 года, но об этом позже.

Еще одним следствием приобретения английским правительством контрольного пакета акций АПНК стало укрепление позиций Англии в зоне племен и дальнейшие шаги по образованию там «государства в государстве».

К началу 1914 г. АПНК проложила нефтепровод от нефтепромыслов до побережья Персидского залива и построила нефтеперегонный завод на острове Абадане, фактически принадлежавшим шейху Мохаммеры Хазалю. Сэр П. Кокс, английский политический резидент в Персидском заливе, провел активные переговоры с шейхом Хазалем, в результате которых 16 июля 1913 г. представители АПНК подписали с шейхом договор о сдаче в аренду одной квадратной мили его территории. Англичане, полностью игнорируя интересы и права иранского правительства, дали гарантию шейху, что Тегеран не нарушит *status quo* его владений. В 1913 г. Абаданский нефтеперегонный завод начал функционировать и на протяжении последующих 50 лет оставался крупнейшим в мире.

С ростом нефтяных интересов на юго-западе Ирана повысилась заинтересованность Великобритании в стабильной и хорошо контролируемой обстановке в районе нефтепромыслов и нефтепроводов. В этой связи Лондон стремился к формиро-

¹ Цит. по: *Nazem H. Russia and Great Britain...* P. 168.

ванию добрососедских отношений между арабскими и бахтиарскими племенами, что осложнялось наличием между ними земельных споров. Так, когда в 1912 г. разгорелся спор между бахтиарскими ханами и шейхом Хазалем за обладанием г. Шуштером, британское правительство приложило максимум усилий для скорейшего урегулирования этого конфликта, который нарушал порядок в Хузестане. Английские представители убедили шейха Хазала и бахтарских ханов вступить в переговоры. Однако ильханы, согласившись прислать своего представителя на встречу, заявили, что он не будет обладать должными для заключения соглашения полномочиями. Они настаивали на утверждении условий соглашения центральным правительством. Шейх Хазаль был против. Верный союзник Великобритании считал, что поскольку проект соглашения был уже принят британским посланником и зарегистрирован в британском консульстве в Ахвазе и Мохаммере, он не нуждался в одобрении Тегерана¹.

Для того, чтобы добиться подписания соглашения британские представители предприняли ряд шагов для избрания ильханом бахтиарских племен своего ставленника Сардар Дженга. Они, в частности, предоставили бахтиарским ханам заем в 45 тыс. долларов из расчета 7% годовых под обеспечение долей ханов в нефтяной компании. Сэр В. Тоунлей в письме Сардар Асаду по поводу избрания Сардара Дженга бахтиарским ильханом отмечал, что его избрание вызывало глубокое удовлетворение британского правительства, так как этим актом бахтиарские ханы сделали решающее усилие для охраны порядка в Бахтиарии и в районе Ахвазской дороги. Он подчеркнул, что Сардар Дженг мог рассчитывать на полную поддержку британских консулов. Вместе с тем, он выразил удовлетворение желанием бахтиарских ханов сохранять дружеские и сердечные отношения с шейхом Мохаммеры Хазалем. Сэр В. Тоунлей далее заявлял, что ожидает получения полномочий от своего правительства о назначении двух английских офицеров в качестве посредников в случае возникновения разногласий между бахтиарскими ханами и шейхом. В письме от 13 июля 1912 г., адресованному Сардар Дженгу, британский по-

¹ *Ahmad I. Anglo-Iranian Relations...* P. 61.

сланник поздравил его с назначением и заверил «в поддержке британской миссии»¹.

Сэр Тоунлей поручил капитану Грею сопровождать Сардара Дженга на пути из Исфагана в Бахтиарию, чтобы оказать ему помощь в налаживании отношений с мелкими ханами, и внушить им необходимость всевозможными способами оказывать поддержку новому ильхану в выполнении и его обязанностей. В противном случае капитан Грей не должен был останавливаться перед угрозами и предупредить их, что, если они нанесут какой-либо вред новому ильхану, это вызовет недовольство правительства. Его Величества². Обеспечив избрание Сардара Дженга, британские официальные лица в Иране сумели с легкостью заставить его помириться с шейхом Хазалем и подписать искомое соглашение в октябре 1912 г. Стоит отметить, что иранское правительство не было даже уведомлено о состоявшемся соглашении.

Из приведенных фактов видно, что в районах нефтепромыслов и нефтепроводов АПНК Сент-Джеймский кабинет проводил свою политику полностью игнорируя суверенитет Ирана над этими территориями.

В целом накануне Первой мировой войны британская экспансия в Иран резко усилилась. Используя заинтересованность России в заключении с ней военно-политического союза, Англия добилась значительных успехов в укреплении своих политических и экономических позиций в стране. Это проявилось в укреплении «автономии Хузестана» с его богатыми нефтяными ресурсами, в расширении влияния Англии на высшие органы государственной власти в Иране и фактическом расширении влияния Великобритании на нейтральную зону Ирана.

Заключение соглашения от 20 июня 1914 г. между британским казначейством и АПНК стало важнейшим событием в проникновении английского капитала на Ближний и Средний Восток.

¹ Ahmad I. Anglo-Iranian Relations... P. 62.

² Further Correspondence Respecting the Affairs of Persia. Cd, 6807. № 281. Enc 1. 7. P. 136–137. L., 1914.

Глава 4. Первая мировая война дает новые возможности Великобритании для закабаления Ирана

Позиции Великобритании в Иране накануне войны

Мы уже говорили о том, что накануне Первой мировой войны Иран стал местом, где сосредоточились интересы Антанты в лице России и Англии, и Германии, с примкнувшей к ней в ноябре 1914 г. Турции. Каждая из стран, входящих в коалиции, преследовала свои собственные интересы, которые иногда совпадали внутри коалиции, иногда полностью различались. Иран, в свою очередь объявил нейтралитет, при этом в зависимости от ситуации на фронтах склонялся в ту или иную сторону, стараясь получить максимальные выгоды от противоречий между основными действующими лицами. Таким образом несмотря на объявленный Ираном 2 ноября 1914 г. нейтралитет его территория стала местом политического и военного противостояния держав Антанты и Тройственного союза.

Многочисленные политические и экономические аспекты и жизни Ирана во время Первой мировой войны нашли подробное освещение в книге З. А. Арабаджяна «Иран в годы Первой мировой войны»¹, основанную на архивных документах. Многие факты были затронуты и Л. И. Мирошниковым в книге «Английская экспансия в Иране (1914–1920)»². Дабы не повторять, уже проанализированный материал, мы остановимся на событиях этого периода в той степени, в которой они повлияли на политику Великобритании. При этом новые материалы из различных архивов позволяют показать ряд событий, которые не нашли отражения в этих книгах. При изложении событий мы придержи-

¹ Арабаджян З. А. Иран в годы Первой мировой войны. М., 2021.

² Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иране (1914–1920). М., 1961.

живаемся следующей хронологии, во многом совпадающей с периодизацией событий, данной З. А. Арабаджяном. Он выделяет следующие этапы.: 28 июля 1914 г. — декабрь 1915, характеризуется нарастанием германского влияния в Иране и дружественным к Германии нейтралитетом Ирана; 1916 — октябрь 1917 гг. характеризуется усилением влияния стран Антанты; последний период — 1918 г., характеризуется резким усилением позиций Великобритании в Иране.

Прежде всего представляется необходимым остановиться на политике Германии в Иране во время Первой мировой войны. При формировании коалиции союзных государств, Берлин был крайне заинтересован в привлечении второй мусульманской страны — Ирана — на свою сторону. Серьезные затруднения вызывало то, что немецкие регулярные войска не присутствовали на территории этой страны. Поэтому начальник немецкого Генерального штаба Г. фон Мольтке сосредоточил внимание на организации диверсионной работы и усилении политического влияния на иранскую элиту. Для этой цели были задействована широкая сеть немецких дипломатических и коммерческих агентов. Играя на антианглийских и антирусских настроениях, немецкие дипломаты и разведчики сумели склонить на свою сторону многочисленных иранских политических и религиозных деятелей, депутатов меджлиса третьего созыва, представителей Демократической партии Ирана и ханов многих племен. Сочувствующие Берлину иранцы видели в Германии некую «третью силу», не связанную ни с Англией, ни с Россией, не имеющую войск на территории Ирана, и поэтому казавшуюся им дружественной и лишенной агрессивных колонизаторских намерений. Турция, используя свою территориальную близость с Ираном и своих агентов влияния также активно действовала на всей территории страны вводя войска и участвуя в боевых действиях. В целом, как отмечали английские политики, «несмотря на то, что Персия была официально нейтральна, она оказывала всевозможную помощь нашим врагам»¹.

¹ Memorandum by Earl Curzon on the Agreement August 9. 1919. Documents on the British Foreign Policy 1919–1939. First Series. Vol. 4. P. 1119.

Особое внимание Германия и Турция уделяли территориям, на которых находились запасы нефти и нефтепроводы АПНК, входившие в английскую сферу влияния. Немцы и турки, подчеркивая свою поддержку исламским идеалам и зачастую выдвигая панисламистские лозунги, смогли спровоцировать антианглийские восстания некоторых южных племен. В первую очередь это были племена Фарса, кашкайские племена, некоторые племена курдов и луров.

В начале 1915 г. турецкие войска с примкнувшими к ним отрядами ряда арабских племен создали угрозу нефтепромыслам АПНК. А весной 1915 г., в Иран были направлены десятки немецких военно-диверсионных миссий, члены которых вербовали добровольцев для борьбы с русскими и англичанами, снабжая их оружием, боеприпасами, передавая деньги, а зачастую и золото. Одной из таких миссий была миссия О. Нидермайера, направленная в центральные и южные районы Ирана. В ее задачу входила организация вооруженных подразделений для атак на союзников по Антанте и снабжение оружием и деньгами различных разбросанных по территории Ирана диверсионных групп. Конечной целью миссии было достичь Кабул и убедить Хабибуллу хана вступить в войну на стороне Германии. Не добившись основной цели, в 1916 г. немецкие военные вернулись в Тегеран, сосредоточив свое внимание на работе с политическими силами в столице страны. На северо-западе Ирана действовала миссия Шюнемана. На юге наибольшее беспокойство для Великобритании вызывала миссия «немецкого Лоуренса» — Вильгельма Вассмуса — бывшего консула Германии в Бушире (в 1909 и 1910 гг. и 1913–1914 гг.), за голову которого Лондон назначил награду в 50 000 фунтов стерлингов. Всю войну В. Вассмус организовывал диверсии против англичан Южном Иране и стоял за антибританскими восстаниями кашкайцев, бахтиар и тангестани, а также за захватом в 1915 г. генерального консула вместе с персоналом консульства в Ширазе и за убийством британского вице-консула там. «Немецкий Лоуренс» зачастую использовал исламский фактор, стараясь привлечь иранцев на свою сторону. Как отмечает П. Сайкс, он активно распространял слухи о том, что немцы положительно относятся к исламу и просил называть императора Вильгельма II «хаджи

Вильям»¹. Во многом в результате действий немецкой агентуры племена тангестани в августе–сентябре 1915 г. организовали нападения на английские войска в районе Бушира.

По мнению бригадного генерала П. Сайкса, на юге Ирана против англичан действовали около 1500 иранцев под руководством немецких офицеров. Центрами деятельности немецкой агентуры стали Шираз и Исфаган. В Ширазе при содействии германского консула в Ширазе Вудстрова был создан Национальный комитет защиты персидской независимости, а вся британская колония арестована. Часть бахтиарских ханов стала ориентироваться на немцев. К концу 1915 г. ряд отделений Шахиншахского банка в Керманшахе, Хамадане, Султанабаде, Исфагане, Ширазе, Йезде и Кермане были ограблены сочувствующими немцам иранцами. В результате действий немецкой агентуры племена тенгестани в августе–сентябре 1915 г. организовали нападения на английские войска в районе Бушира. В этом же году немецкой агентуре удалось организовать повреждение нефтепровода АПНК и в ряде мест повредить британские телеграфные линии, действующие не только в пределах Ирана, но и осуществляющие одну из линий связи Индии с Европой².

Не менее активно действовали немецкие дипломаты в столице. В Тегеране шла борьба между всеми заинтересованными державами за образование лояльного той или иной коалиции правительства. Происходила смена кабинетов. Все стороны пропагандировали свои успехи на фронте и не скупились на денежные выплаты шаху и влиятельным персидским политикам, стараясь перетянуть их на свою сторону.

Наибольшим успехом немецких дипломатов стала секретная договоренность между премьер-министром Ирана Моустафи оль-Мамлеком и немецким посланником в Тегеране фон Рейсом о полной поддержке Ираном Германии. В ответ на это Берлин гарантировал независимость и территориальную целостность Ирана, обещал снабжать Тегеран деньгами, вооружением и предоставить политическое убежище Ахмед шаху, если ему придется

¹ P. Sykes. A History of Persia Vol II L., 1958, P. 442–443

² Ahmad I. Anglo-Iranian Relations 1905–1919. L., 1974. P. 295

бежать из страны. В результате сложной дипломатической игры и отправки дополнительных сил русской армии немецкие и австрийские дипломаты были вынуждены бежать в Кум. Там же собрались прогермански настроенные оппозиционные силы, образовав Комитет национальной обороны и Комитет защиты ислама, объявивший священную войну против Англии и России¹.

Несмотря на нарастающее немецкое и турецкое влияние в Иране, англо-русские отношения носили сложный комплексный характер. Ряд противоречий был сглажен взаимной заинтересованностью Санкт-Петербурга и Лондона в противодействии Германии и Турции, вступившей в войну на стороне блока Центральных держав. Однако даже после начала боевых действий, когда Россия и Англия вместе сражались против общего противника и, согласно заявлениям как русского, так и британского министров иностранных дел какие-либо «разногласия на почве персидских дел были недопустимыми»², соперничество в Иране не прекратилось. 5 января 1915 г. С. Д. Сазонов писал русскому послу в Лондоне графу А. К. Бенкендорфу: «Вообще во всех действиях английской миссии в Тегеране проглядывает стремление воспользоваться настоящим моментом, чтобы создать неблагоприятную для нас обстановку и добиться подрыва нашего престижа. Во всяком случае искренней и дружественной кооперации с нашей миссией незаметно ни в чем»³.

Единственным способом в этих условиях восстановить «порядок» в Иране и урегулировать англо-русские разногласия Э. Грей видел в пересмотре условий соглашения 1907 г. относительно Ирана. В марте 1915 г. в результате обмена нотами между русскими и британскими правительствами соответствующее соглашение было достигнуто⁴. Правительство России в обмен на обещание пе-

¹ Подробнее см.: Арабаджян З. А. Иран в годы Первой мировой войны. М., 2021. С. 52.

² Международные отношения... Серия 3. Т. 5. № 282.

³ Там же. № 731 сн.

⁴ Соглашение было оформлено рядом памятных записок и вербальных нот. Доложено Государственной Думе императором Николаем II в 1916 г. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М. 1925. С. 35–37.

перехода в руки России после окончания войны Константинополя и проливов Босфор и Дарданеллы одобрило присоединение к сфере влияния Англии нейтральной зоны Ирана за исключением Исфаганского округа, Йезда и небольшой территории на стыке русской, афганской и иранской границ.¹

Соглашение 1915 г. между Англией и Россией о присоединении нейтральной зоны к британской сфере влияния ознаменовало полный раздел Ирана между этими двумя ведущими мировыми державами при сильном укреплении влияния Англии в стране, практически попавшей в колониальную зависимость. Это был один из важнейших этапов последовательного подчинения Ирана Англии — процесса, который нашел завершение в 1919 г. после оккупации Ирана британскими войсками.

Переворот в России 23 февраля (8 марта) 1917 г. и приход к власти Временного правительства не внесли изменений ни в персидскую политику России, ни в соглашение 1915 г. Министры иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков и М. И. Терещенко заверили правительство Великобритании в том, что Россия будет по-прежнему придерживаться полного взаимодействия с Англией в Персии и добились от союзников подтверждения, что условия соглашения 1915 года остаются в силе².

После заключения соглашения Англия и Россия предприняли активные совместные действия в ответ на информацию о заключении в ноябре 1915 г. премьер-министром Моустафи оль-Мамлека договоренности с посланником Германии фон Рейсом о поддержке Ираном политики Германии, которые означали фактическое присоединение Ирана к Тройственному союзу. Чтобы предотвратить подобное развитие событий Россия выдвинула свои войска по направлению к Тегерану. В ответ на это прогерманское правительство Мостоуфи оль-Мамлека сбежало из Тегерана в Исфаган и уговаривало шаха присоединиться к ним, объявив себя сторонником Германии. Решительные действия России

¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М. 1925. Т. 7. № 351, 352, 369, 400.

² Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 425.

предотвратили подобное развитие событий. Сэр Э. Грей, министр иностранных дел Великобритании в палате общин английского парламента 11 ноября 1915 г. подтвердил, что Россия и Англия действовали в полном согласии. А посланники Великобритании и России предупредили шаха, о том, что в случае отказа от нейтралитета он может потерять трон.

В ответ на формирование параллельного прогерманского правительства во главе с Низамом ос-Салтане в Керманшахе, подписавшего 26 декабря 1915 г. союз с Германией, русская армия ускорила свои военные операции и в феврале 1916 г. взяла под контроль Керманшах, ликвидировав германскую угрозу.

Действия немцев не изменили ход событий в Иране, но показали, насколько велико там было влияние Германии. В свою очередь, успешное продвижение русской императорской армии коренным образом изменило ситуацию и перевесило чашу весов в пользу держав Антанты. Шах и многие члены кабинета министров, убедившись в реальной силе русского оружия, не поддались на угрозы и уговоры немцев. 26 декабря 1915 г. в Тегеране был сформирован новый кабинет министров, в котором на всех важнейших министерских постах оказались сторонники Англии и России. При этом Лондону удалось убедить Санкт-Петербург согласиться на то, чтобы премьер-министром стал Фарман Фарма, известный своими симпатиями к англичанам.

Политика Великобритании в Иране в годы войны

Как уже отмечалось ранее, основные интересы Великобритании в годы Первой мировой войны были сосредоточены, во-первых, на юге Ирана, на территории, где находились нефтепроводы и нефтепромыслы АПНК, и, во-вторых, на юго-востоке страны, который она рассматривала как буферную зону, граничащую с жемчужиной ее империи — Индией. Усилия Лондона были направлены на то, чтобы ликвидировать германских и турецких военных агентов и их сторонников на этих территориях, ставших объектом пристального внимания стран Тройственного Союза, и обеспечить безопасность ирано-афганской и ирано-индийской границ.

С этой целью в Персидском заливе несли патрульную службу корабли британского флота «Эспиегль», «Один» и «Лоуренс», которые в августе–сентябре 1914 г. нанесли визиты в наиболее важные иранские порты Персидского залива: Мохаммеру и Бушир. С них осенью 1914 г. была проведена высадка англо-индийских войск на Бахрейнских островах для подготовки военных действий в юго-западном Иране и Нижней Месопотамии. А в ноябре 1914 г. британские войска провели успешную операцию, поставив принадлежащий Ирану остров Абадан под свой контроль и отправив подразделение англо-индийской пехоты в Бушир, впоследствии ставший важным логистическим пунктом для транспортировки англо-индийских войск в Месопотамию и базой британских войск в Персидском заливе¹.

В начале 1915 г. произошла активизация военных действий британских англо-индийских войск на территории Ирана. Целью подразделений, прибывших в Ахваз в конце января 1915 г., была защита нефтепромыслов и нефтепроводов АПНК, которые начиная с 1909 г. охранялись бахтиарскими ханами.

Стоит отметить, что боевые действия между англичанами и войсками Османской империи велись на территории Месопотамии, а в Иране, как подчеркивает Л. И. Мирошников, англо-индийские подразделения не входили в боевые соприкосновения с турецкой армией. В южных и юго-западных провинциях Ирана им противостояли арабские племена, получающие поддержку Турции и Германии². В исторической литературе есть упоминания о боестолкновениях между англичанами и местными племенами в районе Гадира и в районе арабской деревни Хафаджия. В мае 1915 г. англичане успешно провели карательные операции в районе реки Кэрхе против арабских племен Хузестана, в результате которой «арабы, получив благотворный урок, смогли понять, что совершили ошибку понадеявшись на поддержку турок»³, — говорится в истории боевых действий Великобритании в Месопотамии во время Первой мировой войны.

¹ URL: GREAT BRITAIN ii. An Overview of Relations — Encyclopaedia Iranica (iranicaonline.org) (дата обращения 03.06.2021).

² *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране (1914–1919). М., 1961. С. 15.

³ *The Campaign in Mesopotamia 1914–1918.* L., 1923. Vol. 1. P. 231.

В течение 1915–1916 гг. англо-индийское правительство организовало ряд военных экспедиций на побережье Персидского залива и фактически оккупировало южные районы Ирана и города Бушир, Бендер-Аббас и Мекран. Особое значение среди них имел город Бушир. Это был важный порт, в котором находилась база английских военно-морских сил в Персидском заливе и высаживались англо-индийские войска, следующие на Месопотамский фронт. Из него осенью 1915 г. осуществлялись карательные операции против восставших под антибританскими лозунгами племен тангестани. Английский консул пользовался там практически ничем не ограниченными полномочиями, фактически управляя этим *de jure* иранским городом и имея возможность арестовывать и высылать германских дипломатических представителей из Бушира на территорию Индии.

Особое значение для Великобритании во время войны приобрели отношения с вождями полунезависимых племен, которые в условиях ослабления центральной власти и хаоса в стране стали *de facto* независимыми.

В первую очередь это касается бахтиар. Они не были едины в своем отношении к Британии, если старшее поколение ханов, владевшее акциями АПНК и связывающее свои интересы с деятельностью компании, поддерживало Великобританию, то более молодое поколение видело в Турции и Германии достойную альтернативу британскому влиянию, рассчитывая получить большую выгоду от дружеских отношений с этими странами¹. При этом, как отмечает В. В. Трубецкой, большинство ханов придерживалось двойственной политики, поддерживая ту или иную сторону в зависимости от политической обстановки и хода военных действий².

В этой связи с началом турецкого вторжения в Иран в 1915 г. число сторонников Турции и Германии резко возросло. Немецкой агентуре удалось склонить часть бахтиарских племен на свою сторону, доставить им вооружение и боеприпасы, организовать выступления против англичан. В октябре 1915 г. племена чахарленги и арабы, враждующие с шейхом Хазалем, под руководством

¹ Трубецкой В. В. Бахтиары. М., 1966. С. 59.

² Там же.

немецких диверсантов во главе с капитаном Ф. Кляйном подорвали нефтепровод, соединяющий Абадан с нефтепромыслами Майдане Нафтун (Месджеде Солеймани), и вывели из строя телеграфную линию. В связи с успехами турецких войск бахтиары потребовали от англичан выплаты дивидендов и увеличения платы за охрану нефтепромыслов. В начале 1916 г. отряд под командованием Али Чагар-хана даже попытался изгнать англичан из Исфагана¹. Стоит отметить, что руководство АПНК в противоречии с условиями концессионного соглашения о том, что охрана нефтепромыслов является обязанностью центрального правительства Ирана, приняло решение нанять бахтиар для этой цели. Тем не менее убытки, связанные с нарушением возможности транспортировать нефть в течение пяти месяцев были взысканы с правительства Ирана.

При этом наиболее влиятельные бахтиарские ханы придерживались проанглийской ориентации и именно с их помощью англичанам удалось ликвидировать германские диверсионные отряды в Керманской провинции. А к концу войны, когда победа Антанты не вызвала сомнений, влияние Англии на бахтиар вновь стало доминирующим, и они выступили в ее поддержку против племен Фарса в период, когда на юге началось антианглийское движение.

Поддерживая дружеские отношения с бахтиарскими ханами, Англия не отводила им главной роли в своей политике в южных провинциях Ирана. Важнейшим ее союзником оставался шейх Хазаль, с которым после приобретения английским правительством контрольного пакета акций АПНК в 1914 г. установились особо тесные отношения.

Шейх оказывал всестороннюю поддержку Великобритании во время войны и был готов выступить вместе с шейхом Кувейта и эмиром Эр-Рияда, в пользу Великобритании в случае захвата последней порта Басра. Он поддерживал порядок в той части Персии, в которой были сосредоточены основные интересы Великобритании. Его помощь оказалась особенно важной, когда некоторые из подчинявшиеся ему племен в результате подстре-

¹ Трубецкой В. В. Бахтиары. С. 60.

кательских действий Турции объявили джихад Англии, подняли восстание, и помогли туркам в атаке на Ахваз¹.

В конце 1915 г., когда возможность вступления Персии в войну на стороне Германии стала казаться реальной, английские и англо-индийские дипломаты рассматривали возможность признать независимость шейха от главы персидского государства². Однако этого не произошло и обязательства Великобритании, сформулированные в 1914 г., оставались основой отношений Великобритании с шейхом Мохаммеры. Вот отрывок из письма сэра Перси Кокса шейху Хазалю от 22 ноября 1914 г., описывающий эти обязательства. «Ссылаясь на гарантии, данные Вашему Высокопревосходительству в письме от 15 октября 1910 г. и принимая во внимание дальнейшие ценные услуги, оказанные Вашим Превосходительством Британскому правительству и Британской империи в Арабистане и (районе — *И. Ф.*) Шатт-эль-Араб, я уполномочен заверить Ваше Превосходительство лично и подтвердить это письменно, что в случае каких-либо изменений в форме правления в Персии, если роялисты или националисты придут к власти, Его Величество предоставит Вам поддержку, необходимую для выработки соглашения удовлетворяющее и Вас, и нас в случае посягательств персидского правительства на Вашу юрисдикцию и признанные Ваши права или Вашу собственность в Персии. Подобным образом в силу своих возможностей Правительство (Великобритании — *И. Ф.*) обеспечит Ваши интересы в случае неспровоцированной агрессии иностранной державы и посягательств иностранной державы на вашу юрисдикцию, признанные права или вашу собственность. Эти гарантии даются Вам и Вашим преемникам по мужской линии в течении того времени пока Вы и Ваши преемники будут соблюдать свои обязательства перед персидским правительством, при условии, что назначение Вами преемников из числа наследников по мужской линии будет служить предметом конфиденциальных переговоров и одобрено правительством Его Величества (им. в виду

¹ 'File29/6 British Relations with Khazal, Sheikh of Khorramshahr' [3r](5/28)
URL: http://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100026187839.0x000005 (дата обращения 07.03.2022).

² Ibid.

правительство Георга V — И. Ф.) и до тех пор, пока они будут следовать советам Его Величества и сохранять отношения удовлетворительные для этого правительства.

Vis-à-vis Персии. Мы сделаем все возможное, чтобы Вы сохранили свою местную автономию.

Далее, что касается финиковых садов, которыми Вы владеете на турецкой стороне Шатт-эль-Араба, то они останутся в полной собственности Вас и Ваших преемников и не будут подлежать налогообложению.

П. З. Кокс, подполковник, британский резидент в Персидском заливе и Генеральный консул Его Величества в Фарсе»¹.

Мы привели текст этого письма потому, что в нем со всей очевидностью прослеживается зависимое положение шейха Хазала от Великобритании и готовность Лондона дать гарантии его фактически независимого положения относительной власти в Тегеране. Последнее не вызывало сомнений у британского резидента в Персидском заливе, несмотря на явное нарушение суверенитета Ирана.

После провала немецкой попытки переворота и заставить Иран официально присоединиться к коалиции союзных Германии держав, правительство Фарман Фарма и впоследствии правительство Восуга од-Доуле, стали проводить политику в интересах Антанты. Это облегчило заключение в январе 1916 г. соглашения между Англией, Россией и Ираном о создании на юге страны вооруженных формирований численностью до 11 000 чел., состоящих из местного населения под командованием британских офицеров. Одновременно до этих же цифр должна быть увеличена численность российской казачьей бригады. Этим документом предусматривалась ежемесячная выплата шаху Лондоном и Санкт-Петербургом в 200 000 туманов на содержание этих войск. Несмотря на то, что договор не был ратифицирован меджлисом, бригадный генерал П. Сайкс получил задание создать в английской зоне влияния военно-полицейские силы. Они широко известны в исторической литературе как южно-персидские стрелки или эспиапы. Та-

¹ 'File29/6 British Relations with Khazal, Sheikh of Khorramshahr' [3r](5/28) URL: http://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100026187839.0x000005 (дата обращения 07.03.2022).

кое название происходит от английских слов «South Persian Rifles» (сокращенно SPR). На счету Корпуса ряд успешных операций против полунезависимых кочевых племен в южных и юго-западных провинциях Персии и зачистка этих провинций от немецких и турецких агентов. После ликвидации прогермански настроенной жандармерии под командованием шведских офицеров Корпус стал осуществлять и полицейские функции.

В марте 1916 г. миссия во главе с генералом П. Сайксом, официальной целью которой было «Восстановление законности и порядка в Южном Иране в интересах Персидского и Британского правительств»¹ прибыла в Бендер-Аббас. Этот город, как мы бы сейчас сказали, представляющий собой крупный логистический узел, где сходились многочисленные караванные пути, связывающие южные и центральные провинции Иран, стал крупной британской военной базой. Первые отряды эспиаров были сформированы именно там. Затем П. Сайкс проследовал в Керман, Шираз и Исфаган, демонстрируя военную силу Англии и создавая на своем пути отряды южно-персидских стрелков, которые успешно действовали против подстрекаемых немцами племен, восстанавливая «закон и порядок». Зачастую он рекрутировал и бывших жандармов, служивших до этого под командованием шведских офицеров. Почувствовав изменения в политической и военной обстановке в Иране, они быстро переметнулись на службу к англичанам.

При этом П. Сайкс проявил себя не только как военачальник, но и как дипломат. Одним из важнейших вопросов, которые ему предстояло решить, была необходимость установить отношения с настроенным против англичан племенем кашкайцев и их вождем «некоронованным королем Фарса» Соулатом од-Доуле. Трудность заключалась в том, что во время активных боевых действий в Месопотамии отвлекать английские силы в Иран было нецелесообразно. «Наша политика состояла в том, чтобы установить с ним дружеские отношения, сделать некоторые уступки, рассмешить его и, самое главное, избежать вооруженных столкновений с кашкайцами, которые были самым могущественным

¹ Sykes P. The History of Persia. Vol. II. P. 452.

племенем в Южной и Центральной Персии». Бригадный генерал Сайкс сумел это сделать и кашкайцы не нападали на англичан, как подчеркивает П. Сайкс «тем летом, когда мы были недостаточно сильны»¹.

К 1917 г. южно-персидские стрелки получили подкрепление, и П. Сайкс смог контролировать всю Южную Персию. На тот момент подразделения эспиаров состояли из двух бригад, расквартированных в провинциях Фарс и Керман, и полка в Бендер-Аббасе. 21 марта 1917 г. персидское правительство официально признало их в качестве национальной военной силы, что, безусловно, содействовало укреплению позиций Великобритании на юге Ирана.

Необходимо отметить, что миссия генерала П. Сайкса помимо укрепления английского военного присутствия занималась ремонтом и строительством шоссейных и караванных дорог в Южном и Центральном Иране. Например, дороги Керман–Синджан–Бендер-Аббас; Керман–Бам; Керман–Йезд и др. В 1916 г. началось сооружение железной дороги между Нушки в Западной Индии и иранскими провинциями Сеистан и Белуджистан, которое было призвано облегчить связь английских баз в Индии, в частности в Кветте, с воинскими подразделениями в восточном и юго-восточном Иране. В начале 1918 г. дорога была доведена до г. Захедан в Иране и вступила в строй. Помимо этого, Великобритания реконструировала крупные порты на побережье Персидского залива в городах Бушир и Мохаммера.

Безусловно, проводя эти работы Лондон, в первую очередь, преследовал собственные интересы. Однако развитие и ремонт дорожной сети, и модернизация портов Персидского залива объективно служили развитию иранской экономики, в частности, развитию ирано-индийской торговли, и создали благоприятные условия для транспортировки товаров из портов Персидского залива вглубь страны.

Еще одним районом сосредоточения британских интересов в Иране были территории вблизи ирано-афганской и ирано-индийской границ. Летом 1915 г. Англия и Россия создали

¹ The Geographical Journal. 1921. Vol. LVIII. № 2. P. 109. Цит. по: I. Ahmad. Opt. cit. P. 300.

в Восточном Иране войсковой заслон, получивший название «Восточно-персидского коридора», который должен был препятствовать проникновению немецкой агентуры в Афганистан и прекратить контрабанду оружия из Муската и Омана через побережье Оманского залива в Индию и Афганистан. Подобные соображения не были беспочвенны. Не надо забывать, что группа индийских революционеров т. н. «Берлинский комитет» (впоследствии названный «Комитет индийской независимости») пользовался поддержкой «Восточного разведывательного бюро» во главе с известным археологом М. фон Оппенгеймом и статссекретарем Германской империи по иностранным делам А. Циммерманом¹. В рамках Восточно-персидского коридора к началу Первой мировой войны в западном Белуджистане находилось небольшое британское подразделение, входящее в англо-индийскую бригаду, расположенную в Кветте. В зону ответственности Англии входила граница по линии от Бирдженда до Оманского залива, вдоль побережья которого еще до начала Первой мировой войны несли службу английские военные суда. В Рабате, на стыке ирано-индийской, ирано-афганской границ было расквартировано крупное английское военное подразделение в зону ответственности которого входили иранский Белуджистан и Сеистан. В октябре 1915 г. британскими войсками был оккупирован Бирдженд и направлен ряд военных миссий на юго-восток Ирана. Весной 1916 г. военная миссия под руководством майора Кейса для борьбы с бандитскими набегами и противодействия германским агентам прошла по Иранскому Белуджистану. Майору Кейсу при этом удалось установить контакты с ханами многих племен. Его задачу облегчало то, что до этого там была миссия капитана Р. Дайера, который провел ряд военных операций против племен, устраивающих провокации в этом районе. По словам П. Сайкса, многие из тех племен, которые выступали против англичан, после поражения их вождей стали служить англичанам.

В целом, по мнению Л. И. Мирошникова, к началу 1917 г. Великобритания установила свой контроль над всей территории

¹ Во время Первой мировой войны М. фон Оппенгейм активно продвигал идею поднять восстание мусульманского населения в Индии против британских войск под лозунгами джихада.

Ирана, входившую в ее сферу влияния. В Иране «от Сеистана до Хузестана — было расположено около 10 тыс. солдат и офицеров англо-индийской армии, а также примерно 10 тыс. наемных войск, включая Сеистанский корпус и южноперсидских стрелков»¹.

Правительство в Тегеране весьма благожелательно относилось к Великобритании и не препятствовало британской экспансии, поддерживая присутствие британских войск. Так, в январе 1917 г. премьер-министр Восуг од-Доуле направил телеграмму Сайксу о том, что он благодарит за восстановление закона и порядка, а в марте 1917 г. эспиапы были официально признаны иранским правительством национальной воинской силой.

Современные иранские историки следующим образом характеризуют политику Великобритании в Иране во время Первой мировой войны. По их словам, цели Великобритании «заключались в защите своих нефтепромыслов, защите Индии и искоренении германского влияния. При реализации этих целей Великобритания пренебрегала желанием Персии и ее суверенитетом»².

Переворот в России 23 февраля (8 марта) 1917 г. и приход к власти Временного правительства не внесли изменений ни в персидскую политику России, ни в соглашение 1915 г. Министры иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков и М. И. Терещенко заверили правительство Великобритании в том, что Россия будет по-прежнему придерживаться полного взаимодействия с Англией в Персии и добились от союзников подтверждения, что условия соглашения 1915 года остаются в силе³.

¹ Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иране...С. 42.

² URL: GREAT BRITAIN ii. An Overview of Relations — Encyclopaedia Iranica (iranicaonline.org) (дата обращения 07.05.2021).

³ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 425.

Влияние октябрьского переворота 1917 г. в России на английскую политику в Иране

Октябрьский переворот 1917 г. в России резко изменил внешнюю политику нового государства. В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» председатель Совнаркома В. Ульянов (Ленин) разгласил существование секретного соглашения 1915 г., заявив, что тайный договор о захвате Константинополя и договор о разделе Персии «порваны и уничтожены», «Константинополь должен остаться в руках мусульман» и «как только прекратятся военные действия, войска (русские — *И. Ф.*) будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы»¹.

В этой связи одним из важнейших стимулов для укрепления английского влияния стало противодействие распространению революционных, большевистских национально-освободительных идей в Иране. Многочисленные националистические движения, которые разворачивались по всей стране, грозили подорвать позиции Лондона не только в Иране, но и перекинуться на Индию. Поэтому Лорд Керзон² постоянно настаивал на том, что нельзя было допустить «между рубежами нашей индийской империи и нашим новым протекторатом в Месопотамии очага беспорядков, вражеских интриг, финансового хаоса и политической неразберихи»³. Далее он подчеркивал, что, если Великобритания перестанет поддерживать Тегеран и «Персия останется одна, то будут все основания опасаться, что она попадет под влияние большевиков с Севера»⁴.

Решение об эвакуации русских войск в соответствии с решением Совнаркома открыло для Великобритании дополнительные возможности. Уайтхолл принял решение послать свои вооруженные силы на территории, ранее входившие в зону российского

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., Госполитиздат. 1957. С. 113–115.

² Вице-король Индии 1899–1906 гг., министр иностранных дел Великобритании 1919–1924 гг.

³ Encyclopædia Iranica. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/curzon-george-nathaniel> (дата обращения 07.05.2022).

⁴ Ibid.

влияния, в сторону Закавказья и Закаспийской области. В начале 1918 г. на север Ирана были направлены английские войска под командованием генерала Денстервилля, а на северо-восток под командованием генерала Маллесона. Целью этих военных экспедиций было не только установить контроль над северными и северо-восточными провинциями Ирана, но и создать плацдарм для дальнейшего продвижения на территорию бывшей Российской империи.

Активно действовала Великобритания и на политическом поле. В августе 1918 г. в Тегеране к власти при поддержке Лондона пришло англофильское правительство Восуга-од-Доуле, при содействии которого 9 августа 1919 г. было заключено англо-персидское соглашение «О британской помощи для содействия прогрессу и благополучию Персии», ставшее вершиной развития англо-персидских отношений. Великобритания получала право направлять в иранские министерства и государственные органы британских советников, проводить реорганизацию иранской армии под руководством британских офицеров и советников, а финансовый советник Великобритании должен был контролировать иранские финансы. Предусматривался пересмотр таможенных тарифов в пользу Великобритании, а английским компаниям предоставлялось право строить железные дороги и телеграфные линии. При выполнении этих условий Тегерану выделялся заем в 2 млн фунтов стерлингов под 7% годовых, из которого должны были оплачиваться все расходы по данному соглашению¹.

Несмотря на то, что в англо-персидском договоре оговаривались обязательства Англии уважать независимость и территориальную целостность Ирана, в случае его ратификации меджлисом и претворения в жизнь Великобритания могла установить контроль над экономической и политической жизнью Ирана, de facto превращая страну в английский протекторат.

Соглашение было подписано в Тегеране сэром Перси Коксом, исполняющим обязанности посланника Великобритании в Иране, и главой иранского правительства Восугом од-Доуле. Сразу после этого лорд Керзон, занимавший в то время пост министра ино-

¹ Международная политика в договорах, нотах и декларациях». Ч. II. М., 1926. С. 340–341.

странных дел, при поддержке Уайтхолла предпринял меры по его реализации. В декабре 1919 г. в Тегеран был отправлен генерал У. Диксон для создания в Персии единой новой армии и единой полиции. Во главе новой армии должен был стоять английский военный советник. В апреле 1920 г. в Тегеран прибыл Эрмитейдж Смит для приведения в порядок финансовой системы страны. Англо-персидская комиссия пересмотрела таможенный тариф 1903 года и приняла более выгодные для Великобритании условия торговли, вступившие в силу в апреле 1920 г. А 22 декабря 1920 г. было заключено новое соглашение с персидского правительства с АПНК, в котором в обмен на предоставление незначительных денежных средств Тегерану, закреплялись новые выгодные условия для Лондона. В частности, АПНК освобождалась от выплаты персидскому правительству процентов от доходов, полученных ее дочерними компаниями.¹ В октябре 1920 г. под давлением командующего North Persia Force (Norper Force)² генерала Э. Айронсайда персидское правительство уволило полковника В. Старосельского, командующего казачьей дивизией, и ряд старших российских офицеров. В срочном порядке руководство дивизией было формально передано иранскому офицеру Мохаммад Садек-хану. На самом деле дивизия, как отмечает Л. Мирошников, находилась в подчинении британского генерала У. Диксона³.

Представляется, что только переворот в октябре 1917 г. в Российской империи и политика Совнаркома позволили Великобритании резко усилить свое военно-политическое влияние в Персии и добиться подписания подобного кабального договора.

Однако политика правительства В. Ульянова (Ленина) имела и другие последствия для англо-персидских отношений. Во многом под влиянием революционных большевистских идей и при помощи Москвы в Персии стали бурно развиваться национально-освободительные движения. В апреле 1920 г. в Тебризе произошло восстание под руководством шейха Хиабани⁴, который отличался

¹ Элвелл-Саттон. Л. Иранская нефть. К истории политики силы. М. 1957. С. 45.

² Британские военные силы, действовавшие в Персии в 1918–1920 гг.

³ Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иране (1914–1920). М., 1961. С. 41.

⁴ Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004. С. 111–112.

своими националистическими, антианглийскими и антимонархическими взглядами. В мае 1920 г. в провинции Гилян особый размах приобрело Дженгелийское движение под руководством Кучек хана и даже была провозглашена Гилянская республика. Протестные движения под националистическими и антианглийскими лозунгами разворачивались и в других районах на севере Ирана. Раздавались требования о выводе английских войск и отмене всех англо-персидских договоров. При этом Совнарком стремился распространить свое военно-политическое влияние в Иране не только обращаясь к рабочим и крестьянам¹, но и послал в порт Энзели 18 мая 1920 г. Волжско-Каспийскую флотилию под командованием Ф. Раскольникова.

После аннулирования российско-персидских договоров и, вывода российских войск, в условиях роста антианглийских и антишахских протестных движений ратификация договора от 9 августа 1919 г. стала проблематичной. Существенное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Ирана в этот период оказывала и подготовка к заключению всеобъемлющего российско-иранского договора.

Таким образом ситуация, сложившаяся в 1919–1920 гг., продиктовала Лондону необходимость выработки новой более гибкой тактики для достижения своих политических и экономических целей несмотря на настойчивое желание Форин Офис сохранять прежний жесткий курс. На актуальность изменения методов политики указывали и Верховный комиссар Великобритании в Месопотамии генерал-майор Кокс и английский посланник в Тегеране Герман Норман. Материалы, находящиеся в Сборнике документов по английской внешней политике «Documents on British Foreign Policy. 1919–1939»², говорят о том, что они раньше других признали целесообразность вывода английских войск из Ирана и отказа от соглашения 1919 г. В начале 1920 г. П. Кокс настаивал на новом соглашении более приемлемом для ратифика-

¹ «Обращение к рабочим и крестьянам Персии» НКВД от 30 августа 1919 г. Подписана народным комиссаром иностранных дел Чичериным Г. В. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. Министерство иностранных дел. М., 1946. С. 67–71.

² Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Vol. I–IV. London. 1948–1952.

ции меджлисом (парламентом) в Тегеране. В этой связи хотелось бы обратить особое внимание на его слова о том, что «к моменту заключения нового договора в Персии может оказаться необходимо согласиться на замену нынешнего шаха другим представителем династии или же на замену династии»¹. И далее... «если это будет необходимо, нам следует подчиниться велению времени и согласиться на эти изменения», — отмечал генерал-майор британских вооруженных сил². Он подчеркивал, что выработку новой тактики в английской внешней политике нельзя откладывать, потому что вывод британских войск нанесет удар не только по коммерческим и экономическим интересам Лондона в Иране, но и на всей территории Британской империи в Азии. При этом П. Кокс обращал внимание руководства в Лондоне и на то, что для Великобритании было жизненно важно сохранить «дружеские» и «близкие» отношения с вождями бахтиарских племен, поскольку их влияние доминировало на территориях, представляющих особый интерес для Великобритании³. Особое значение южно-персидских провинций для Великобритании при любом развитии событий отмечал и посланник в Тегеране Г. Норман. В телеграмме, направленной в Лондон 28 января 1921 г. он писал, что в случае резкого усиления влияния большевиков и падения правительства в Тегеране, интересы Англии должны быть сосредоточены на юге. По его мнению, там было бы возможно образовать отдельное государство под эгидой Великобритании и при опоре на местных феодалов, выплачивая им доходы от нефти⁴.

В конце октября 1920 г. даже лорд Керзон, самый последовательный сторонник жесткого давления на Тегеран, признал необходимость изменения методов английской политики в Иране и поручил генерал-майору Г. Айронсайду проводить их в жизнь. Командующий North Persian Force генерал Г. Айронсайд, со своей стороны, был уверен в том, что в сложившихся условиях только военный диктатор сможет прекратить хаос, царящий в ряде

¹ Documents on British foreign policy, 1919–1939. Ser. 1. Vol. 13: The Near and Middle East. January 1920 — March 1921. London. 1963. С. 713.

² Ibid.

³ Ibid. С. 710.

⁴ Ibid.

провинций Ирана, остановить центробежные тенденции и создать условия для безболезненного вывода английских войск. Его выбор пал на персидскую казачью дивизию и командира ее тебризского отряда Реза-хана, который 12 февраля 1921 г. был назначен командиром всей дивизии.

Интересные факты о контактах генерала Г. Айронсайда с Реза-ханом содержатся в дневниках генерала Э. Айронсайда, опубликованных в 1972 г. При заключении договоренностей о финансовой и военно-технической помощи между Э. Айронсайдом и Реза-ханом не было подписано ни одного документа. Английский генерал считал, что Реза-хан в будущем сможет отказаться от любого договора, объяснив это тем, что он действовал под давлением. Поэтому Г. Айронсайд просто предупредил командира казачьей дивизии, что в случае враждебных действий против английских войск, покидающих страну, англичане «не колеблясь и без угрызений совести» откроют по нему огонь¹. Когда 21 февраля 1921 г. казаки под командованием Реза-хана вступили в Тегеран и заняли правительственные учреждения, фактически в Иране произошел государственный переворот.

Безусловно, что самыми существенным фактором, диктовавшим необходимость поддержки Реза-хана, для Лондона оказалось подписание советско-иранского договора, которое состоялось 26 февраля 1921 г. Согласие Москвы на вывод войск, направленных в Персию, отказ практически от всех активов Российской империи и готовность развивать дипломатические отношения на новой основе открывали возможности для усиления антианглийских сил.

Поддержка Лондоном Резы-хана, ставшего в 1925 новым шахом Ирана, первым шахом новой династии Пехлеви, позволил консолидировать проанглийски настроенную часть персидской элиты, предотвратить децентрализацию страны, остановить дальнейшее распространение большевистского влияния, и в конечном итоге ликвидировать очаги национально-освободительного движения не только в северных провинциях, но и в центре страны. В целом это отвечало интересам как наиболее значительной части политической верхушки в Тегеране, так и Уайтхолла.

¹ Ironside Edmund (Major Gen) High road to Command, the Diaries of Maj. Gen. E. Ironside: 1920–1922. London. 1972. С. 177–178.

Заключение

Подводя итоги анализу основных направлений, форм и методов британской политики в Иране в рассматриваемый период, когда, с одной стороны, наблюдалось резкое обострение борьбы между ведущими мировыми державами за передел мира, а с другой — усиление революционного движения и рост освободительных движений в ряде стран Востока, представляется целесообразным вкратце остановиться на ее основных аспектах и непосредственных результатах, так как они явились суммированным выражением английской политики в странах Ближнего Востока в начале XX века.

Богатые материалы российских архивов и опубликованные материалы российских и британских архивов свидетельствуют, что важнейшую роль в закабалении Ирана играла Англия. Навязанные на протяжении XIX в. династии Каджаров неравноправные договоры грубо нарушали суверенитет страны и заложили основу для установления капитуляционного режима, превращения Иран в полуколонию. Рост политической экспансии Англии, как и других развитых держав, послужил одной из причин ослабления центральной власти в стране, усиления политической анархии, оказал резко отрицательное воздействие на развитие иранского хозяйства. Этот процесс сопровождался быстрым ухудшением материального положения иранского населения. Последнее послужило базой для роста недовольства в стране, вылившегося в 1905 г. в революционное движение, охватившее самые широкие слои населения и направленного против ослабевшей монархии Каджаров и поддерживавших ее иностранных держав.

Обострение внутривнутриполитической ситуации в Иране, с одной стороны, и рост напряженности на международной арене, которое привело к Первой мировой войне, — с другой, послужили основными факторами, определившими конкретнее направления, формы и методы английской политики в Иране в первой четверти XX в.

Усиление размежевания на международной арене и создание двух противоборствующих военно-политических группировок оказало прямое воздействие на взаимоотношения Англии с Россией. В связи с этим в конце 1905 г. начинается период проведения «согласованной политики» Англии и России в Иране, что помимо международных факторов, обуславливалось необходимостью объединения усилий в борьбе с революционным движением. Однако «согласованный образ действий» проявился в основном в борьбе с конституционным движением в Иране и вмешательством «третьих держав». По остальным вопросам противоречия сохранялись. Правда оба правительства старались не доводить их до конфликтов.

Изучение основных аспектов политики Лондона в период иранской революции убедительно показывает, что непрекращающиеся попытки западной исторической науки выдать Англию за поборницу независимого и демократического развития Ирана и противопоставить британскую политику политике России являются несостоятельными. Англия, как и правящие круги России, были противниками освободительного и демократического движения.

Активное участие Уайтхолла в подавлении революционного движения находилось в полном несоответствии с многократными заявлениями британских официальных лиц о том, что основным принципом политики Великобритании в Иране являлось невмешательство в его внутренние дела. На самом деле же британская дипломатия активно применяла самые различные методы и средства вмешательства во внутренние дела Ирана, включая военную интервенцию. Многочисленные же заверения о соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела Ирана были рассчитаны на то, чтобы держать нейтралитет по отношению к сторонникам монархии.

Никак не согласуются с попытками западной исторической науки и официальных представителей Англии выдать себя за защитников демократического и независимого развития Ирана и те методы, которые применялись в Иране различными британскими службами, использовавшими здесь богатый опыт борьбы с освободительным движением, накопленный в Индии и других коло-

ниях Британской империи. Арсенал этих методов включал, как показывает анализ поставленных проблем, прямое военное насилие, военные демонстрации силы, оккупацию отдельных районов страны, использование британских войск для разгрома демократического движения и т. п., а также оказание давления по дипломатическим каналам, подкуп должностных лиц, вооружение южных племен и использование их для давления на шахское правительство и для борьбы с демократическим движением. Что же касается время от времени демонстративной поддержки английскими властями конституционного движения в Иране, то ее следует оценивать как попытку использовать это движение для борьбы с влиянием России в Иране и других колониальных и полуколониальных странах, например, в Афганистане. Этот далеко не новый метод использования националистических, революционных или национально-освободительных движений для борьбы против своих соперников в колониальных странах.

Эти и многие другие методы используются и в наши дни различными западными державами, прежде всего США, для дестабилизации ситуации в различных странах Востока и не только.

Истинное лицо Англии, как «поборницы демократического и независимого развития Ирана», отчетливо проявилось на примере заключения 18/31 августа конвенции 1907 г. между Россией и Англией о разделе Ирана на сферы влияния. Проект этого соглашения был разработан британским правительством и принят по его инициативе. Это соглашение в значительной мере послужило базой для расширения британской экспансии и впоследствии для оккупации Ирана британскими войсками.

Заявления правительства в Лондоне о его поддержке создания нового демократического Ирана вступали в резкое противоречие и с деятельностью английских властей в южных районах страны. В этих районах британские войска подавляли конституционное движение и, используя помощь зависимых от них местных племен, фактически присвоили себе прерогативу верховной власти.

С подавлением революционного движения в Иране политическая и экономическая экспансия Англии еще более усилилась. Этому способствовало в известной мере и ослабление противодействия России, заинтересованной в экономической поддерж-

ке Англии и в заключении с ней военно-политического союза. В результате, международный фактор, оказавший прямое воздействие на позицию России, а также подавление революционного движения обеспечили важные предпосылки для дальнейшего усиления влияния Англии на высшие государственные органы власти в Иране.

Наиболее важным последствием политики британского империализма в Иране в предвоенные годы было то, что Великобритания (опираясь на заключенную по ее инициативе 18/31 августа Конвенцию о разделе Ирана, Афганистана и Тибета на сферы влияния) создала в южных районах Ирана своеобразное «государство в государстве». В дальнейшем правящие круги Великобритании немалого раздвинули его пределы. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что рассматриваемый период британские монополии приступили в Хузестане к интенсивной эксплуатации нефтяных месторождений и значительная часть территории Ирана на длительный срок фактически вышла из-под контроля иранского правительства. Хузестан был превращён в центр британской нефтяной империи, источник прибылей английских монополий и базу для вмешательства во внутренние дела Ирана.

Заключение соглашения от 20 июня 1914 г. между британским адмиралтейством и АПНК, в соответствии с которым нефтяные месторождения перешли под контроль правительства Англии, оказало огромное политическое и экономическое влияние на весь комплекс мероприятий Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке, а также на развитие стран этого региона.

В итоге Иран (поскольку британское правительство вносило ему в виде концессионных платежей лишь незначительную часть доходов, полученных от эксплуатации национальных богатств Ирана), потерял огромные суммы иностранной валюты, которые могли бы быть использованы на нужды экономического и социального развития страны. В то же время превращение территории АПНК в область, которая фактически не подлежала юрисдикции центральных властей наносило серьезные ущерб политическому престижу иранского государства и было прямым нарушением и ограничением политического суверенитета страны.

Государственный переворот в России в октябре 1917 г. и отказ правительства Совнаркома под руководством В. Ульянова (Ленина) от всех внешнеполитических договоров Российской империи привел к тому, что Великобритания к концу I мировой войны резко усилила свои позиции в Иране. Используя ситуацию в свою пользу Лондон заключил Англо-персидское соглашение 9 августа 1919 г., ставшее кульминационной точкой в отношениях между странами. В случае его имплементации Иран де факто превращался в британский протекторат.

Политика Москвы в 1919–1920 гг. по распространению революционных большевистских идей, имела одним из своих следствий развитие национальных и национально-освободительных движений и настроений в Иране, сделав ратификацию англо-персидского договора Меджлисом невозможной.

Развернувшееся в Иране под влиянием революционных событий в России революционное движение стало основной причиной тех сдвигов во внешней политике Ирана, которые привели к заключению 26 февраля 1921 г. дружественного договора с Советской Россией, а последовавшее расширение ирано-советских политических, экономических, культурных и иных связей заложило прочную основу для укрепления независимости Ирана, а также определенной стабилизации его экономической жизни. Эти события продиктовали Лондону необходимость изменить формы и методы английской политики в Иране.

В условиях политического хаоса, роста большевистского влияния и реальной опасности дезинтеграции Ирана Уайтхолл отказался от прямого давления на руководство в Тегеране и поддержал Реза-хана в осуществлении переворота 21 февраля 1921 г. Таким образом, английское правительство, не сумев поставить страну под свой полный контроль, сохранило наиболее значимые позиции в Персии.

Несмотря на то, что правительство в Тегеране в день заключения советско-иранского договора 26 февраля 1921 г. объявило о денонсации англо-персидского соглашения 1919 г., Великобритания и после этого продолжала оставаться основным внешнеполитическим и внешнеэкономическим актором в Иране. Шахин-шахский банк по-прежнему занимал доминирующее положение

в персидских финансах, выполняя функции государственного банка Персии, а АПНК по-прежнему осуществляла свою деятельность. Эта ситуация впоследствии неоднократно вызывала антианглийские выступления. Наиболее серьёзным из них был англо-иранский конфликт в 1932–1933 гг., когда АПНК вчетверо сократила сумму, причитавшихся Ирану отчислений. Своей кульминации, как известно, эти выступления достигли накануне и в период правления кабинета М. Мосаддека в 1951–1953 гг.

Список источников и литературы

Источники

Неопубликованные источники

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

- АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 531.
- АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 532.
- АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 533.
- АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 535.
- АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 536.
- АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 537.
- АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 539.
- АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 3973.
- АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 3974.
- АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 914.
- АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 3916.
- АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 911.
- АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 3837.
- АВПРИ, ф. «Персидский стол», д. 3935
- АВПРИ, ф. «Среднеазиатский стол», о. 485, д. 15.
- АВПРИ, ф. «Канцелярия МИД», Отчет МИД за 1902 г.
- АВПРИ, ф. «Канцелярия МИД», Отчет МИД за 1903 г.
- АВПРИ, ф. «Канцелярия МИД», Отчет МИД за 1904 г.
- АВПРИ, ф. «Канцелярия МИД», Отчет МИД за 1905 г.
- АВПРИ, ф. «Канцелярия МИД», Отчет МИД за 1906 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (ЦГИА СПб)

- ЦГИА СПб, ф. 1276, о. 3, д. 697.
- ЦГИА СПб, ф. 1276, о. 3, д. 698.
- ЦГИА СПб, ф. 1276, о. 3, д. 700.
- ЦГИА СПб, ф. 1276, о. 3, д. 701.
- ЦГИА СПб, ф. 1276, о. 3, д. 702.

ЦГИА СПб, ф. 1276, о. 3, д. 703.

ЦГИА СПб, ф. 23, о. II, д. 444.

ЦГИА СПб, ф. 23, о. II, 448.

ЦГИА СПб, ф. 23, о. II, 109.

ЦГИА СПб, ф. 23, о. II, д. 325.

ЦГИА СПб, ф. 23, о. II, д. 303.

ЦГИА СПб, ф. 23, о. II, д. 678.

ЦГИА СПб, ф. 23, о. II, д. 445.

Опубликованные документы

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1879–1914 гг. М., 1931–1940 Серии 2–3.

Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Вып. 1–4, СПб. 1911–1913.

Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 512,52. СПб., 1893.

Сборник консульских донесений, год шестой. Вып. 2, СПб., 1900.

Сборник консульских донесений, год шестой. Вып. 5, СПб., 1903.

Сборник консульских донесений, год десятый. Вып. 2, СПб., 1907.

Ю. В. Ключников и А. Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть 1, М., 1925
Зонненистраль-Пискорский А. А. Международные торговые договоры Персии. М., 1931.

Конвенция 18/31 августа 1907 г. между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана, Тибета. СПб., 1911.

Англо-русское соперничество в Персии 1890–1906 гг. «Красный архив», 1933, т. 1/56.

British Documents on the Origins of the War 1898–1914. Vol. 4, 5, 10/ L., 1924–1938.

Further Correspondence Respecting the Affairs of Persia. Presented to both Houses of Parliament by Command of His Majesty L., 1908–1914.

1909 — cd. 4581, cd. 4733

1910 — cd. 5120.

1911 — cd 5656.

1912 — cd. 6264,6105, 6104,6103.

1913 — cd. 7053, 6807.

Aitchinson C. U. Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighbouring Countries. Vol. XIII, Calcutta, 1933.

Hurewitz G. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record. Vol. I, 1536–1914. N.-Y., 1972.

Grey E. Speeches on Foreign Affairs 1904–1911. L., 1931.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Литература на русском языке

Алиев С. М. История Ирана XX в. М., 2004.

Арабаджян З. А. Иран в годы Первой мировой войны. М., 2021.

Арабаджян З. А. Неизвестные страницы Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране. М., 2021.

Ананьич Б. В. Из истории англо-русского соперничества в Персии накануне русско-японской войны. — «Ученые записки Ленинградского пединститута», 1958, т. 194

Ананьич Б. В. Российское самодержавие и вывоз капитала 1895–1914 гг. Л., 1975

Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики (1906–1910), М., 1961.

Бартольд В. В. Иран. Ташкент, 1926.

Берар В. Персия и персидская смута. СПб., 1912.

Богданов. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении. СПб., 1909.

Бобынин Н. Н. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля (1901–1923). Тифлис, 1923.

Бондаревский Г. Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец 19 — начало 20 века). М., 1968.

Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960.

- Гурко-Кряжин В. Краткая история Персии. М., 1925.
- Глухoded В. С. Проблемы экономического развития Ирана. М., 1968.
- Демин А. И. Иранская деревня. М., 1977.
- Жигалина О. И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX — начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990.
- Зиновьев И. А. Россия, Англия и Персия. СПб., 1912.
- Иванов М. С. Иранская революция 1905–1911 гг. М., 1957.
- Ирандуст. Персия вчера и сегодня. М. Л., 1927.
- История Ирана. М., 1977.
- Косоговский В. А. Из тегеранского дневника полковника Косоговского. М., 1960.
- Кулагина Л. М. Экспансия английского империализма в Иране в конце 19 — начале 20 века. М., 1981.
- Медведев А. И. Персия (военно-статистическое обозрение). СПб, 1909.
- Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иран (1914–1922) М., 1961.
- Остальцева А. Ф. Англо-русское соглашение 1907 г. Саратов, 1977.
- Очерки новейшей истории Ирана. М., 1956.
- Полищук А. И. Основные этапы исторического развития Ирана. М., 2014.
- Риттих П. А. Политико-статистический очерк Персии. СПб., 1896.
- Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.
- Сенченко И. П. Российская империя, Аравия и Персидский залив. СПб., 2018.
- Скифъ (Л. Н. Соболев). Персидский вопрос. М., 1912.
- Снесарев А. Е. Англо-русское соглашение М., 1908.
- Собоцинский Л. Персия. СПб., 1913.
- Тигранов Л. Ф. Из общественно-экономических отношений в Персии. СПб., 1885.
- Трубецкой В. В. Бахтиары. М., 1966.
- Элвелл-Саттон Л. П. Иранская нефть. М., 1956.

Литература на английском языке

- Ahmad I.* Anglo-Iranian Relations 1905–1919. N.-Y., 1974.
- Browne E. G.* The Persian Revolution of 1905–1909. Cambridge, 1910.
- British Foreign Policy under Sir E. Grey.* Ed. By F. H. Hinsley. Cambridge, 1977
- The Cambridge History of British Foreign Policy.* Vol. III, L., 1923.
- Churchill R. P.* Anglo-Russian Convention of 1907. IOWA, 1939.
- Curzon G. N.* Persia and the Persian Question. L., 1892.
- Curzon G. N.* Persian Autonomy. L., 1911.
- Grey E.* Twenty-five Years 1892–1916. L., 1925.
- Fatemi N. S.* Oil Diplomacy. N.-Y., 1954.
- Frazer D.* Persia and Turkey in Revolt. L., 1910.
- Kazemzadeh F.* Russia and Briyain in Persia 1864–1914. New Haven, 1968.
- Lowe and Dockwill M. L.* The Mirage of Power. British Foreign Policy 1902–1914. Vol. I, L., 1972.
- Nazem H.* Russia and Great Britain in Persia 1900–1914. Tehran, 1975.
- Mc Daniel R. A.* The Shuster's Mission and the Persian Constitutional Revolution. Minneapolis, 1974.
- Ramazani R.* The Foreign Policy of Iran. A Developing Nation in World Affairs 1500–1941. Charlottensville, 1966.
- Sykes P.* The History of Persia. L., 1930.
- Wilson A. S. W.* Persia: A political Officer's Diary. 1907–1914. L., 1942.

Приложения

1. REUTER CONCESSION FOR THE IMPERIAL BANK OF PERSIA 30 JANUARY 1889

Цитируется по: J. Hurewitz. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record. Vol. I. 1536–1914. N.-Y., 1975. P. 458–461

Art. 1. By the present concession the Government of His Imperial Majesty the Shah of Persia grants to Baron Julius de Reuter and his associates or representatives the right to found a state bank in the Persian Empire under the name of Imperial Bank of Persia. This right is granted for a period of sixty years from the date of signature of the present concession by His Imperial Majesty the Shah. The seat of the association and the residence of the Bank shall be established at Tehran, and the Bank may establish branches in other cities in Persia or abroad. In order to develop Persia's commerce and augment its wealth, the Imperial Bank, aside from the purposes that an institution of credit serves, may undertake on its own behalf of a third [party], any kind of financial, industrial, or commercial endeavor it believes favorable to this end, on condition that none of these enterprises shall be contrary to the treaties, laws, customs, or religion of the country and that the Persian Government shall be informed in advance. The Imperial Government shall not have the right to accept a mortgage, or to buy immovable [property such as] lands, villages, etc., in the territory of the Empire, with the exception of land needed for the construction of a suitable establishment in Tehran and branches in the provinces. It is equally forbidden for the Bank to discount or to make advances on Government drafts that shall not have drawn on the Bank.

Art. 2. The capital of the Imperial Bank shall be 100 million francs, or £4 million sterling. Consequently, a certain number of securities may be created that the Bank shall issue in series. The Bank shall be considered established when the first series of 25 million francs, or

£ 1 million sterling, has been subscribed. The subscription shall be opened in various capitals, such as Tehran, Berlin, London, Paris, Saint Petersburg, and Vienna, if the governments of the several Powers permit it. The securities shall be [payable] to the bearer and the Bank may also issue registered securities. The Bank, when it is judged advantageous, may augment its capital and the number of its securities on agreement with the Government.

Art. 3. The Imperial Bank shall have the exclusive right as State Bank to issue notes payable to the bearer on demand. It shall never issue notes amounting to more than 20 million francs, or £800 thousand sterling, without informing the Persian Government. In order to further the development of public credit and place a limit on the circulation of silver money, while augmenting that of gold, the Imperial Bank accepts in principle the establishment of a standard based on the toman, but within ten years after the Bank's establishment the Government of His Imperial Majesty and the Directors of the Bank shall agree on the most proper ways and means to attain this end. However, taking into consideration the demands of the actual monetary situation, the issuance of Imperial Bank notes shall be based primarily on the silver kran.

These notes shall be accepted by all agents and employees of the Imperial Government and shall be [considered] legal tender in all transactions in Persia. However, should the Bank not be able to redeem one of these notes, the circulation of the Bank notes shall be forbidden throughout the Empire and the Bank shall be forced to redeem all its notes. To guarantee this reimbursement, the Bank expressly promises to maintain for two years from the time it begins its operations a cash balance equal to half [the value] of its notes in circulation, and after this period of two years, equal to at least one-third. The difference between the cash balance in specie and the amount of the notes issued shall be guaranteed by the titles to movable and immovable valuables belonging to the bank and deposited in its coffers in Persia.

The Imperial Bank shall be obligated to pay its notes on sight at the place of their issuance. Nevertheless, its branches' notes may be reimbursed in Tehran. The bank notes shall be in the Persian language. Paper money (of denominations) less than two tomans may not be issued without the authorization of the Government. The

bank notes shall carry a sign or stamp indicating their inspection by the Persian Government and shall be signed by a Director or Administrator and by the principal cashier of the establishment where they were issued.

The Government of His Imperial Majesty the Shah pledges not to issue any sort of paper money for the duration of this concession nor to authorize the creation of any other bank or establishment having similar privileges.

Art. 4. The Imperial Government does not guarantee the capital of the Bank. It may, if it wishes, subscribe to it or promote the subscription of Persian subjects to the amount of one-fifth of the capital called for, or [it may choose not to] participate in any way.

The division of the capital into securities, the number and value of bank notes conforming to the provisions of Article 3 of the present instrument, the organization and administration of the Bank, the nomination of managers and employees of the Bank in Persia or abroad, and the financial management of the Bank with the profits that it may make or the losses it may suffer shall be entirely in the hands of the concessionaire and his associates or representatives, at their risk and peril.

The Government of His Imperial Majesty the Shah shall exercise its high surveillance on the Bank by appointing an Imperial High Commissioner. This High Commissioner shall have the right to acquaint himself with the management of the Bank and to see that the affairs of the Bank are conducted in conformity with this instrument of concession. He shall officially attend General Meetings as well as gatherings of the Council of Administration at Tehran whenever invited. He shall control the issuance of bank notes with strict observance of the provisions of Article 3 of the present concession. He shall supervise relations between the Bank and the Imperial Treasury. He may not interfere with the administration and management of the Bank's affairs and his duties shall not impose any responsibility on the Imperial Government.

Art. 5. The purpose of [establishing] this Bank as a national institution being the public welfare and the welfare of the State, the Government of His Imperial Majesty grants it the military protection indispensable to the security of its principal seat and branches.

The Government as protector of the enterprise shall facilitate, wherever possible, the acquisition of necessary lands and sites upon which the Bank shall establish its principal seat and branches, intervening equitably between [the Bank] and the landowners. The Bank, its premises and branches, shall be entirely exempt from any kind of tax or duty. The same shall be true for its securities, notes, receipts, and checks and for all documents emanating from it on its affairs and transactions. But if the Imperial Government should introduce a stamp tax the Bank shall not accept any bill of exchange or other instrument circulating in Persia without a State stamp.

Art. 6. The Imperial Bank shall facilitate the payments of the Imperial Treasury in Persia or abroad. For each service the Government demands of [the Bank] the Government and the Bank's Directors shall mutually determine the commission to be paid to the bank. After its establishment and the payment of its capital, the Imperial Bank undertakes to lend the Government of His Imperial Majesty the Shah for a period of ten years the sum of 1 million francs, or £40 thousand sterling, at an [interest] rate of 6 percent. The interest and amortization, shall, according to His Imperial Majesty's wishes, be deducted from 6 percent of the Bank's net profits assured to the Government by Article 7 of the present instrument. Moreover, the Bank, after its establishment, shall also place itself at the disposal of the Imperial Government for all loans or advances that [the Imperial Government] may need, against such collateral as may be agreed upon in each case by the Imperial Government and the Bank. Otherwise, these advances or loans shall be considered an equivalent guarantee for the sum of the notes issued. The Government shall repay these loans or advances within a period specified by the respective conventions. The total interest shall be discharged regularly at the end of each Persian fiscal year, to wit, on 20 Mach. The first of these advances above the aforementioned sum of 1 million francs shall be 5 million francs, or £200,000 sterling, at the current rate of exchange, i. e., at the rate of 8 percent.

Art. 7. At the end of each Persian fiscal year, on 20 March, the Imperial Bank must turn over to the Government of His Imperial Majesty the Shah, or transfer to his credit, 6 percent of the annual net profits. Should this share of the profits, fixed at 6 percent, not

reach an annual sum of 100 thousand francs, or £4 thousand sterling, the Bank must furnish the balance, charging it [alone] or the total sum to its trade expenses without the right of any deduction whatsoever in the said share of profits resulting from the balance sheet of the following year.

Art. 8. The guarantee of £40 thousand sterling that was deposited in 1872 in the Bank of England by Baron Julius de Reuter shall serve the Persian Government as a guarantee for the establishment of the Imperial Bank. The day after its establishment, the Persian Government shall return to the said Baron the aforementioned sum of £40 thousand sterling. If the Imperial Bank is not founded within a period of nine months from His Imperial Majesty's signature of the present instrument, the said guarantee shall fall to the Persian Government, and the present concession shall be considered null and void [non avenues] unless a war erupts in Europe between the Great Powers or Persia finds itself engaged [in war] or in any other situation [caused by] an act of God.

Art. 9. At the moment of the establishment of the Imperial Bank, its principal Administrators shall publish the statutes by which the Bank is to be regulated. These statutes must conform strictly to the stipulations of the present concession. After the establishment of the Bank the said statutes may be modified only by the decision of a General Assembly of stockholders, who in any modifications must always respect the stipulations of the present instrument.

Art. 10. The Imperial Bank shall be under the high protection of His Imperial Majesty the Shah and of his Government for the exercise and maintenance of the rights granted to it by the present concession, and [the Bank] pledges to respect the general laws of the country in their entirety. Should a dispute arise between the Persian Government and the Bank or between the Bank or between the Bank and individuals, the two parties shall each choose one or two arbitrators and the decision of these arbitrators shall be final. Should the votes be split, the said arbitrators shall name a referee to judge in the last instance.

Art. 11. The Imperial Bank being ready immediately to undertake the sacrifices necessary to employ the resources of the country for the exploitation of its natural wealth, the Persian Government grants to the said Bank, for the entire duration of the present concession,

the exclusive and definitive privilege to exploit throughout the Empire mines of iron, copper, lead, mercury, coal, petroleum, manganese, borax, [and] asbestos [that] belong to the State and [have] not previously [been] ceded to other [parties]. As an annex to the concession the Persian Government shall give Baron de Reuter an official list of the mines already granted, on the day the present [instrument] is signed. [Since] mines of gold, silver, and precious stones, etc., belong exclusively to the State, [any] Bank engineers who [should] discover them shall be obliged immediately to inform the Government of His Imperial Majesty the Shah. Except for indispensable engineers and foremen, all the minor laborers that the Bank may engage shall be chosen from among the subjects of His Imperial Majesty the Shah. The Persian Government shall, by all means in its power, aid the Bank to procure labor at the price prevailing in the country. All mines that the Bank may not have begun to exploit ten years from its establishment shall be considered abandoned and the State may dispose of them without the concessionary Bank being able to [oppose its actions].

Art. 12. The land necessary for the exploitation of these mines and the establishment of a means of communication with the nearest and most rapid lines of transport shall be given to the Imperial bank from State lands. The Imperial Government shall aid the Bank by all the means in its power to deal with individual landowners in the most favorable conditions, should there be any along the said road of communications. The materials necessary for the exploitation shall enter Persia without any duty whatsoever. The lands and buildings of the said exploitations shall be free of all duties and taxes.

Art. 13. The Persian Government shall levy an annual premium of 16 percent on the net profits of all mines exploited by the Imperial Bank. At the expiration of the term of the present concession the lands exploited by the mines, with their buildings, offices, and material, shall be returned to the Persian Government according to the general rules followed by the Powers who have stipulated the most favorable conditions in this matter.

Art. 14. In return for the rights guaranteed to him by the present contract, Baron Julius de Reuter formally and completely renounces without reserve all other rights and privileges that had been granted

him by the previous concession of 25 July 1872 [which is] annulled by the present [instrument]...

2. THE D'ARCY CONCESSION AGREEMENT MAY 29, 1901

Перевод с французского языка цитируется по: J. Hurewitz. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record. Vol. I 1536–1914. N.-Y., 1975. P. 249–251.

Between the Government of His Imperial Majesty the Shah of Persia of the one part and William Knox D'Arcy of independent means residing I London at No.42 Grosvenor Square (hereinafter called "the Concessionaire") of the other part. The following has by these presents been agreed on and arranged, viz.:

Art. 1. The Government of His Imperial Majesty the Shah grants to the Concessionaire by these presents a special and exclusive privilege to search for, obtain, exploit, develop, render suitable for trade, carry away and sell natural gas, petroleum, asphalt and ozokerite throughout the whole extent of the Persian Empire for a term of 60 years as from the date of these presents.

Art. 2. This privilege shall comprise the exclusive right of laying the pipelines necessary from the deposits where there may be found one or several of the said products up to the Persian Gulf, as also the necessary distributing branches. It shall also comprise the right of constructing and maintaining all and any wells, reservoirs, stations and pump services, accumulation services and distribution services, factories and other works and arrangements that may be deemed necessary.

Art. 3. The Imperial government grants gratuitously to the Concessionaire all uncultivated lands belonging to the State, which the Concessionaire's engineers may deem necessary for the construction of the whole or any part of the abovementioned works. As for cultivated lands belonging to the State, the Concessionaire must purchase them at the fair and current price of the province.

The Government also grants to the Concessionaire the acquiring all and any other lands and buildings necessary for the said purpose, with the consent of the proprietors, on such conditions as may be arranged between him and them without their being allowed to make

demands of the nature to surcharge the prices ordinarily current for lands situate in their respective localities.

Holy places with all their dependencies within a radius of the 200 Persian archines are formally excluded.

Art. 4. As three petroleum mines situate at Schouster, Kassre-Chirine, in the Province of Kermanschahan, and Daleki, near Bouchir, are at present let to private persons and produce an annual revenue of two thousand tomans for the benefit of the Government, it has been agreed that the tree aforesaid manes shall be comprised in the Deed of Concession in conformity with Article I, on condition that, over and above the 16 per cent mentioned in Article XX, the concessionaire shall pay every year the fixed sum of (two thousand) tomans to the Imperial Government.

Art. 5. The course of the pipe-lines shall be fixed by the concessionaire and his engineers.

Art. 6. Notwithstanding what is above set forth, the privilege granted by these presents shall not extend to the provinces of Azerbaijan, Ghilan, Mazendaran, Astrabad and Khorassan, but on the express condition that the Persian Imperial Government shall not grant to any other person the right of constructing a pipe-line to the southern rivers or to the South Coast of Persia.

Art. 7. All lands granted by these presents to the concessionaire or that may be acquired by him in the manner provided for in Articles III and IV of these presents, as also all products exported, shall be free of all imposts and taxes during the term of the concession. All material and apparatuses necessary for the exploration, working and development of the deposits, and for the construction and development of the pipe-lines, shall enter Persia free of all taxes and Custom-house duties.

Art. 8. The concessionaire shall immediately send out to Persia and at his own cost one or several experts with a view to their exploring the region in which there exist, as he believes, the said products, and, in the event of the report of the expert being in the opinion of the concessionaire of a satisfactory nature, the latter shall immediately send to Persia and at his own cost all the technical staff necessary, with the working plant and machinery required for boring and sinking wells and ascertaining the value of the property.

Art. 9. The Imperial Persian Government authorizes the concessionaire to found one or several companies for the working of the concession.

The names' "statutes" and capital of the said companies shall be fixed by the concessionaire, and the directors shall be chosen by him on the express condition that, on the formation of each company, the concessionaire shall give official notice of such formation to the Imperial Government, through the medium of the Imperial Commissioner, and shall forward the "statutes", with information as to the places at which such company is to operate.

Such company or companies shall enjoy all the rights and privileges granted to the concessionaire, but they must assume his engagements and responsibilities.

Art. 10. It shall be stipulated in the contract between the concessionaire, of the one part, and the company, of the other part, that the latter is, within the term of one month as from the date of the formation of the first exploitation company, to pay the Imperial Persian Government the sum of £20,000 sterling in cash, and an additional sum of £200,000 sterling in paid up shares of the first company founded by virtue of the foregoing article. It shall also pay the said Government annually a sum equal to 16 per cent of the annual net profits of any company or companies that may be formed in accordance with the said article.

Art. 11. The said Government shall be free to appoint an Imperial Commissioner, who shall be consulted by the concessionaire and the directors of the companies to be formed. He shall supply all and any useful information at his disposal, and he shall inform them of the best course to be adopted in the interest of the undertaking. He shall establish, by agreement with the concessionaire, such supervision as he may deem expedient to safeguard the interests of the Imperial Government.

The aforesaid powers of the Imperial Commissionaire shall be set forth in the "statutes" of the companies to be created.

The concessionaire shall pay the Commissioner thus appointed an annual sum of £1,000 sterling for his services as from the date of the formation of the first company.

Art. 12. The workmen employed in the service of the company shall be subject to His Majesty the Shah, except the technical staff, such as managers, engineers, bores and foremen.

Art. 13. At any place in which it may be proved that the inhabitants of the country now obtain petroleum for their own use, the company must supply them gratuitously with the quantity of petroleum that they themselves got previously. Such quantity shall be fixed according to their own declarations, subject to the supervision of the local authority.

Art. 14. The Imperial Government binds itself to take all and necessary measures to secure the safety and the carrying out of the object of this concession of the plant and of the apparatuses, of which mention is made, for the purposes of the undertaking of the company, and to protect the representatives, agents and servants of the company. The Imperial Government having thus fulfilled its engagements, the concessionaire and the companies created by him shall not have power, under any pretext whatever, to claim damages from the Persian Government.

Art. 15. On the expiration of the term of the present concession, all materials, buildings and apparatuses then used by the company for the exploitation of its industry shall become the property of the said Government, and the company shall have no right to any indemnity in this connection.

Art. 16. If within the term of two years as from the present date the concessionaire shall not have established the first of the said companies authorized by Article IX of the present agreement, the present concession shall become null and void.

Art. 17. In the event of their arising between the parties to the present concession any dispute or difference in respect of the interpretation or the rights or responsibilities of one or the other of the parties therefrom resulting, such dispute or difference shall be submitted to two arbitrators at Tehran, one of whom shall be named by each of the parties, and to an umpire who shall be appointed by arbitrators before they proceed to arbitrate. The decision of the arbitrators or, in the event of the latter disagreeing, that of the umpire shall be final.

Art. 18. This Act of Concession, made in duplicate, is written in French language and translated into Persian with the same meaning.

But in the event of there being any dispute in relation to such meaning, the French text shall alone prevail.

(Signed) William Knox D'Arcy, by his Attorney,

(Signed) Alfred L. Marriot.

Certified that the writing in Persian and French languages on this and the proceeding seven pages were registered in the Archives (Register Book) of H. M.'s Legation Tehran, on pages 117 to 124, on the 5th June 1901.

3. КОНВЕНЦИЯ 18/31 АВГУСТА 1907 Г. МЕЖДУ РОССИЕЙ И АНГИЕЙ ПО ДЕЛАМ ПЕРСИИ, АФГАНИСТАНА И ТИБЕТА

Цитируется по: Конвенция 18/31 августа 1907 года между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета. СПб. 1911.

Его Величество Император Всероссийский и Его Величество Король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и Британских территорий за морями, Император Индии, воодушевленные искренним желанием уладить по взаимному согласию различные вопросы, касающиеся интересов Их Государств на Азиатском материке, решили заключить соглашения, предназначенные предупреждать всякий повод к недоразумениям между Россией и Великобританией в отношении сказанных вопросов, и назначили с этой целью своими соответственными уполномоченными — а именно:

Его Величество Император Всероссийский:

Гофмейстера Своего Двора Александра Извольского, Министра иностранных дел,

Его Величество Король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и Британских территорий за морями, Император Индии:

Достопочтенного Сэра Артура Никольсона, Своего Чрезвычайного и Полномочного Посла при Его Величестве Императоре Всероссийском, которые, сообщив друг другу свои полномочия,

найденные в доброй и надлежащей форме, условились о нижеследующем:

СОГЛАШЕНИЕ, КАСАЮЩЕЕСЯ ПЕРСИИ

Правительства России и Великобритании, взаимно обязавшись уважать целость и независимость Персии и желая искренне сохранения порядка на всем протяжении этой страны и ее мирного развития, равно как и постоянного установления одинаковых преимуществ для торговли и промышленности всех других народов;

принимая во внимание, что каждое из них имеет, по причинам географического и экономического свойства, специальный интерес в поддержании мира и порядка в некоторых провинциях Персии, смежных или соседних с русской границей, с одной стороны, и с границами Афганистана и Белуджистана, с другой; и желая избежать всякого повода к столкновению между их взаимными интересами в персидских провинциях, о которых было упомянуто выше;

согласились о нижеследующих положениях:

I

Великобритания обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу британских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий политического или торгового свойства, как то: концессии железнодорожные, банковские, телеграфные, дорожные, транспортные, страховые и т. д. — по ту сторону линии, идущей от Касри-Ширина через Исфаган, Иезд, Хакк и оканчивающейся в точке на персидской границе при пересечении границ русской и афганской, и не противиться, ни прямо, ни косвенно, требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемым российским правительством. Считается, конечно, условленным, что местности, упомянутые выше, входят в область, где Великобритания обязуется не домогаться вышесказанных концессий.

II

Россия со своей стороны обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу российских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий политического или торгового свойства, как то: концессии железнодорожные, банковские, телеграфные, дорожные, транспортные, страховые и т. д. — по ту сторону линии, идущей от афганской границы через Газик, Бирджанд, Керман и оканчивающейся в Бендер-Аббасе, и не противиться, ни прямо, ни косвенно, требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемых британским правительством. Считается, конечно, условленным, что местности, упомянутые выше, входят в область, где Россия обязуется не домогаться вышесказанных концессий.

III

Россия обязуется со своей стороны не противиться, не уговорившись предварительно с Англией, тому, чтобы какие-нибудь концессии были выдаваемы британским подданным в областях Персии, расположенных между линиями, упомянутыми в статьях I и II.

Великобритания принимает тождественное обязательство в том, что касается концессий, могущих быть выданными русским подданным в тех же областях Персии.

Все концессии, существующие ныне в областях, указанных в статьях I и II, сохраняются.

IV

Условлено, что доходы всех персидских таможен, за исключением таможен Фарсистана и Персидского залива, доходы, обеспечивающие погашение и проценты по займам, заключенным правительством шаха в Учетно-ссудном банке Персии до дня подписания настоящего соглашения, будут обращаемы на тот же предмет, что и в прошлом.

Равным образом условлено, что доходы персидских таможен Фарсистана и Персидского залива, равно как и доходы рыбных ловель на персидском побережье Каспийского моря, а также почт и телеграфов, будут обращаемы, как и в прошлом, на платежи по

займам, заключенным правительством шаха у персидского шахиншахского банка до дня подписания настоящего соглашения.

V

В случае неисправностей в погашении или уплате процентов по персидским займам, заключенным в Учетно-ссудном банке Персии и в персидском шахиншахском банке до дня подписания настоящего соглашения, и если представится необходимость для России установить контроль над источниками доходов, обеспечивающими правильное поступление платежей по займам, заключенным в первом из сказанных банков, и расположенными в области, упомянутой в статье II настоящего соглашения, или же для Великобритании установить контроль над источниками доходов, обеспечивающими правильное поступление платежей по займам, заключенным во втором из сказанных банков, и расположенными в области, упомянутой в статье I настоящего соглашения, — правительства российское и английское обязуются войти предварительно в дружественный обмен мыслей в видах определения по взаимному согласию означенных мер контроля и избежания всякого вмешательства, которое не было бы согласно с принципами, служащими основанием настоящему соглашению.

КОНВЕНЦИЯ, КАСАЮЩАЯСЯ АФГАНИСТАНА

Высокие Договаривающиеся Стороны, в целях обеспечения совершенной безопасности на обоюдных границах Средней Азии и поддержания в этих областях прочного и продолжительного мира, заключили следующую конвенцию:

Статья 1

Правительство Его Британского Величества объявляет, что оно не имеет намерения изменять политическое положение Афганистана.

Правительство Его Британского Величества обязуется, кроме того, осуществлять свое влияние в Афганистане только в миролюбивом смысле, и оно не примет само в Афганистане и не будет поощрять Афганистан принимать меры, угрожающие России.

Со своей стороны Российское Императорское Правительство объявляет, что оно признает Афганистан находящимся вне сферы русского влияния; и оно обязуется пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредничеством Правительства Его Британского Величества; оно обязуется также не посылать никаких агентов в Афганистан.

Статья 2

Так как Правительство Его Британского Величества объявило в договоре, подписанном в Кабуле 21 марта 1905 г., что оно признает соглашение и обязательства, заключенные с покойным эмиром Абд-ур-Рахманом, и что оно не имеет никакого намерения вмешиваться во внутреннее управление афганской территорией, Великобритания обязуется не присоединять или занимать, в противность сказанному договору, какой-либо части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление этой страной, с оговоркой, что эмир выполнит обязательства, уже принятые им по отношению к Правительству Его Британского Величества в силу вышеупомянутого договора.

Статья 3

Русские и Афганские власти, особо к тому назначенные, на границе или в пограничных провинциях, могут установить непосредственные взаимные сношения, чтобы улаживать местные вопросы неполитического характера.

Статья 4

Правительства России и Великобритании объявляют, что они признают по отношению к Афганистану принцип торгового равноправия и соглашаются в том, что все облегчения, которые были или будут приобретены впредь для торговли и торговцев английских и англо-индийских, будут равным образом применяемы к торговле и торговцам русским. Если развитие торговли укажет на необходимость в торговых агентах, оба Правительства условятся о мерах, какие следует принять, взяв, конечно, во внимание верховные права эмира.

Статья 5

Настоящие соглашения войдут в силу лишь с момента, когда британское правительство заявит российскому правительству о согласии эмира на условия, выше постановленные.

СОГЛАШЕНИЕ, КАСАЮЩЕЕСЯ ТИБЕТА

Правительства России и Великобритании, признавая сюзеренные права Китая над Тибетом и принимая во внимание, что вследствие своего географического положения Великобритания имеет специальный интерес в том, чтобы видеть существующий порядок внешних сношении Тибета сохраненным полностью, условились о нижеследующем соглашении:

Статья 1

Обе Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются уважать территориальную целость Тибета и воздерживаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление.

Статья 2

Сообразуясь с признанным принципом сюзеренитета Китая над Тибетом, Россия и Великобритания обязуются сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства. Это обязательство не исключает, однако, непосредственных сношений английских коммерческих агентов с тибетскими властями, предусмотренных стат. 5 конвенции от 7 сентября 1904 года между Великобританией и Тибетом и подтвержденных конвенцией 27 апреля 1906 года между Великобританией и Китаем; оно не изменяет также обязательств, принятых на себя Великобританией и Китаем в силу статьи I сказанной конвенции 1906 года.

Считается, конечно, условленным, что буддисты, как русские, так и британские подданные, могут входить в непосредственные сношения, на почве исключительно религиозной, с Далай-Ламой и другими представителями буддизма в Тибете; правительства России и Великобритании обязуются, насколько от них будет зависеть, не допускать, чтобы эти сношения могли нарушить постановления настоящего соглашения.

Статья 3

Российское и Великобританское Правительства обязуются, каждая за себя, не посылать представителей в Лхассу.

Статья 4

Обе Высокие Стороны обязуются не домогаться или приобретать, ни за свой собственный счет, ни в пользу своих подданных, никаких концессий железнодорожных, дорожных, телеграфных и горных, ни других прав в Тибете.

Статья 5

Оба Правительства согласны в том, что никакая часть доходов Тибета, ни в натуре, ни деньгами, не может быть заложена или предоставлена, как России и Великобритании, так и их подданным.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СОГЛАШЕНИЮ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ, КАСАЮЩЕМУСЯ ТИБЕТА

Великобритания вновь подтверждает декларацию, — подписанную Его Превосходительством Вице-Королем и Генерал-Губернатором Индии и приложенную к ратификации конвенции 7 сентября 1904 года, — постановляющую, что занятие долины Чумби британскими силами прекратится по уплате трех ежегодных взносов вознаграждения в 25.00.000 рупий, под условием, чтобы рынки, упомянутые во II статье сказанной конвенции, были действительно открыты в течение уже трех лет и чтобы тибетские власти за этот период строго сообразовались во всех отношениях с постановлениями означенной конвенции 1904 года. Считается, конечно, условленным, что, если занятие долины Чумби британскими силами не прекратится по какой бы то ни было причине ко времени, предусмотренному вышеприведенной декларацией, Правительства Российское и Британское войдут в дружеский обмен взглядов по сему предмету.

Настоящая конвенция будет ратификована, и ратификации ее будут обменены в С.-Петербурге, как только это будет возможно.

В удостоверение чего соответственные Уполномоченные подписали настоящую конвенцию и приложили к ней свои печати.

Учинено в С.-Петербурге, в двойном экземпляре, 18/31 августа 1907 года.

ПОДПИСАЛИ:

ИЗВОЛЬСКИЙ

НИКОЛЬСОН

Того ради по довольном рассмотрении сей Конвенции, Мы приняли оную за благо, подтвердили и ратификовали, яко же сим за благо приемлем, подтверждаем и ратификуем во всем ея содержании, обещая Императорским Нашим словом за Нас, Наследников и Преемников наших, что все, в сей Конвенции поставленное, соблюдаемо и исполняемо будет ненарушимо.

В удостоверение чего Мы сию Нашу Императорскую Ратификацию собственноручно подписав, повелели утвердить Государственную Нашей печатью.

Дана в Риликс-Фиорде, Сентября седьмого дня, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот седьмое, Царствования же Нашего в тринадцатое.

На подлинном собственной Его Императорского Величества рукой написано:

«Николай»

**4. ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ БРИТАНСКИМ ПОСЛАНИКОМ
В ТЕГЕРАНЕ СЭРОМ ДЖ. БАРКЛАЕМ И ИРАНСКИМ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ОТНОСИТЕЛЬНО ОРГАНИЗАЦИИ
НА ТЕРРИТОРИИ ИРАНА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ПОД
КОМАНДОВАНИЕМ ОФИЦЕРОВ БРИТАНСКОЙ ИНДИЙСКОЙ
АРМИИ**

Цитируется по: Great Britain Parliament. Further Correspondence Respecting the Affairs of Persia. L., 1911. Cd. 5656. No. 178. P. 97–98.

Sir G. Barclay to Persian Government.
Tehran, October 14, 1910

M. le Ministre,

I have repeatedly drawn the attention of the Persian Government to the deplorable insecurity of the roads in Southern Persia.

Unfortunately, my representations have produced no result. So far from there being any improvement, the state of these roads is worse today than any time since the commencement of my mission in Persia. Robberies and outrages have become more and more frequent, and the principal channels through which British trade used to pass to the interior of the country are now practically closed by the depredations of tribesmen, who appear to be completely beyond the control of the central government.

I postpone for the moment dealing with numerous claims presented by this legation and His Majesty's consulates to the Persian government and the local authorities on account of outrages to British subjects and robberies of British goods on the roads in question.

Such claims, of which hardly one has been settled since I took up my post as His Majesty's Minister to Tehran, will, of course, as occasion offers, continue to be pressed upon the Persian Government and the local authorities, and their settlement will be exacted in due course.

I am now, however, principally concerned with the measures to be taken with a view to remedying a state of things which has at last become intolerable to His Majesty's Government, and I am instructed by His Majesty's Principal Secretary of State for Foreign Affairs to inform you that, unless by three months from now order has been restored to the satisfaction of His Majesty's Government upon the roads from Bushire to Shiraz And from Shiraz to Isfahan, which are the routes which have been marked by the most flagrant outrages and disorders, His Majesty's Government will be reluctantly compelled themselves to take such steps as may be necessary to secure the proper policing of these roads.

I may add that the measures contemplated in the first instance by His Majesty's Government, in the event of the Persian Government's failing to restore order within the period named, involves the organization for the policing of the roads in question of a local force of some 1,000 to 1,200 men levied and commanded by a number of British officers from the Indian Army. The expenses of this force would be met in part by a surcharge of 10 per cent on the customs duties on all goods imported at the southern ports, and in part from the revenues of the province of Fars, a sufficient portion of which, would

have to be paid over with the above-mentioned surcharge on the customs duties to the officer commanding the force.

I trust that this matter will receive the most earnest attention of the Persian Cabinet.

While thus warning the Persian Government of the consequence of a continuance of the present deplorable situation on the southern roads, I avail, and c.

G. Barclay.

Hussein Kuli Khan to Sir G. Barclay.

Tehran, October 21, 1910.

Цитируется по: Great Britain Parliament. Further Correspondence Respecting the Affairs of Persia. L., 1911. Cd. 5656. No. 199. P. 106–109.

Your Excellency,

Note has been taken of the purport of your Excellency's communication of the 10th Shavval, 1328 (A. H.) (14 October, 190), respecting the southern roads, and I now have the honour to say that his Majesty's Government, being well aware (of the fact), should therefore admit in what (a deplorable) condition the country was in when, after the decline of the former disturbances, the Persian Government last year took up the reins of Government, seeing that all the affairs and Government administrations — especially the finances — were in complete disorder, and that the foundations of security and public contentment were completely disturbed.

Though (the Government were) daily confronted with obstacles, such as the stay of bodies of foreign troops in the interior of the country — which causes public uneasiness, and is the pretext for incitement and intrigue on the part of persons who profited by the former disturbances — as well as other incidents, such as those at Karachidagh, Ardebil, Zenjan, Veramin, and c., which constantly occupied the Government forces at several points; from that date to this, the affairs of the country have, in many instances, improved and are improving.

But unfortunately, in certain places, the intrigues of persons who, for their own profit wish that the country should remain in the state of disturbance of the former regime, are still going on, as explained below, and have not entirely ceased. For instance, certain persons, af-

ter being guilty of sedition and intrigue, take refuge in various legations, and, availing themselves of the protection afforded to them, consider themselves exempt from exile, which is customary in the case of such refugees, and intrigue within and without the precincts of the legation. Others again, by methods the illegality of the majority of which has never been contested, such as proteges, considering themselves immune, do not recoil from any kind of incitement or sedition. In the same way others who pass among the people as Persian subjects, but in reality, relying on their foreign nationality, commit crimes with audacity and in complete confidence, and afterwards, declaring themselves to be foreign subjects, evade the jurisdiction of the Government. And also, persons undoubted Persian subjects, who by illegal means pretend they are foreign subjects. And then commit various kinds of sedition.

These conditions, which cause the utmost trouble to the Government, provoking disturbances in the country, and, furthermore, the continued stay of bodies of foreign troops, have encouraged some persons to reasonable consideration of a return of the former regime and give them unfounded hopes...

The Persian Government is of the opinion that the principal cause of this unfortunate state of affairs, apart from the reasons above stated, is the unfortunate impression caused by the stay of bodies of foreign troops and the financial straits and embarrassment of the Government, which is one of the consequences of the mismanagement and carelessness of the former regime.

If these unfortunate impressions and financial straits did not exist, the forces at present at the Government disposal would be sufficient for the maintenance of order, and the maintenance of order on the southern roads would present no difficulty in itself.

But, as mentioned above, it is because of financial straits and embarrassments that the Government has not been able to fulfil its principal aim, which is that of increasing security.

As in the reply of the Ministry of Foreign Affairs of the 26th Rabbi-ul-Avvel (A. H.) (7th April, 1910) it was brought to your Excellency's notice that the new Government, as soon as formed, had laid down in the program which they presented to the Medjliss that a portion of the advance and loan which they had in view should be devoted to

the increase of security on the roads. Consequently, the Minister of Finance and Foreign Affairs of that day entered into negotiations with your Excellency regarding an advance and loan.

The note of the 5th Sefer, 1328 (A. H.) (16th February, 1910), in answer to the efforts of the Persian government, contained conditions laid down by the British Government for that small advance, the acceptance of which would have been contrary to the independence of the kingdom, the maintenance of which is the primary duty of every Government. In view of these circumstances the Persian Government sought for other means of procuring funds. In the meantime, your Excellency's note of the 3th Rabbi-ul-Avvel, 1328 (A. H.) (16th March, 1910), regarding the International Syndicate, brought about discussions and exchanges of notes which caused delay in the obtaining of the fund necessary for the purpose of increasing security on the roads. At the same time, besides the fact that the discussions and exchange of notes have above mentioned created results which preoccupied the Persian Government, they brought about ideas among the public, the result of which in course of time had led to the situation referred to in your Excellency's recent note...

(L. S.) Hussein Kuli

Sir G. Barklay to Mohtashem-es-Sultaneh.

Tehran, January 21, 1911.

Цитируется по: Great Britain Parliament. Further Correspondence Respecting the Affairs of Persia. L., 1911. Cd. 6104. Encl. No 19. P. 10

M. le Ministre,

I did not fail to communicate to my Government the Vazir-Zadeh's note of the December, and I have been instructed to inform your Excellency that His Majesty's Government have learned with satisfaction that the Persian Government is taking special measures to restore order on the southern roads. Reports from His Majesty's consular officers show, however, that the diminution of robberies on the main route from Bushire to Shiraz which has characterized the past few weeks is due not so much to any arrangements so far made by Souletted-Dowleh for the guarding of the road, as to the unusual severity of the weather. Until therefore the execution of the measures decided

upon by the Persian Government has made more progress, His Majesty's Government are unable to judge whether these measures are likely to form an acceptable substitute for the scheme outlined in my note of the 14th of October.

Meanwhile, however, His Majesty's Government recognize in the Persian Government's decision to take these measures evidence that they are determined to do their utmost to restore order on the southern trade routes, and are therefore disposed to defer dressing their scheme on the Persian Government pending the results of the further development of the measures in question.

I am to state, however, that it must be clearly understood that His Majesty's Government will reconsider this expectant attitude in the event of a recrudescence of disorders on the Bushire-Isfahan Road, and that they reserve the right to insist on the engagement of British-Indian officers at any moment should His Majesty's government perceive that the measures taken by the Persian Government are not likely to suffice for the prompter-establishment of security.

With regard to the proposed customs surcharge, I am instructed to point out to your Excellency that the surcharge would be virtually a tax on British trade. His Majesty's Government consider the imposition of this additional burden, in the circumstances, justifiable as a temporary expedient if British officers are responsible to the Persian Government for the organization of the force, the cost of which the surcharge was designed to meet. They cannot, however, consent to it merely as a means of enabling the Persian Government to attempt to perform a duty which ought to be a fixed charge on the ordinary Persian revenues, without any guarantee that the attempt will be successful.

I avail, and c.

G. Barclay.

**5. СЕКРЕТНОЕ СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ,
с одной стороны, и Великобританией,
и Францией, с другой стороны, по вопросу
о проливах. Петроград, 19 февраля (4 марта) —
28 марта (10 апреля) 1915 года**

Цитируется по: Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России 1886–1938 1926 Москва: Изд. Литиздата Н. К. И. Д., 1925–1929 (Тип. «Красной газ.» им. Володарского)

I

**ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА САЗОНОВА НА ИМЯ ВЕЛИКОБРИТАНСКОГО
И ФРАНЦУЗСКОГО ПОСЛОВ ОТ 19 ФЕВРАЛЯ (4 МАРТА) 1915 ГОДА**

Ход последних событий приводит Его Величество императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть разрешен окончательно и сообразно вековым стремлением России.

Всякое решение будет недостаточным и непрочным в случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос — Мидия не будут впредь включены в состав Российской империи.

Равным образом, и в виду стратегической необходимости, часть азиатского побережья, в пределах между Босфором, рекой Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав империи.

Специальные интересы Франции и Великобритании в вышеупомянутом районе будут тщательно соблюдаться.

Императорское правительство льстит себя надеждой, что вышеприведенные соображения будут приняты сочувственно обоими союзными правительствами. Упомянутые союзные правительства могут быть уверены, что встретят со стороны имп. Правительства такое же сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам.

II

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА ВЕЛИКОБРИТАНСКОГО ПОСЛА БЬЮКЕНЕНА НА ИМЯ САЗОНОВА ОТ 27 ФЕВРАЛЯ (12 МАРТА) 1915 ГОДА

В случае, если война будет доведена до успешного окончания и, если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Османской империи, так и в других местах, как это указано в нижеупомянутом русском сообщении, правительство его Вел. Согласится на изложенное в памятной записке имп. Правительства... от 19 февраля (4 марта) сего года.

III

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА САЗОНОВА ВЕЛИКОБРИТАНСКОМУ ПОСЛУ ОТ 9/22 МАРТА 1915 ГОДА ¹

... Дв уже обещание касательно условий торговли в Проливах и Константинополе, имп. Правительство не видит препятствий к подтверждению своего согласия на установление: 1) свободы транзита через Константинополь товаров, ни следующих из России, ни идущих в Россию, а также 2) свободы прохода через Проливы коммерческих судов.

... Имп. Правительство вполне разделяет мнение великобританского правительства, что священные мусульманские места (Мекка и Медина) должны и впредь оставаться под независимым мусульманским владычеством... Со своей стороны, имп. Правительство считало бы весьма желательным отделение халифата от Турции. Свобода паломничества должна быть, конечно, вполне обеспечена.

Имп. Правительство подтверждает свое согласие на включение в английскую сферу влияния нейтральной зоны Персии. При том оно считает, однако справедливым выговорить, чтобы райо-

¹ Настоящая записка была адресована Сазоновым великобританскому послу в связи с тем, что одновременно с сообщением русскому правительству памятной записки от 27 февраля (12 марта) с согласием на аннексию Россией Константинополя Проливов, Англия памятной запиской от того же дня потребовала за это ряда компенсаций. Согласие России на последние, при известных условиях, и содержится в настоящем документе.

ны городов Исфагана и Йезда, составляющие с последними одно неразрывное целое, были закреплены за Россиею, в виду создавшихся там русских интересов.

Нейтральная зона ныне врезывается клином между русской и английской границей и подходит к самой русской границе у Зульфгара. Поэтому придется часть этого клина присоединить к русской сфере влияния.

Существенную важность представляет для имп. Правительства вопрос о железнодорожном строительстве в нейтральной зоне, каковой потребует дружественного обсуждения.

Имп. Правительство рассчитывает впредь на признание за ним полной свободы действий в отмежеванной ему сфере влияния, с предоставлением ему, в частности, права преимущественного развития в этой сфере его финансовых и экономических начинаний.

Наконец, имп. Правительство считает желательным одновременное разрешение и вопросов в сопредельном с Россией северном Афганистане, в смысле высказанных на этот счет императорским правительством пожеланий в предшествовавших в минувшем году переговорах.¹

IV

ВРБАЛЬНАЯ НОТА ФРАНЦУЗСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТРОГРАДЕ ОТ 28 МАРТА (10 АПРЕЛЯ) 1915 ГОДА

Правительство республики дает свое согласие на памятную записку... касающуюся Константинополя и Проливов, при условии, что война будет доведена до победного конца, и при условии осуществления Францией и Англией их планов на Востоке,

¹ Указанные переговоры велись весной 1914 года. Россия требовала: признания Афганистаном русско-английского соглашения 1907 года (часть 1 № 326); недопущения Англии в северном Афганистане иностранных предприятий или концессий; содействия к облегчению производства необходимых для России в пограничных частях Афганистана ирригационных работ; обязательства не допускать в пользу английских компаний монопольных прав по торговле и промышленности и обязательства не допускать в северном Афганистане железнодорожного строительства без соглашения с Россией. Взамен этого выражалась готовность признать специальные права Англии в Тибете. Издание ЛИТИЗДАТА Н.К.И.Д. М., 1926.

равно как и в других местах, как это сказано в русской памятной записке.

Примечание: о присоединении к этому соглашению Италии см. памятную записку от 6/19 ноября 1916 г.

6. CORRESPONDENCE BETWEEN FOREIGN OFFICE AND SHEIKH KHAZAL

Цитируется по: 'File29/6 British Relations with Khazal, Sheikh of Khorramshahr'
[Зг](5/28) URL: (дата обращения 07.03.2022)

Sir A. Hardinge to the Sheikh.
7th December, 1902 After compliments.)

I write to inform you, my honoured friend, of my return to Tehran from Europe and to enquire after your health.

It was a great disappointment to me that I was unable to visit you this spring, but, as you know, I was obliged to go to England instead. I hope, however, that it may be possible for me at no distant date to have the pleasure of making your personal acquaintance.

I was very glad to hear from Hajji Reis-ut-Tujjar of the satisfactory arrangement concluded between you and the Department of customs. On general grounds of policy, it is very desirable that differences should as far as possible be avoided between the Persian authorities and the Arab tribes under your rule. The relations between the British and the Persian Governments are of a friendly character, and the preservation of the integrity and independence of the Persian monarchy has for many years been one of the great objects of British policy in this part of the world. Disturbances of a nature of imperil that object would be a serious evil, and you would gain little and might endanger much by throwing off the sovereignty of the Shah, I am convinced that, under the present circumstances, the Arabs, and yourself as their ruler, have every interest in cultivating good and loyal relations with the Government of Tehran, and that the latter has no desire to oppress you or curtail your authority. For this reason, I think you acted wisely in giving up all idea of forcible resistance to the establishment of a custom-house, and in seeking rather to come, as I have

from the first urged you to do, to a friendly understanding on the subject with the Customs Administration.

Hajji Reis-ut-Tujjar asked me on your behalf to what extent you might rely on the protection of the British Government, and I told him that so long as you behaved to us, as you have done in the past, in a friendly manner, our influence would be exerted here to maintain you and your tribes on the enjoyment of your hereditary rights and customs, and to dissuade the Government of Tehran from any endeavour to diminish or interfere with them. Hajji Reis thereupon said that you were not afraid of the Persian Government itself, nor of attack by neighbouring tribes acting or professing to act under its orders; but that you wished to know whether we should protect you in the event of an attempt by a foreign Power to depose you or derive your people of the rights which they at present possess. This might happen in two ways: either such a Power, pretending to be the friend of the Persian Government or to act on its behalf, might attempt, also by means of its ships, to conquer you and the Arabs. I replied that both contingences were extremely unlikely, but if either were to arise, we should, I believed, interfere, provided you had acted in accordance with our advice; and our fleet, which is the strongest of any in the Gulf, would be employed to prevent any forcible measures against you. I stated, however, that I would refer these questions to the Foreign Minister of the British Government, and he has now authorised me to say that we shall protect Mohammerah against naval attack by a foreign Power, whatever pretext for such action may be alleged, and also, as long as you remain faithful to the Shah and act in accordance with our advice, shall continue to give you our good offices and support.

As I have, however, said above, I do not regard the danger — at any rate at present as a real one.

The Persian Government desires, I am sure, as earnestly as you do, the preservation of peace in Arabistan, and the establishment of a custom-house at Mohammerah is, as I assured you last year, a fiscal, not a political, measure. It has already informed me in a friendly spirit of the conditions under which the new arrangement has been made, and the British Government has instructed me to intimidate its acquiescence in them. We reserve, of course, our right to object to any

further change which we may consider likely, as affecting peace and trade on the Karun, to be detrimental to our interests.

I trust that the new arrangement may work smoothly. There will be very likely some small difficulties and friction at first, but I trust to your wisdom and judgement to deal with them prudently and patiently.

Our consul has my orders to afford you all help and advice, and you may place every reliance on my friendship. You can write to me freely should you wish to do so, as well as to the Resident in Bushire.

Author H. Hardinge.”

Prior to the despatch of this letter, His majesty’s minister informed the Grand Vizier orally that he had no wish to call in question the Shah’s sovereignty over the Sheikh and his people, which His Majesty’s Government had always recognised; but His Majesty’s Government were determined to support the Sheikh against attempts by Russian agents to intimidate him or to insinuate that they could bring pressure to bear on him owing to the influence which Russia exercised in Tehran. (His Majesty’s Government attitude in the matter was subsequently made clear in writing to the Minister for Foreign Affairs.) (Conf. 8215, Nos. 222,237, 406)

Sir A. Hardinge to the Sheikh
Baghdad, 24th December, 1903
(After compliments.)
Your Excellency,

I have received a telegram in reply to the one to His Majesty’s Secretary of State for Foreign Affairs from Mohammerah, after my first interview with your Excellency.

Lord Lansdowne says that if, as he presumes is the case from my account of your Excellency’s statement to me, the Persian Government is really attempting to repudiate the arrangement made with you last year, I am authorised to say that you are, in his opinion, justified in opposing such attempt. He instructs that you are, in his opinion, justified in opposing such attempt. He instructs me to remind you of the message which he sent you last year, and to add that you may rest assured of the support of the British Government so long as you on your side observe the conditions of the arrangement made be-

tween the Persian Government and yourself. He has authorised me to point out to that Government the necessity for respecting the conditions of the arrangement of their side. I do not propose to do so until I hear further from you, as I think it will be better in the interests of good relations between the Persian authorities and yourself that our intervention should not be invoked until all other means of adjusting matters directly between them and you have been exhausted. Meanwhile, I should be obliged if you would send me to Tehran, through His Majesty's Resident at Bushire, a copy of the note from M. Naus, promising not to take duty on your personal imports, and any further information on the subject.

I have, &c.
ARTHUR H. HARDINGE

Consul-General Cox to the Sheikh.
1st December, 1908
(After compliments.)

After enquiry after your welfare and congratulations on the satisfactory conclusion of your business with the Arab tribes, I have the honour to inform you that I duly communicated to Government all that passed at the interview which I and our friend Mr. McDouall had with your Excellency on the 7th January last, and also placed before them the statement of Government expenditure subsequently received from you through Mr. McDouall. The reply of His Majesty's Government reached me through His Majesty's Legation in September last, but, in view of the importance of the subject and the insecurity of the post, I thought it best to delay addressing you until my return to headquarters.

On arrival there I learnt of your own absence in Arabistan, and have since waited for your return to Failieh.

I am directed to repeat, on behalf of His Majesty's Government, the assurances given to your Excellency in the letter of His Majesty's Minister, Sir Arthur Hardinge, dated the 7th December, 1902, which is in your possession, and the terms of which I repeated to you at our interview above referred to, and I am then to add that His Majesty's Government now extend those assurances to your successors.

I am further to point out that His Majesty's Government have engaged to respect the independence and integrity of Persia, and to explain that that undertaking involves the maintenance of the status quo in that country, and includes the continuance of the state of autonomy which your Excellency at present enjoys.

It follows from the above that any external aggression upon your Excellency would constitute an infringement of Persian integrity which is recognised by the terms of the Anglo-Russian Convention.

Trusting to have an opportunity of repeating the foregoing assurances in person at an early date, I am, &c.

P. Z. Cox, Major,
British Resident in the Persian Gulf, and His Britannic
Majesty's Consul-General for Fars, &c.

Consul-General Cox to the Sheikh
Mohammerah, 16th May, 1909.

(After usual compliments.)

On the 1st December, 1908, I had the honour, by the direction of His Majesty's Government by his Excellency Sir Arthur Hardinge, British Minister at Tehran, in his letter of the 7th December, 1902, to your address, and to inform you that the British Government were now prepared to extend those assurances to your successors.

I was further directed to explain to you that the British Government had engaged to respect the integrity and independence of Persia, and that that undertaking in itself involved the maintenance of the status quo in Persia, and thus included the continuance of the same state of autonomy which your Excellency at present enjoys.

I was then to point out that it followed from the above that any external aggression upon your Excellency would constitute an act of infringement of that Persian integrity which has received recognition in the Anglo-Russian Convention.

While expressing your thanks for these amplified assurances, you represented that they seem to you only to safeguard you as long as Persia continued to exist as a sovereign State, and you pressed for a further assurance which would cover the contingency of Persia ceasing to exist as a sovereign State and the intervention or occupation by foreign Powers.

You also expressed doubt as to whether the present assurance only provided immunity of His Majesty the Shah, or whether the present assurance only provided immunity against unwarrantable encroachment on your rights by the absolute government of His Majesty's the Shah, or whether it also covered prevention of similar action on the part of parliamentary government. In reply to those representations, your Excellency was informed that Great Britain and Russia being pledged to respect the integrity of Persia, the British Government were not, properly speaking, able to admit even the possibility of Persia ceasing to be a sovereign State or coming under the occupation of a foreign Power, but that in the unlikely event of such a contingency the assurances already given to your Excellency would become ever binding than before.

I was further permitted to inform you that whatever change might take place in the form of government in Persia the British Government were prepared to give you the same support against any encroachment on your rights as was promised to you in 1902, and I was authorized to add that they were now prepared to extend the application of those assurances to your "heirs and successors".

Mr. McDouall and I have informed you that in our opinion the assurances as now extended and expressed, appear to satisfy all your requirements; but you have further requested that the words "heirs and successors" may be changed and the words "own successive male descendants" may be written instead; and you have gone on to express the hope that His Majesty's Government will be pleased to dispel the last shadow of doubt from your mind regarding their own intentions in the future, by adding after words "male descendants" as above, the words "up to a period of 100 years" (or if it is possible 150 years).

I cannot give your Excellency any reply on this point without reference to Government, but I will lose no time in communicating to them your representations.

I have, &c.
P. Z. Cox, Major,
Political Resident in the Persian Gulf

Consul-General Cox to the Sheikh
Mohammerah, 15th May, 1910.

(After usual compliments.)

I have the honor to intimate personally and in writing that I am authorized to inform your Excellency that whatever change may take place in the form of the Government of Persia, and whether it be Royalist or Nationalist, His Majesty's Government will be prepared to afford you the support necessary for obtaining a satisfactory solution in the event of any encroachment by the Persian Government on your jurisdiction and recognized rights or your property in Persia. In like manner they will safeguard you to the best of their ability against an unprovoked attack by a foreign Power or against any encroachment by such Power on your said jurisdiction and recognized rights or on your property in Persia. These assurances are given for yourself, and are intended to extend to your male descendants so long as you and they shall not have failed to observe your obligations towards the central Government, and shall continue to be acceptable to your tribesmen, to be guided by the advice of His Majesty's Government, and to maintain an attitude satisfactory to them.

P. Z. Cox, Lieutenant-Colonel,
British Resident in the Persian Gulf

Sir Persy Cox to the *Sheikh* 22nd November, 1914

(After usual compliments.)

With reference to the assurances conveyed to your Excellency in my letter dated the 15th October 1910... and having regard to the further valued services and co-operation which your Excellency has rendered to the British Government and British interests in Arabistan and the Shatt-el-Arab, I am now authorized to assure your Excellency personally, and do so by this writing, that whatever change may take place in the form of the government of Persia, and whether it be Royalist or Nationalist, His Majesty's Government will be prepared to afford you the support necessary for obtaining a satisfactory solution, both to yourself and to us in the event of any encroachment by the Persian Government on your jurisdiction and recognized rights or your property in Persia. These assurances are given for yourself, and for your

successors from among your male descendants And shall hold good so long as you and they do not fail to observe your and their obligations towards the Persian Government, provided always that the nomination of your successors from among your male descendants shall be subject to confidential consultation with, and the approval of, His Majesty's Government, and so long as you and they shall continue to be guided by the advice of His Majesty's Government, and to maintain an attitude satisfactory to that Government.

Vis-à-vis the Persian Government, we shall do our best to maintain your Excellency in your present state of local autonomy.

Further, the date gardens which you now possess on the Turkish side of the Shatt-el-Arab shall remain in full possession of you and your heirs, and immune from taxation.

P. Z. Cox, Lieutenant Colonel,
British Resident in the Persian Gulf, and His Britannic
Majesty's Consul-General for Fars, &c.

7. AGREEMENT BETWEEN HIS BRITANNIC MAJESTY'S GOVERNMENT AND THE PERSIAN GOVERNMENT. SIGNED AT TEHRAN, AUGUST 9, 1919

Цитируется по: J. C. Hurewitz. The Middle East and North Africa in World Politics: A Documentary Record. Vol. II, New Haven and London, 1979, p. 182–84.

№ 1

AGREEMENT BETWEEN THE GOVERNMENTS OF GREAT BRITAIN AND PERSIA

PREAMBLE: In virtue of the close ties of friendship which have existed between the two Governments in the past, and in the convention that it is in the essential and mutual interests of both in future, that these ties should be cemented, and that the progress and prosperity of Persia should be promoted to the utmost, it is hereby agreed between the Persian Government, on the one hand, and His Britannic Majesty's Minister, acting on behalf of his Government, on the other, as follows:

1. The British Government reiterate, in the most categorical manner, the undertakings which they have repeatedly given in the past to respect absolutely the independence and integrity of Persia.

2. The British Government will supply, at the cost of the Persian Government the services of whatever expert advisers may, after consultation between the two Governments, be considered necessary for the several departments of the Persian Administration. These advisers shall be engaged on contracts and endowed with adequate powers, the nature of which shall be the matter of agreement between the Persian Government and the advisers.

3. The British Government will supply, at the cost of the Persian Government, such officers and such munition and equipment of modern type as may be adjudged necessary by a joint commission of military experts, British and Persian, which shall assemble forthwith for the purpose of estimating the needs of Persia in respect of the formation of a uniform force which the Persian Government propose to create for the establishment and preservation of order in the country and on its frontiers.

4. For the purpose of financing the reforms indicated in clauses 2 and 3 of this agreement, the British Government offer to provide or arrange a substantial loan for the Persian Government, for which adequate security shall be sought by the two Governments in consultations in the revenues of the customs or other sources of income at the disposal of the Persian Government. Pending the completion of negotiations for such a loan the British Government will supply on account of it such funds as may be necessary for initiating the said reforms.

5. The British Government fully recognising the urgent need which exists for the improvement of communications in Persia, with a view both to the extension of trade and the prevention of famine, are prepared to cooperate with the Persian Government for the encouragement of Anglo-Persian enterprise in this direction, both by means of railway construction and other forms of transport; subject always to the examination of the problems by experts and to agreement between the two Governments as to the particular projects which may be most necessary, practicable and profitable.

6. The two Governments agree to the appointment forthwith of a joint committee of experts for the examination and revision of the

existing Customs Tariff with a view to its reconstruction on a basis calculated to accord with the legitimate interests of the country and to promote its prosperity.

Signed at Teheran, August 9, 1919.

№ . 2

AGREEMENT RELATING TO LOAN OF 2,000,000£ AT 7 PER CENT,
REDEEMABLE IN TWENTY YEARS

PREAMBLE: Contract between the British Government and the Persian Government with reference to an agreement concluded this day between the said Governments. It is agreed as follows:

Article 1. The British Government grant a loan of 2, 000,000 £ to the Persian Government, to be paid to the Persian Government as required in such instalments and at such dates as may be indicated by the Persian Government after the British Financial Adviser shall have taken up duties of his office at Teheran, as provided for in the aforesaid agreement.

Art. 2. The Persian Government undertakes to pay per annum upon sums advanced in accordance with article 1 up to 20 March 1921, and thereafter to pay monthly such amount as will suffice to liquidate the principal sum and interest thereon at 7 per cent per annum in twenty years.

Art. 3. All the revenues and customs receipts assigned in virtue of the contract of 8 May, 1911 for the repayment of the loan of 1,250,000£ are assigned for the repayment of the present loan with continuity of all conditions stipulated in the said contract, and with priority over all debts other than the 1911 loan and subsequent advances made by the British Government undertakes to make good the necessary sums from other resources, and for this purpose the Persian Government hereby assigns to the service of the present loan, and of the other advances above mentioned, in priority and with continuity of conditions stipulated in the aforesaid contract, the Customs receipts of all the regions, in so far as these receipts are or shall be at its disposal.

Art. 4. The Persian Government will have the right of repayment of the present loan at any date out of the proceeds of any British loan which it may contract for.

Signed at Tehran, August 9, 1919.

№ 3

ARTICLE 5 OF CONTRACT BETWEEN THE PERSIAN
GOVERNMENT AND THE IMPERIAL BANK OF PERSIA
RELATING TO THE PERSIA GOVERNMENT FIVE PER CENT
LOAN OF £1, 250, 000 OF MAY 8, 1911

(Included for reference)

5. THE Imperial Government of Persia specially assigns to the service of the loan, and as a first charge thereon, subject only to prior charges amounting to 15,714 £. ls. 10d. per annum for three years, and 30,278£12s. 7d. per annum from the year 1913 to the year 1928. The full net customs receipts of every description which the Government now is, or at any time hereafter may be, entitled to collect and receive at all ports or places in the Persian Gulf, including Bushire, Bunder Abbas, Lingah, Mohammera and Ahwaz, which receipts are hereby payable to the Bank, and the Imperial Government of Persia hereby engages forthwith after receipt thereof to pay to the Bank all such customs receipts as aforesaid without deduction other than for actual expenses of administration of the customs of the said ports disbursed prior to the date of such payment.

(a.) The Imperial Government of Persia undertakes that throughout the continuance of the loan all sums collected by the Customs Administrations shall be paid to the Bank at the orts of collection, or at its nearest branch, week by week for meeting the prior charges referred to above and for the service of the loan, and an account of such receipts shall be submitted to the Persian Government by the Bank at the end of each month.

(b.) The bank shall out of the money so collected, pay the prior charges above-mentioned, and the interest and sinking fund of the loan, and shall hold the surplus at the disposal of the Imperial Government of Persia.

(c.) The bank undertakes, out of the money so received to pay on behalf of the Imperial Government of Persia the half yearly coupon in London, and supervise the working of the sinking fund and service of the loan free of charges connected with the same.

(d.) In the event of the customs receipts of the above-mentioned ports for any three months, falling short of the amount required for

the prior charges and the service of the loan, either for interest or amortization, the Imperial Government of Persia binds itself to make good such deficiency from other sources of Government revenue, and further, should receipts from these sources fall below the amount required as above, the Persian Government hereby assigns for this purpose the revenue derived from the receipts of the telegraphs — this assignment to constitute a second charge on the said telegraph receipts up to the year 1928, after which the telegraph receipts will be free.

Об авторе

Федорова Ирина Евгеньевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран БСВ Института востоковедения Российской академии наук.

Основные направления исследований — новая и новейшая история Ирана, внешняя политика Исламской Республики Иран, международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке.

Книги автора в каталоге Института востоковедения РАН:

Иран — США. Диалог и противостояние. М.: Институт востоковедения, 2004. — 141 с.

About the author

Irina E. Fedorova PhD (History), senior researcher, Center of Middle East Studies of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Specializes in Modern History of Iran, Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran, International Relations in the Near and Middle East.

Author's books in the catalogue of the Institute of Oriental Studies of Institute, Russian Academy of Sciences:

Iran — US. Dialogue and Confrontation. M.: 2004.

Научное издание

Федорова Ирина Евгеньевна

**ЭВОЛЮЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ
В ИРАНЕ В НАЧАЛЕ XX в.
(1900–1919 гг.)**

Монография

Редактор *И. С. Батышев*
Верстальщик *Н. А. Кильдишева*
Оформитель *П. А. Трошина*
Корректор *И. Н. Козарезова*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 1.12.2022 г. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13,6.
Уч.-изд. л. 10,6. Тираж 500 экз. Заказ №3652

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий А. О. Захаров
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4
Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru